

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

РУЖЬЯ СТРЕЛКА ШАРПА

ВОЙНА СТРЕЛКА ШАРПА

Бернард Корнуэлл
Ружья стрелка Шарпа.
Война стрелка Шарпа
Серия «The Big Book.
Исторический роман»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66624954

*Ружья стрелка Шарпа. Война стрелка Шарпа: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2021
ISBN 978-5-389-20350-1*

Аннотация

В начале девятнадцатого столетия Британская империя простиралась от пролива Ла-Манш до просторов Индийского океана. Одним из строителей этой империи, участником всех войн, которые вела в ту пору Англия, был стрелок Шарп.

В романе «Ружья стрелка Шарпа» отряд героя окружен французскими войсками, одерживающими одну за другой победы на Иберийском полуострове. Избежать позорного плена Шарпу помогают испанские кавалеристы. Но за все надо платить, и Шарпу придется принять участие в самоубийственной попытке освободить священный для испанцев город Сантьяго-де-Компостела.

В романе «Война стрелка Шарпа» войска Наполеона спешат захватить территорию Португалии, и никто не знает, вступит ли небольшой британский контингент в сражение с врагом, или англичан ждет приказ о возвращении на родину. Но у Шарпа своя война. Он получает задание разыскать Кейт Сэвидж – дочь богатого английского негоцианта...

Содержание

Ружья стрелка Шарпа	6
Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	37
Глава третья	62
Глава четвертая	84
Глава пятая	100
Глава шестая	121
Глава седьмая	144
Глава восьмая	171
Глава девятая	192
Глава десятая	211
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Бернард Корнуэлл
Ружья стрелка Шарпа.
Война стрелка Шарпа
(Шестой и седьмой романы
цикла «Приключения
стрелка Шарпа»)

© М. В. Гутов, перевод, 1996

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Ружья стрелка Шарпа

Кэролайн Райан посвящается

Пролог

Шла отчаянная схватка за сундук.

Загадочный ящик находился под охраной майора испанской армии. На его захват был брошен полковник французской Императорской гвардии. Француз получил широкие полномочия: он имел право убить любого, вставшего на его пути.

Сам по себе сундук представлял собой затертый до блеска и почерневший от старости деревянный ящик, перехваченный двумя железными скобами. Тронутое древней ржавчиной железо было еще крепким. Старинный кофр имел два фута в длину, восемнадцать дюймов в ширину и столько же в высоту. Он запирался на два засова с висячими медными замками. Красные печати между горбатой крышкой и корпусом с годами превратились в едва заметные наплывы воска, вкрапленные в старое дерево. Сверху сундук был обшит промасленной тканью, защищавшей его от непогоды. Вернее сказать, ткань защищала от непогоды хранящуюся внутри судьбу Испании.

На второй день 1809 года кавалерийский полковник едва не захватил сундук. Находящийся под его командованием полк французских драгун настиг испанцев близ Леона. Испанцы укрылись в горах, для чего им пришлось бросить коней, ибо ни одно животное не могло удержаться на обледеневших камнях, среди которых скрылся от погони майор Блас Вивар.

Стояла зима, самая ужасная зима Испании, и самое неподходящее время для северных испанских гор, но французы не оставляли майору Вивару выбора. В декабре армия Наполеона взяла Мадрид. Майор успел бежать с сундуком из столицы за час до того, как в нее ворвалась конница неприятеля. С ним было сто десять касадорцев – конных охотников с прямыми палашами и короткоствольными карабинами. Охотники, однако, скоро превратились в преследуемых. Вивар петлял и запутывал следы, стараясь любой ценой оторваться от французов. Он надеялся пробиться на север, к армии генерала Романы, но за два дня до того, как драгуны загнали его в горы, Романа был разбит. Вивар остался один. Из отряда уцелело девяносто человек, остальные погибли.

Погибли за сундук, который оставшиеся в живых тащили по обледенелым горам. Тропы замело снегом. Временами теплело, и тут же начинался дождь, превращавший горные тропы в непроходимое болото. За ночь грязь замерзала. Мороз унес жизни каждого десятого касадорца. Иногда им удавалось укрыться в пещерах или на заброшенных фермах.

В один из таких дней, когда налетевший с запада буран принес обильный снегопад, отряд забился в овраг у самого гребня горы. Лежа на краю оврага, Блас Вивар осматривал ущелье в подозрную трубу. Он видел врага. Французы преследовали Вивара на всем протяжении его нелегкого пути. Беда в том, что ему приходилось пробиваться через перевалы, а они шли по долине, где были дороги, мосты и жилье. Временами погода позволяла оторваться от преследователей, и Вивар с надеждой думал, что больше не увидит погони. Но спустя несколько часов после очередного снегопада ненавистные силуэты появлялись вновь. Дрожа от пронизывающего ветра, Вивар смотрел, как французы расседлывают коней в крошечной деревушке в устье ущелья. Их ждали тепло и еда, их кони получают ночлег и сено, в то время как его людям предстояло страдать от секущего снега и холода.

– Они? – К Вивару присоединился лейтенант Давила.

– Они.

– Кавалерия?

– Да.

Вивар разглядывал двух всадников на деревенской улице. Полковник императорской легкой кавалерии щеголял в алом ментике, темно-зеленых лосинах и круглой шапке черного меха. Второй всадник был одет в черную приталенную бурку и белые сапоги. Человека в черной бурке Вивар боялся больше, чем полковника, потому что именно он вел драгун по его следу. Человек в бурке знал, куда пробивается Вивар,

знал, где его можно остановить, и еще он знал, какой силой обладает окованный железом ящик.

Лейтенант Давила присел на корточки рядом с Виваром. Они давно перестали походить на военных; лица, сапоги и руки были обмотаны тряпками. Но под накидками из мешковины скрывались красные мундиры элитной роты касадорцев. Офицеры были закалены и опытны, как все, прошедшие Французскую кампанию.

Давила взял у Вивара трубу. Сквозь слепящий косой снег мелькнул алый ментик кавалериста.

– Почему он без шинели? – пробормотал лейтенант.

– Хвастается закалкой, – проворчал Вивар.

Давила опустил трубу ниже и увидел въезжающих в село драгун. Некоторые вели под уздцы хромящих лошадей. Все были вооружены саблями и карабинами.

– А я думал, мы от них оторвались, – невесело произнес он.

– Мы от них оторвемся, когда похороним последнего человека.

Вивар опустился на дно оврага. Закаленное солнцем и ветром суровое лицо майора оживляли искрящиеся юмором и пониманием темные глаза. Он посмотрел на дрожащих в овраге солдат:

– Сколько у нас еды?

– На пару дней хватит.

– Иногда мне кажется, – голос Вивара был едва слышен за

воем ветра, – что Бог оставил Испанию.

Лейтенант Давила промолчал. Порыв ветра сорвал снег с края оврага и закружил его сверкающим вихрем. Давила с горечью думал о том, как французы разграбят деревню, присвоят себе дрова, еду, женщин. Разгонят визжащих детей, мужчин подвергнут пыткам, дабы вырвать у них сведения о потрепанном отряде касадорцев с сундуком. Крестьяне будут божиться, что никого не видели, после чего их все равно расстреляют, и на лице человека в черной бурке и белых сапогах не промелькнет ни тени сожаления. Давила закрыл глаза. До этой войны он не знал, что такое ненависть; сейчас он не знал, удастся ли ему когда-нибудь вырвать ее из своего сердца.

– Мы разделимся, – неожиданно сказал Вивар.

– Что? – переспросил задумавшийся о другом Давила.

– Я возьму сундук и восемьдесят человек, – отчетливо произнес Вивар, – ты с остальными останешься здесь. Когда французы уйдут за нами, пойдешь на юг. Только будь уверен, что долина свободна. Наш враг умен, – возможно, он уже догадался, что я задумал. Так что жди, Диего! Жди, пока не убедишься, что в долине никого нет, а потом еще один день. Ты понял?

– Понял.

Несмотря на усталость и пронизывающий до костей холод, Вивар произнес последние слова с подъемом:

– Иди на Оренсе, Диего. Посмотри, остался ли кто-нибудь

из наших. Скажи, что они мне нужны! Скажи, что мне нужны лошади и люди. Веди их в Сантьяго; если меня там не будет, двигайся на восток, пока не встретимся.

Давила кивнул. Вопросов было много, но он не мог заставить себя говорить.

Вивар тем не менее его понял.

– Если французы захватят сундук, – мрачно сказал майор, – ты об этом узнаешь. Они растреляют о своем успехе на всю Испанию. И война будет проиграна.

Давила дрожал под рваной одеждой.

– Если вы пойдете на запад, дон Блас, вы встретите англичан.

Вивар сплюнул, демонстрируя свое отношение к английской армии.

– Разве они не помогут? – настаивал Давила.

– Доверился бы ты британцам с этим сундуком?

Подумав, лейтенант ответил:

– Нет.

Вивар еще раз поднялся на край оврага и осмотрел деревню:

– Может, хоть эти дьяволы нарвутся на англичан. Тогда одна свора варваров перебьет другую. – Его передернуло от холода. – Если бы у меня было достаточно людей, Диего, я бы забил ад душами французов. Но у меня нет людей. Поэтому я и прошу тебя привести их мне!

– Я постараюсь, дон Блас.

Большого Давила обещать не мог, ибо никто из испанцев не смел надеяться на удачу в начале 1809 года. Король Испании находился во французском плену, в Мадриде на трон взошел брат французского императора. Наполеон разбил испанскую армию, столь успешно противостоявшую ему в прошлом году, а выступивших на помощь англичан загнал на побережье. Испании оставалось надеяться лишь на разрозненные отряды разбитой армии, гордость непокоренного народа и на сундук.

Утром следующего дня Вивар ушел на запад. Лейтенант Давила наблюдал, как французские драгуны седлали коней и покидали разоренную деревню. В холодное небо поднимались клубы дыма. Человек в черной бурке и белых сапогах точно знал, куда пойдет майор Блас Вивар, и французы повернули коней на запад. Давила прождал целый день, потом, когда снег перешел в дождь и тропы потонули в густой грязи, двинулся к югу.

Опять началась изнурительная гонка по запутанным горным тропам. Лишь чудо могло спасти Испанию и превратить позорное поражение в победу.

Глава первая

В деревне пришлось оставить более ста упившихся до потери сознания солдат и несколько женщин.

Солдаты были совершенно невменяемы. В подвале таверны они обнаружили огромные бочки с прошлогодним вином. Когда наступил бледный рассвет, по всей деревне валялись бездыханные тела.

Пьяные были англичанами. Они бежали в армию от беспросветной нужды и преступлений и еще потому, что там давали треть пинты рома в день. Накануне вечером они нашли свой рай в ничтожной таверне в ничтожном испанском городишке, лежащем на ничтожной каменистой дороге к морю. Теперь судьба пьяниц зависела от милости французов.

Высокий лейтенант в зеленом мундире 95-го стрелкового полка бродил среди разбросанных во дворе таверны тел. Уснувшие пьянчуги его не интересовали. Он искал деревянные ящики с порохом, сброшенные с фургонов, чтобы освободить место для раненых и обмороженных. Ослабевшая армия была не в силах тащить за собой боеприпасы, как, впрочем, и многое другое. Все оставалось французам. Лейтенант приказал стрелкам набить патронами ранцы и карманы. Теперь он и его подчиненный загружали корзины последнего батальонного мула.

Стрелок Купер посмотрел на оставшиеся ящики:

– А что делать с этими, сэр?

– Сжечь.

– Силы ада! – Купер расхохотался и показал на валяющихся по всему двору пьяниц. – Вы же их поджарите!

– Это все равно сделают французы. – Глубокий шрам на левой щеке лейтенанта придавал ему свирепый вид. – Ты что, хочешь, чтобы французы перебили нас нашим же порохом?

Куперу было все равно, что сделают французы. Сейчас его больше волновала уснувшая в углу двора пьяная девчонка.

– Жаль ее убивать, сэр. Посмотрите, какая лапочка.

– Оставь ее французам.

Купер наклонился и расстегнул платье, чтобы увидеть груди. Девушка поежилась от холодного воздуха, но не проснулась. В залитом вином платье и с перепачканными блевойтой волосами, она все равно была хороша. В пятнадцать или шестнадцать лет она вышла замуж за солдата и поехала за ним на войну. Теперь ее оставляли французам.

– Просыпайся! – крикнул Купер.

– Брось ее, – проворчал лейтенант, но не удержался и подошел поближе. – Сука бестолковая, – проворчал он мрачно.

Во дворе показался майор:

– Интендант!

– Слушаю, сэр! – резко обернулся лейтенант.

У майора было злое лицо с маленькими жесткими усиками.

– Когда закончите раздевать женщин, окажите любезность, присоединитесь к нам.

– Я бы хотел вначале сжечь эти ящики, сэр.

– Пропади они пропадом, ваши ящики! Поторапливайтесь!

– Слушаюсь, сэр!

– Если, конечно, не собираетесь остаться. Не думаю, что армия много без вас потеряет.

Лейтенант не ответил. Шесть месяцев назад, когда его перевели служить в батальон, ни один офицер не позволил бы себе говорить в таком тоне в присутствии солдат. Поражение испортило характеры и обострило скрытые противоречия. Люди, которые в нормальной обстановке обращались друг с другом с показным уважением, а иногда и с натянутой сердечностью, теперь грызлись как бешеные псы.

Майор Уоррен Даннет ненавидел своего интенданта слепой, всепоглощающей ненавистью, и самым оскорбительным для майора было то, что лейтенант на нее не реагировал. Вызывающий и независимый вид новоиспеченного офицера окончательно добивал Даннета.

– За кого, интересно, он себя принимает? – накинулся майор на капитана Мюррея. – С чего он взял, что его будет ждать вся армия, будь она проклята?

– Он выполняет свои обязанности, не так ли? – Джон Мюррей был мягким и справедливым человеком.

– Ни черта он не выполняет. Разглядывает сиськи ка-

кой-то шлюхи, – сплюнул Даннет. – Я всегда был против присутствия этого идиота в батальоне! Полковник принял его на службу из уважения к Вилли Лоуфорду. До чего, будь оно все проклято, докатилась армия! Ну какой офицер может получить из сержанта? И еще смел податься в стрелки!..

Мюррей подозревал, что Даннет просто завидует новому лейтенанту. В британской армии мало кому удавалось дослужиться от рядового до офицера. Интенданту это удалось. Он побегал с ружьем в красном солдатском мундире, потом стал сержантом, после чего, в награду за проявленную на поле боя самоубийственную храбрость, его произвели в офицеры. Прочие офицеры знали о прошлом лейтенанта и боялись, что его боевой опыт лишний раз подчеркнет их собственную некомпетентность. Тревожились они напрасно, ибо полковник с первого дня назначил лейтенанта на интендантскую должность, понимая, что человек, послуживший и солдатом, и сержантом, до тонкости разбирается в махинациях вещевой службы.

Оставив французам и пьяных, и патроны, интендант вышел со двора таверны. На улице под холодным дождем ожидали триста стрелков. Замотанные в раздобытое на марше тряпье солдаты и офицеры походили на чудовищную армию нищих. У многих подошвы сапог держались на веревках. Грязные шарфы укрывали небритые лица. Красные опустошенные глаза, впалые щеки, побелевшие от мороза брови... Бедняги, потерявшие кивера, нахлобучили на головы об-

висшие крестьянские шляпы. Между тем потрепанное подразделение оставалось элитой армии, это были королевские стрелки. На каждом штуцере стоял промасленный замок с острым кремнем.

Командир полубатальона майор Даннет вел своих людей на запад. Шла первая неделя января. Начиная с Рождества англичане откатывались на запад, подальше от размоловивших испанскую армию французов. Каждый день марша был настоящей пыткой холодом, голодом и болью. В некоторых батальонах дисциплина упала полностью, их путь был отмечен валяющимися на обочине трупами. Среди погибших были и женщины, последовавшие в Испанию за своими мужьями. Попадались и дети. Выжившие настолько свыклись с кошмарами войны, что могли спокойно наступить на обледенелый труп ребенка.

И тем не менее среди сломленной ледяными ветрами армии оставались подразделения, готовые развернуться и дать бой французам, – гвардейцы и легкие пехотинцы, элита армии сэра Джона Мура, дошедшие до середины Испании, чтобы перерезать коммуникации Наполеона. Они пришли уверенные в победе, но император обрушил на них удар сокрушающей мощи. Немногочисленная британская армия обратилась в бегство к спасительным кораблям.

Триста стрелков Даннета чувствовали себя потерянными среди ледяной пустыни. Где-то впереди находилась основная часть отступающей армии, сзади нагоняли французы. Мир

пехотинца состоял из ранца бредущего впереди бедолаги, слякоти, усталости и боли в скрученном голодом животе.

Выйдя из деревни, солдаты через час подошли к каменному мосту через ручей. Там их ожидали британские кавалеристы с сообщением, что артиллерия увязла на склоне в двух милях впереди. Офицеры просили батальон Даннета подождать у моста, пока артиллеристы не втащат орудия на перевал. Потом они обещали спуститься за ними.

– Сколько это займет времени? – подозрительно спросил Даннет.

– Час. Не больше.

Стрелки остановились. За последние две недели они прикрывали отход более десяти раз – жало в хвосте армии. Если повезет, сегодня французы их не потревожат. А если не повезет, через час появится вражеский авангард – кавалерия на выбившихся из сил конях. Французы предпримут пробную атаку, стрелки дадут пару залпов, после чего все успокоится, поскольку ни у кого не будет явного преимущества. Французы позволят зеленым курткам тащиться дальше. Обычная на войне ситуация: скука, холод, отчаяние.

Стрелки заблокировали дорогу к западу от моста, лицом к востоку. Сержанты прохаживались за строем. Офицеры стояли перед ротами. Лошади их давно погибли от холода. Все молчали.

Назначенный на должность интенданта батальона лейтенант бесцельно прогуливался по каменному мосту, взгляды-

ваясь в промозглую пелену. Майор Уоррен Даннет усмотрел в этом очередной вызов.

– Только полюбуйся, где занял позицию чертов выскочка, – проворчал он, подойдя к капитану Мюррею.

– Не вижу в этом никакого вреда, – ответил с обычной мягкостью капитан.

– Он просто поднявшееся из грязи ничтожество!

Мюррей улыбнулся:

– Он отличный интендант, Уоррен. Вспомните, когда у ваших солдат было столько патронов?

– Он обязан обеспечить мне нормальный ночлег, а не шастать черт знает где в надежде доказать, что умеет драться. Ты только посмотри на него!

Даннет злобно уставился на молодого офицера. Майор походил на человека, которому не удастся почесать зудящее место.

– До сих пор ведет себя как солдат. Как был крестьянином, так и остался. Ну зачем ему ружье?

– Вот уж не знаю.

Ружье было неуместной причудой. Считалось, что интенданту оружие вообще не нужно. Он должен иметь бумагу, чернила, перья и счетные палочки. Он должен уметь раздобыть еду и выбить ночлег в переполненном солдатами городишке. Ему нужен нос, чтобы вынюхивать прогнившее мясо, нужны весы, чтобы взвешивать порции, нужно упорство, чтобы противостоять наглости других интендантов. Оружие

ему ни к чему. Тем не менее новоиспеченный лейтенант постоянно таскал с собой ружье и еще саблю. Таким образом он недвусмысленно заявлял о своем намерении сражаться, а не заниматься интендантскими обязанностями. Зеленые куртки относились к оружию интенданта с насмешкой. Несмотря на прошлые подвиги, сейчас он воспринимался как стареющий лейтенант-неудачник.

Даннет притопывал замерзшими ногами.

– Первыми пойдут фланговые роты, Джонни. Ты прикроешь.

– Слушаюсь, сэр. Будем ждать конницу?

– Пропади она пропадом! – Даннет ненавидел кавалерию врожденной ненавистью пехотинца. – Ждем еще пять минут. Хватит, чтобы убрать с дороги проклятые пушки... Что-нибудь видите, интендант? – язвительно поинтересовался майор.

– Нет, сэр.

Лейтенант снял кивер и провел рукой по длинным темным и грязным после похода волосам. Шинель его была растегнута, ни шарфа, ни перчаток он не носил: либо не мог себе позволить, либо хвастался закалкой. Даннет изо всех сил желал, чтобы рвущегося в битву выскочку-лейтенанта зарубили в первой же стычке.

Правда, рубить было некому. Скорее всего, дождь, ветер и проклятый холод заставили французов остановиться в последней деревушке. А может, они соблазнились пьяными

женщинами. Как бы то ни было, враг не показывался, лишь крепчающий ветер гнал по темному небу низкие тучи.

Майор Даннет нервно выругался. Четыре роты брошены среди бездорожья и холода! Четыре забытые роты на проигранной войне. Ждать дальше нет смысла.

– Снимаемся! – скомандовал Даннет.

Послышались свистки. Две фланговые роты развернулись и, как ожившие мертвецы, побрели по разбитой дороге. Две стоящие по центру роты под командованием капитана Мюррея остались на мосту.

Стрелки любили капитана Джона Мюррея. Он был настоящим джентльменом, обмануть его было трудно, зато на откровенность капитан отвечал откровенностью и относился к людям справедливо. У него были тонкие черты лица и живая улыбка. Капитан любил пошутить. Благодаря таким офицерам, как Мюррей, стрелки еще сохраняли дисциплину и подобие строевой выучки, обретенной на плацу Шорнклифа.

– Сэр! – До сих пор не ушедший с моста интендант показал на возникшую из пелены дождя фигуру. – Один из наших.

Едва держащийся на ногах человек действительно оказался английским солдатом. Ни кивера, ни сапог на нем не было. Босые ноги оставляли на каменистой дороге кровавый след.

– Это ему послужит уроком, – сказал капитан Мюррей. – Видите, ребята, к чему приводит пьянство?

Незамысловатая шутка капитана развеселила стрелков.

Капитан явно передразнивал священника, который как-то раз читал в батальоне проповедь о греховности спиртного. Обветренные, потрескавшиеся губы солдат с трудом складывались в улыбку, но это было лучше, чем мрачное отчаяние.

Солдат, один из оставленных в деревушке пьяниц, попытался махнуть ослабевшей рукой. Очевидно, инстинкт самосохранения вывел его на дорогу и погнал на запад. Он споткнулся о замерзший труп лошади и попытался бежать.

– Кавалерия! – крикнул вдруг лейтенант.

– Стрелки! – заорал капитан Мюррей. – К бою!

Онемевшими от холода руками солдаты выдергивали тряпки из ружейных замков. Замерзшие пальцы двигались быстро, ибо на дороге действительно показались зловещие очертания всадников. На фоне серого неба чернели ножны, плащи и карабины в седельных кобурах. Французские драгуны.

– Спокойно, ребята, спокойно, – уверенным голосом произнес капитан Мюррей.

Новый лейтенант отбежал к левому флангу, где находился его мул.

Отставший солдат соскочил с дороги, перепрыгнул через канаву и завизжал, как свинья на бойне. Один из драгун настиг его и рассек лицо мечом от бровей до подбородка. Кровь хлынула на замерзшую землю. Второй драгун рубанул несчастного по голове. Солдат упал на колени и заплакал. Спустя мгновение его затоптали копытами.

Французский эскадрон скакал на перекрывшие дорогу роты. Доносились крики «Serrez! Serrez!», что по-французски означало «стягиваться». Кавалеристы сбивались в плотный строй, прижимаясь друг к другу сапогами. Прежде чем капитан Мюррей скомандовал «Огонь!», лейтенант успел разглядеть обрамлявшие лица драгун косицы.

Грянуло около восьмидесяти ружей. У остальных отсырел порох, но восемьдесят пуль с расстояния менее сотни ярдов смешали вражеский эскадрон. Кони заметались, всадники полетели на землю, началась паника. Замерзающий день пронзило ржание смертельно раненной лошади.

– Заряжай!

Сержант Уильямс находился на правом фланге роты Мюррея. Он выхватил у солдата давшее осечку ружье, выскреб из замка сырую кашицу и засыпал сухого пороха из своего рожка.

– Прицельный огонь! Стрелять без команды!

Новый лейтенант вглядывался в черно-серый дым, стараясь разглядеть офицера, и увидел кричащего на других всадника. Он прицелился, от сильной отдачи занемело плечо. Ему показалось, что француз упал, но сказать наверняка было трудно. На дорогу вылетела лошадь без всадника. С седла капала кровь.

Прогремело еще несколько выстрелов. Стволы выплевывали пламя на два фута. Конница рассеялась. Туман и дождь более не позволяли вести прицельный огонь. Французы так

и не выяснили, какие силы им противостоят.

Роты Даннета перестроились для прикрытия. Раздался свисток, означающий, что Мюррей может отвести своих людей. Драгуны открыли беспорядочный огонь из карабинов. Стреляли с седел, что делало попадание почти невозможным.

– Отходим! – скомандовал Мюррей.

Последние штуцера плюнули огнем в сторону противника, и солдаты отступили. Подгоняемые страхом люди забыли о холоде и голоде и побежали к перестроившимся ротам Даннета. Теперь замерзшей пехоте предстояло долго играть в кошки-мышки с усталой кавалерией.

Стрелок Купер тащил по дороге упирающегося мула. Мюррей легонько ткнул мула палашом, и животное подпрыгнуло.

– Почему вы его не отпустите? – крикнул он лейтенанту.

– Потому что он мне еще нужен.

Лейтенант приказал Куперу отвести мула на северный склон, где бы он не мешал ротам Даннета вести огонь по французам. Зеленые куртки были обучены обороняться разбросанной цепью, в которой каждый стрелок ведет прицельный огонь из своего укрытия. Сейчас они отступали плотными рядами и стреляли залпами, как обычные пехотинцы.

– Держать строй! – крикнул сержант Уильямс.

Французский авангард осторожно приближался к мосту: около сотни всадников на измученных лошадях. Применять

кавалерию в горах при такой погоде было безумием, но император приказал догнать и уничтожить британскую армию. Это означало, что лошадей будут сечь до смерти. Копыта были замотаны в тряпки, чтобы кони меньше скользили.

– Стрелки! Примкнуть штыки! – скомандовал Даннет.

Солдаты вытащили из ножен длинные штыки и закрепили их на стволах заряженных винтовок. Команда была излишней, так как французы, похоже, не собирались больше атаковать. Тем не менее устав требовал вести бой с кавалерией при примкнутых штыках, и Даннет решил подстраховаться.

Лейтенант зарядил ружье. Капитан Мюррей вытер влагу с лезвия тяжелого кавалерийского палаша, который, как и ружье лейтенанта, считался причудой. Пехотным офицерам полагалась легкая изогнутая сабля, но Мюррей носил прямой палаш, одним весом способный проломить человеческий череп.

Драгуны спешили и выстроились в ломаную линию, протянувшуюся далеко по обе стороны моста.

– А они не шутят, – пробормотал капитан и нервно оглянулся, в надежде увидеть британскую кавалерию.

– Отступать поротно! – крикнул майор Даннет. – Джонни, отводи своих!

– Пятьдесят шагов, марш!

Две роты капитана Мюррея отошли на пятьдесят шагов и образовали новую линию обороны.

– Первому ряду приготовиться к стрельбе с колена! – при-

казал Мюррей.

– Всё бежим, – проворчал стрелок Харпер. Гигант-ирландец славился непокорным характером. У него было широкое, плоское лицо с песочного цвета бровями, сейчас покрытыми белой изморозью. – Нет чтобы передуть этих тварей. Представить только, сколько жратвы у них в ранцах! – Он тоже обернулся на запад. – Где, будь она проклята, наша кавалерия?

– Молчать! Смотреть вперед! – резко скомандовал лейтенант.

Харпер смерил его насмешливым и презрительным взглядом.

Вдали виднелись смутные очертания драгун. Время от времени с их стороны раздавались выстрелы, и ветер поднимал облачка серого дыма. Один из стрелков получил ранение в ногу и отчаянно клял французов.

Новоиспеченный лейтенант прикинул, что до полудня оставалось не более двух часов. Хорошо, если бой завершится к раннему вечеру. Ему еще предстояло найти овчарню или церковь, где стрелки смогли бы укрыться на ночь. Он молил Бога, чтобы подвезли муку. Ее смешивали с водой, поджаривали на огне и ели. Мешка хватало на ужин и на завтрак. Если повезет, будет и мясо убитой лошади. Наутро люди проснутся с судорогами в животе, построятся и побредут на запад, пока не прозвучит очередная команда развернуться и дать бой.

Тем же самым драгунам, которые сегодня позволили им отойти.

– Не очень-то они рвутся в атаку, – проворчал лейтенант.

– И правильно, – задумчиво сказал Мюррей. – Их ждет курица с чесноком, хорошее красное вино и ядреная девка в постели. Кому захочется помирать в промозглой дыре, если все это под боком?

– Отступаем колоннами, по полуротам! – приказал Даннет, уверенный, что противник больше не рискнет ввязываться в бой. – Капитан Мюррей, прошу вперед!

Прежде чем Мюррей успел отдать приказ, новоиспеченный лейтенант громко крикнул:

– Кавалерия сзади!

– Это наши, олух! – Даннет не скрывал своего презрения к интенданту.

– О черт! – выругался Мюррей, посмотрев на дорогу. – Задняя шеренга, кругом! Майор Даннет! Это французы!

Один Бог знал, откуда за спиной у стрелков взяли три свежих вражеских эскадрона.

Сквозь распахнутые тужурки французов виднелись зеленые мундиры с розовым шитьем. Всадники уже обнажили палаши. Их вел егерь, что было довольно странно. Офицер был одет в красную накидку, малиновый ментик и черную меховую папаху Императорской гвардии. Рядом с ним на огромном чалом жеребце скакал человек в черной бурке и сверкающих белых сапогах.

Даннет растерянно уставился на неожиданно возникшего противника. Стрелки лихорадочно перезаряжали ружья. Интендант опустился на колени, набросил ремень на локоть и выстрелил в егеря. Пуля пролетела мимо, и стрелок Харпер презрительно хмыкнул.

Из вражеских рядов раздался горн. Его резкий звук предвещал смерть.

Егерь поднял палаш. Человек в бурке вытащил саблю. Всадники перешли на рысь, копыта застучали по замерзшей земле. Драгуны надвигались тремя эскадронами, каждый из которых отличался мастью лошадей. В первом эскадроне лошади были черными, во втором – гнедыми, в третьем – светло-гнедыми. Подобное построение было обычным для парада, в бою масти быстро перемешивались за счет запасных лошадей. Трубачи и трое всадников с остроконечными флажками на пиках восседали на серых скакунах. Флажки ярко выделялись на фоне низкого серого неба. Кристаллами белого льда сверкали палаша драгун.

Майор Даннет понял, что стрелкам грозит уничтожение: – Строиться в каре! В каре! Строиться!

Солдаты поспешно сгруппировались в неровный квадрат. Попавшие в первые ряды опускались на колени и упирали приклады в землю, каре ошетинилось штыками. Задние заряжали ружья, обдирая о штыки застывшие пальцы. Стрелок Купер и его мул оказались в середине каре.

Светло-пегий эскадрон повытаскивал карабины и спе-

шился. Два других эскадрона надвигались на стрелков. До каре оставалось не менее ста шагов, и драгуны не спешили переводить коней в галоп.

– Огонь! – скомандовал Даннет.

Успевшие перезарядить ружья выстрелили. С десяток лошадей потеряли седоков. Стрелки толкались и перестраивались, стараясь образовать правильный квадрат, из которого мог бы стрелять каждый. Теперь они стояли в три ряда.

– Огонь!

Новый залп принес врагу большой ущерб. Егерь дал команду рассеяться. Всадники разлетелись в стороны, дав возможность спешившимся драгунам открыть стрельбу из карабинов. С восточной стороны появились драгуны, ранее преследовавшие отступавших стрелков.

Каре представляло идеальную мишень для карабинов. Рассыпаться в цепь стрелки не могли, конница мгновенно изрубила бы их в куски. Полковник-егерь оказался смышленным типом, подумал лейтенант. Многим стрелкам придется отдать сегодня свои жизни.

Некоторые уже погибли. Центр каре превратился в кровавую кашу, звучали вопли раненых, проклятия и отчаянные молитвы. Дождь усилился, стрелкам приходилось сыпать на полку все больше пороха, чтобы выпустить в сторону почти невидимого врага очередную пулю.

Эскадроны на конях откатились на запад и перестроились. Теперь они ожидали своего часа по обеим сторонам дороги.

Застывшая сталь палашей отливала смертельным блеском. Пока зеленые куртки сохраняли боевой порядок и каре щетинилось бледными штыками, всадники были не страшны. Но огонь карабинов выкашивал стрелков, и рано или поздно каре должно было дрогнуть, после чего кавалерийская атака разметет его, как кучу сухих листьев.

Даннет это понимал и отчаянно искал спасения. Он увидел его в низком облачке, укутавшем склон в двухстах ярдах к северу. Если солдатам удастся подняться на гору, они спасены. Майор колебался. Пуля ударила сержанту в голову, и тот замертво рухнул на землю. Отчаянно завизжал раненый в живот стрелок. Еще один, с пробитой ступней, давился слезами, но упорно перезаряжал ружье.

Даннет вглядывался в клубящееся на вершине горы облачко и поглаживал мокрые от дождя короткие усы. Наконец он решился:

– Вверх! Марш! Держать ряды!

Каре поползло наверх. Стрелки подбирали кричащих от боли раненых. Пули французов с глухим стуком продолжали попадать в цель. Ряды англичан расстраивались, то и дело приходилось останавливаться, чтобы поднять раненого или выстрелить в ответ. Каре двигалось убийственно медленно. Растрепанные нервы майора Даннета не выдержали.

– Разойдись! Бегом марш! Бегом марш!

– Нет! – крикнул лейтенант, но на него не обратили внимания.

Стрелки бросились бежать. Чтобы спастись, им надо было успеть взобраться на гору раньше кавалерии. Как оказалось, полковник-егерь безошибочно рассчитал дистанцию.

Солдаты бежали со всех ног, но хриплое их дыхание и топот сапог потонули в грохоте копыт.

Стрелок обернулся и увидел оскаленные зубы лошади. В следующее мгновение он услышал резкий звук горна и свист палаша. Несчастный завизжал.

Началась бойня.

Всадники размели солдат и крутились, выискивая жертвы. Сверкали палаша. Лейтенант увидел, как поднялся в стременах для удара драгун со свисающими из-под шлема косицами. Он метнулся в сторону, и палаш со свистом рассек воздух возле его лица. Перед ним оказался другой всадник, но лейтенант перехватил ружье за ствол и со всех сил треснул лошадь прикладом по морде. Лошадь заржала и поднялась на дыбы. Лейтенант побежал дальше. Он отчаянно кричал, пытаясь собрать уцелевших стрелков, однако обезумевшие от ужаса солдаты уже ничего не воспринимали. Батальонный мул несся на восток, стрелок Купер, до последнего пытавшийся спасти боеприпасы в седельных сумках, погиб от удара палаша.

Майора Даннета втоптали в грязь. Двое драгунов кружили вокруг семнадцатилетнего солдата; один рубанул его по глазам, второй проткнул палашом грудь. Седла до крови растерли шкуры лошадей, но те были привычны к подобным испы-

таниям. Одному из стрелков отхватили щеку, и рот его пузырился слюной и кровью. Французы рубили с криком. Это был настоящий праздник кавалерии: рассеянная пехота на твердой почве.

Лейтенант упорно лез вверх, продолжая кричать:

– Стрелки, ко мне! Ко мне! Стрелки, ко мне!

Полковник-егерь услышал команды и развернул в сторону англичанина огромного черного коня.

Лейтенант отбросил в сторону ружье и выхватил саблю:

– А ну давай, ублюдок!

Егерь держал палаш в правой руке. Чтобы удобнее было рубить, он направил коня влево по отношению к стрелку. Лейтенант ждал, пока он приблизится, чтобы всадить саблю в морду лошади. Ему всегда удавался этот прием. Лошадь сбрасывала седока, главное было выбрать правильный момент. Этот человек должен погибнуть.

Егерь легко пришпорил коня, лейтенант взмахнул саблей и понял, что его перехитрили. Конь француза замер, сабля со свистом рассекла воздух, и в следующую секунду всадник оказался с другой от лейтенанта стороны. Подобный маневр свидетельствовал о долгих годах тренировки. Егерь оказался левшой; мгновенно перебросив саблю в другую руку, он обрушил на шею стрелка страшный удар.

Полковник ни секунды не сомневался, что противник будет убит. Он и не помнил, скольких людей он развалил пополам подобным приемом. Теперь к неуклюжим австрийцам,

пруссакам, русским и испанцам добавится лейтенант английских стрелков. Однако удар егеря не достиг цели. С невероятной скоростью лейтенант вскинул саблю и прикрыл голову. Лязгнули клинки, оба офицера едва не вывихнули руки. Дешевая сабля лейтенанта переломилась, но удар егеря был отбит. Лошадь француза по инерции пролетела вперед. Изумленный полковник обернулся и увидел, что враг снова бежит вверх. Какое-то мгновение он сомневался, не устремиться ли в погоню, но потом раздумал, соблазненный легкими жертвами у подножия холма.

Отшвырнув поломанную саблю, лейтенант лез по склону, продолжая созывать стрелков. Вокруг него стали собираться люди. Вскоре образовался отряд, достаточно большой, чтобы дать отпор всадникам. Драгуны преследовали одиноких солдат, с наслаждением вымещая на них злобу за сметенных ружейными залпами товарищей, за всех французов, отдавших жизни в этой бесконечной погоне, за все насмешки, которые они выслушали от стрелков за последние горькие недели.

К лейтенанту присоединился капитан Мюррей.

– Перехитрили, сволочи! – тяжело выдохнул он.

Маленький отряд стрелков выбрался на вершину горы. Здесь он был в безопасности. Конница противника не могла достать их среди камней. Мюррей приказал зеленым курткам остановиться и в ужасе смотрел на продолжающуюся внизу побоище.

Драгуны разъезжали среди убитых и раненых. Разрубленные лица стрелков являли собой страшное зрелище. Время от времени французы спешивались и перетряхивали карманы и ранцы убитых. Интендант видел, как майора Даннета поставили на ноги, обшарили его карманы. Даннету повезло. Он остался жив и попал в плен. Стараясь спастись, один из стрелков кинулся вниз по склону, за ним устремился человек в черной бурке и белых сапогах. Хладнокровно взмахнув саблей, он обрушил на несчастного профессиональный удар.

– Сволочи! – простонал Мюррей и, понимая, что бой окончен, вложил в ножны тяжелый кавалерийский палаш. – Будьте вы прокляты, чертовы лягушатники!

Из четырех рот уцелело пятьдесят человек. В живых остались сержант Уильямс и стрелок Харпер. Многие истекали кровью. Сержант пытался зажать рану на плече. Из офицеров спаслись только Мюррей и лейтенант.

– Будем пробиваться на восток, – спокойно произнес Мюррей. – Может быть, после темноты догоним своих.

Из пелены дождя наконец показалась британская кавалерия, и с губ огромного ирландца сорвалось проклятие. В ту же секунду английских всадников увидел полковник-егерь. Затрубил горн, призывая драгун готовиться к бою. Англичане, не найдя своей пехоты, развернулись. Стрелки презрительно закричали.

– Молчать! – рявкнул Мюррей.

Крики привлекли внимание спешившихся драгун. Фран-

цузы посчитали, что насмешка относится к ним. Они похватили карабины и ружья и дали по стрелкам нестройный залп. Пули засвистели над головами уцелевших, а одна, отрикошетив от камня, ударила в бок капитана Мюррея. От удара капитан рухнул на землю. Левой рукой он впился в пожухлую траву, а правой зажал кровоточащую рану на животе.

– Всем вверх! Меня оставить! – Голос капитана был едва слышен.

Стрелок Харпер кинулся вниз и огромными ручищами поднял с земли тело капитана. Тот громко застонал. Французы полезли вверх, решив захватить оставшихся стрелков в плен.

– За мной! – скомандовал лейтенант и повел стрелков еще выше, к спустившимся на гору облакам.

Французы открыли беспорядочный огонь, но зеленые куртки скрылись в спасительном тумане. На какое-то время они оказались в безопасности.

Лейтенант нашел нишу в камнях, позволявшую кое-как укрыться от пронизывающего ветра. Там разместили раненых, по периметру выставили часовых.

Мюррей был бледен, как патронная бумага.

– Не думал, что так получится, Дик, – простонал капитан.

– Непонятно, откуда они взялись. Они не могли нас обогнать. Не могли!

– Значит, смогли.

Мюррей кивнул Харперу, который с неожиданной в таком

гиганте нежностью принялся расстегивать портупею и освобождать от одежды рану капитана. Было видно что Харпер свое дело знает, и лейтенант отправился вниз посмотреть, где расположился противник.

Очевидно, драгуны посчитали уцелевший отряд недостойным внимания. Пятьдесят английских солдат стали тенью, щепкой, отколовшейся от тонущего корабля. Если бы французы знали, что командует ими интендант, презрение их стало бы еще ббольшим.

Но интендант впервые вступил в бой с французами пятнадцать лет назад и с тех пор воевал непрерывно. Стрелки называли его «новым лейтенантом», вкладывая в это сочетание презрение бывалых солдат. Они просто не знали своего командира. Они принимали его за выбившегося в офицеры сержанта, и они были не правы. Он был солдат, и звали его Ричард Шарп.

Глава вторая

Ночью лейтенант Шарп отправился на разведку. Он хотел выяснить, контролируют ли французы дорогу на перевале. В темноте, среди непроходимых скал, офицер потерял ориентацию и, вконец разозленный, вернулся к пещере, где укрылись стрелки.

К утру туман рассеялся. При первом свете дня показались и французы. Кавалерия уже ускакала на запад, зато по уходящей на юг долине маршировали брошенные вдогонку армии сэра Джона Мура пехотинцы маршала Сульта.

– Нас к чертовой матери отрезали, – проворчал сержант Уильямс.

Лейтенант Шарп промолчал и отошел к раненым. Капитан Мюррей спал, укрытый полудюжиной шинелей. Даже во сне его продолжала бить крупная дрожь. Сержант, получивший рубленую рану плеча и шеи, умер ночью. Шарп прикрыл его лицо кивером.

– Ничтожество, – злобно процедил Уильямс, глядя в спину лейтенанта Шарпа. – Ну какой из него офицер, Харпс? Жалкий выскочка.

Стрелок Харпер точил штык с усердием человека, чья жизнь зависит от состояния его оружия.

– Не офицер и не джентльмен. Вчерашний сержант, черт бы его взял!

– Да, он был сержантом. – Харпер поднял голову и посмотрел в сторону офицера.

– Если он вздумает мне приказывать, я его пошлю. Он такой же, как я, разве не так?

Харпер неопределенно хмыкнул, чем разочаровал сержанта, ожидавшего большей поддержки. Уильямс подождал, не добавит ли Харпер еще чего, но тот лишь прищурился, осмотрел лезвие и аккуратно вложил штык в ножны.

Уильямс сплюнул:

– Получат пояс и палаш – и начинают мнить себя Господом Богом! На самом деле он даже не стрелок. Интендант-тишка несчастный!

– Да, он интендант, – согласился Харпер.

– Я и говорю, вшивый кладовщик, разве не так?

Шарп резко обернулся, и Уильямсу, хотя это и было невозможно, показалось, что его услышали. Взгляд лейтенанта был тверд как гранит.

– Сержант Уильямс!

– Сэр? – Забыв о своем решении не повиноваться, сержант вскочил.

– Видите укрытие? – Шарп показал на север долины, где из тумана вырисовывались очертания каменной фермы. – Раненых туда.

Уильямс скептически процедил сквозь желтые зубы:

– Не представляю, как их туда доставить, сэр. Капитан...

– Я сказал, раненых – на ферму, сержант. – Шарп соби-

рался уйти, но развернулся и добавил: – И не устраивайте дискуссий по каждому поводу.

На переноску раненых ушло почти все утро. Самым сухим сооружением заброшенной фермы оказался каменный амбар, возведенный на основании скалы, благодаря чему внутрь не могли забраться мелкие грызуны. Крыша его покоилась на крестообразных опорах. Издалека здание смотрелось как примитивная церквушка. В разрушенном доме и коровниках нашлось несколько источенных грибок и изрешеченных пулями досок.

Огонь постепенно согрел раненых. Стрелок Хэгмэн, беззубый тридцатилетний чеширец, отправился за дровами, а лейтенант Шарп выставил часовых на козих тропах, идущих с запада на восток.

– Капитан Мюррей плох, сэр. – Сержант Уильямс подошел к вернувшемуся в амбар лейтенанту. – Ему нужен хирург.

– Что в наших условиях неосуществимо.

– Да, сэр. Если только... то есть... – Краснолицый сержант не решался договорить до конца.

– Если только мы не сдадимся французам? – насмешливо переспросил Шарп. Глаза лейтенанта стали холодными и неподвижными, как у змеи.

Встретив его взгляд, Уильямс огрызнулся:

– По крайней мере, у лягушатников есть хирурги, сэр.

– Через час, – произнес Шарп, словно не слышал ответа сержанта, – я проверю все ружья. Проследите за готовно-

стью.

Уильямс вызывающе посмотрел на офицера, но не решился проявить неповиновение. Коротко кивнув, сержант отправился исполнять приказ.

Капитан Мюррей полулежал на куче мешков в амбаре. Увидев Шарпа, он слабо улыбнулся:

– Что намерены делать?

– Сержант Уильямс полагает, что мне следует показать вас французскому хирургу.

– Я спросил, что вы намерены делать, – поморщился Мюррей.

Шарп присел рядом с капитаном:

– Догонять своих.

Мюррей кивнул. Он сжимал в руках кружку с чаем – драгоценный подарок стрелка, припрятавшего немного заварки на дне ранца.

– Меня оставьте здесь.

– Я не могу...

– Я умираю.

Мюррей резко повел плечами, показывая, что проявления сочувствия излишни. Рана почти не кровоточила, но распухший синий живот свидетельствовал о сильном внутреннем кровоизлиянии. Капитан кивнул в сторону троих тяжелораненых. У всех были рубленые раны лица или груди.

– Этих тоже оставьте. Куда пойдете? На побережье?

Шарп покачал головой:

– Теперь нам своих не догнать.

– Скорее всего. – Мюррей прикрыл глаза.

Шарп ждал. Снова пошел дождь. Сквозь щель в крыше вода упорно заливала огонь. Лейтенант задумался. Естественнее всего было бы постараться догнать армию сэра Джона Мура. Только вот отступала она слишком быстро, да и дорога оказалась под контролем французов. Этот вариант вел к пленению. Идти следовало на юг. Сэр Джон вышел из Лиссабона, оставив для охраны столицы Португалии небольшой гарнизон.

– Как далеко до Лиссабона? – спросил Шарп Мюррея.

Капитан открыл глаза и пожал плечами:

– Бог его знает. Миль четыреста. Может, пятьсот. – Он поморщился от боли. – По этим дорогам все шестьсот. Думаешь, там еще есть наши?

– По крайней мере в Лиссабоне мы сможем найти корабль.

– Если французы не доберутся туда раньше. А Виго?

– Французы скорее пойдут на Виго, чем на Лиссабон.

– Правильно. Возможно, Лиссабон – самое верное решение. – Мюррей посмотрел на смазывающих ружейные замки солдат. – И не мучай людей.

– Я их не мучаю, – с ноткой вызова ответил лейтенант.

Слабая улыбка оживила лицо Мюррея.

– Тебе приходилось служить под командованием офицера из солдат?

Почувствовав критику, Шарп было ошетинился, но тут же

сообразил, что капитан хочет ему помочь.

– Нет, сэр, никогда не приходилось.

– Людям это не нравится. Глупо, конечно. Они думают, что офицерами рождаются. – Мюррей вдохнул и содрогнулся от боли. Увидев, что Шарп предупредительно поднялся, капитан покачал головой. – У меня мало времени. Не хочется его терять. Я не навязываюсь?

– Нет, сэр.

Мюррей отхлебнул из кружки.

– Это хорошие парни.

– Да.

– Но у них своеобразные представления об офицерах. Они считают нас особыми людьми. Высшей кастой. Офицеры выбирают войну сознательно, в то время как солдаты воюют из нищеты. Ты меня понимаешь?

– Да.

– Они считают тебя таким же проклятым, как они сами, в то время как офицер должен быть избранником судьбы. – Мюррей печально покачал головой. – Не очень приятный разговор получился?

– Напротив, – солгал Шарп.

Ветер проникал в амбар через щели в углах и раздувал небольшой костерок. Мюррей невесело улыбнулся:

– Теперь несколько практических советов. Как добраться до Лиссабона. – Капитан нахмурился и несколько минут молчал. Потом посмотрел на Шарпа воспаленными красны-

ми глазами. – Привлекли на свою сторону Патрика Харпера.

Шарп непроизвольно обернулся и глянул на сгрудившихся в углу амбара стрелков. Похоже, огромный ирландец почувствовал, что речь идет о нем, и враждебно уставился на Шарпа.

– Он бунтовер, но люди к нему прислушиваются. Я как-то раз пытался сделать его выбранным, – вместо нового слова «капрал» Мюррей по привычке употребил старый термин стрелков, – но он не захотел. Из него выйдет отличный сержант. Черт! Из него и офицер бы получился неплохой, если бы он умел читать! Люди его слушают. Сержант Уильямс у него под пятой.

– Я сумею с ним справиться, – с фальшивой убежденностью произнес Шарп.

Он и сам успел заметить, что ирландец – прирожденный лидер. Стрелки тянулись к его костру потравить солдатские байки. К любимым офицерам ирландец относился с насмешливым послушанием, остальных презирал. Стрелок внушал опасение не только гигантскими размерами, но и самоуверенностью.

– А Харпер уверен, что справится с тобой. Это твердый орешек. – Мюррей помолчал, улыбнулся и добавил: – При этом он жутко сентиментален.

– Значит, у него тоже есть слабость, – резко сказал Шарп.

– Разве это слабость? – Капитан пожал плечами. – Я не уверен. Ладно, можешь считать меня слабым. Когда я умру, –

Мюррей махнул рукой, увидев, что лейтенант собрался его перебить, – когда я умру, – повторил он, – возьмешь мой палаш. Я скажу Уильямсу, что он твой.

Шарп посмотрел на прислоненный к стене огромный кавалерийский палаш в железных ножнах. Оружие выглядело нелепо и несуразно, но Шарп не стал возражать против подарка.

– Спасибо, – неуклюже пробормотал он. Лейтенант не привык к личным знакам внимания и не научился должным образом выражать благодарность.

– Не бог весть какой палаш, – продолжал Мюррей, – но тебе послужит. И если тебя с ним увидят... – Боль не дала ему закончить предложение.

– Стрелки решат, что я настоящий офицер? – Шарп не смог скрыть раздражения.

– Нет. Они поймут, что я тебя любил. Это тебе поможет.

Мягкий тон умирающего окончательно смутил Шарпа, и он снова забормотал слова благодарности.

– Я наблюдал за тобой во вчерашнем бою. Ты неплохо дерешься, а?

– Для интенданта?

– Много пришлось видеть сражений? – Мюррей проигнорировал вопрос Шарпа.

– Да.

– Это бестактно, – улыбнулся капитан. – Молодым лейтенантам не к лицу быть опытнее своих начальников. – Мюр-

рей поднял голову и посмотрел на разломанную крышу. – Довелось же помирать в таком дурацком месте!

– Я сделаю все, чтобы вы выжили.

– Полагаю, вы многое можете сделать, лейтенант Шарп. Только вот чудеса вам не под силу.

Мюррей уснул.

В тот день все стрелки отдыхали. Дождь не переставал; к вечеру он превратился в тяжелый мокрый снег, и скоро ближайшие холмы оказались укутаны белой пеленой.

Хэгмэн поймал в силки двух зайцев. Скромной добычи хватило, чтобы сдобрить скудную похлебку из фасоли и хлебных крошек, чудом сохранившихся в ранцах стрелков. Готовить было не в чем, солдаты использовали вместо кастрюль оловянные кружки.

С наступлением темноты Шарп вышел из амбара и отправился на разрушенную ферму. От строения остались лишь четыре стены, на которых некогда покоилась крыша из бревен и дерна. Одна дверь выходила на восток, другая – на запад. Через восточную дверь Шарп видел клубящуюся снегом долину. Был момент, когда ему показалось, что в дальнем ее конце курится дымок. Там их мог ожидать теплый ночлег и отдых... Но уже в следующее мгновение все опять потонуло в снежной пелене. Лейтенант задрожал от холода: не верилось, что все происходит в Испании.

Услышав шаги, Шарп обернулся. Стрелок Харпер протиснулся в западную дверь дома и замер, увидев офицера. Затем

он показал на покрытые дерном стропила и сказал:

– Дерево, сэр. Для костра.

– Забирай.

Шарп смотрел, как ирландец выдергивает из камней бревна. Похоже, стрелку не нравилось, когда за ним наблюдают, ибо он выпрямился и уставился на офицера.

– Что мы будем делать, сэр?

На мгновение Шарпу показалось, что в грубоватом тоне содержится оскорбление, но потом он сообразил, что стрелок всего-навсего задал волновавший всех вопрос.

– Возвращаемся домой.

– Вы имеете в виду Англию?

– Я имею в виду назад, в армию. Пойдем на юг, к Лиссабону.

– Я и не думал, что вы поведете нас на Донегол.

– Ты оттуда?

– Ага.

Харпер задумчиво смотрел на снегопад в темнеющей долине.

– Донегол похож на это место. Только здесь лучше.

– Лучше?

Шарп удивился. В глубине души ему было приятно, что гигант снизошел до разговора с ним. Он даже начал ему нравиться.

– Ты сказал – лучше? – Шарпу пришлось повторить вопрос.

– Конечно лучше. Здесь же никогда не правили англичане. – Харпер презрительно смотрел на сидящего перед ним Шарпа. – Это чистая страна.

Шарп понял, что его спровоцировали на вопрос, чтобы лишний раз посмеяться.

– Ты, кажется, пришел за дровами?

– Да.

– Тогда бери и иди.

Позже, проверив посты, Шарп вернулся в амбар и уселся у стены, прислушиваясь к негромким голосам стрелков, собравшихся у костра Харпера. Они тихо посмеивались, давая Шарпу понять, что не принимают его в компанию солдат. Даже обреченных. Он остался один.

Ночью Мюррей умер. Капитан скончался тихо, без агонии.

– Ребята решили его похоронить, – сказал Уильямс, словно ожидая от Шарпа возражений.

– Разумеется, – ответил лейтенант, стоя в дверях амбара.

– Он просил передать вам это. – Уильямс протянул палаш.

Наступил щекотливый момент. Принимая несуразное оружие, Шарп чувствовал на себе любопытные взгляды стрелков.

– Спасибо, сержант.

– Капитан всегда говорил, что в бою это лучше сабли, сэр. Вселяет в лягушатников смертный ужас. Настоящее мясниц-

кое лезвие.

– Не сомневаюсь.

Передача палаша придала сержанту уверенности.

– Мы вчера толковали, сэр.

– Мы?

– Ну, я и ребята.

– И?

Шарп спрыгнул с высокого порога амбара в сияющий свежий снег. Вся долина сверкала под лучами бледного солнца, к которому подбирались темные тучи.

– Они не пойдут, сэр. Они не пойдут на юг. – Сержант говорил уважительно, но твердо.

Шарп прошелся по свежевывавшему снегу. Изодранные, как у большинства стрелков, сапоги пропускали влагу. Подошва держалась на веревке. Сапоги Шарпа мало походили на обувь привилегированного офицера, за которым пойдут измученные стрелки.

– И кто же так решил, сержант?

– Мы все, сэр.

– С каких это пор, сержант, армия превратилась в... –

Шарп пытался припомнить словечко, услышанное в офицерской столовой, – в демократию?

– Во что, сэр? – опешил Уильямс.

Объяснить Шарп не мог, поэтому начал с другого:

– С каких это пор сержанты стали главнее лейтенантов?

– Дело не в том, сэр.

– В чем же тогда?

Сержант заколебался, но напряженные лица сгрудившихся у дверей амбара стрелков придали ему решимости.

– Дело в безумии вашего плана, сэр. Да. Нельзя идти на юг по такой погоде. Мы погибнем от голода. К тому же неизвестно, есть ли в Лиссабоне наш гарнизон.

– Да, неизвестно.

– Поэтому мы пойдем на север. – Уильямс говорил доверительно, словно оказывал Шарпу неоценимую услугу. – Там много портов, сэр. Мы сможем найти корабль. Я имею в виду, наш флот курсирует вдоль побережья. Они нас подберут.

– С чего вы решили, что там наш флот?

Уильямс скромно пожал плечами:

– Это не я решил, сэр.

– Харпер? – предположил Шарп.

– Харпс? Господи, нет, конечно. Что может знать этот деревенщина? Нет, стрелок Танг, сэр. Вот умный человек. Читать умеет. Если бы не пил, он бы далеко пошел, сэр. Если бы только не пил. Но он образованный человек, и он объяснил, что флот курсирует у побережья. Если мы пойдем на север, нас подберут. – Вдохновленный молчанием Шарпа, Уильямс махнул рукой в сторону пологих гор на севере. – Не думаю, что это далеко, сэр. Я имею в виду побережье. Три дня, может быть, четыре.

Шарп отошел от амбара еще на несколько шагов. Снег был глубиной дюйма четыре, в провалах и ямах – больше. Вполне

нормально для марша. Тучи понемногу затягивали солнце.

Шарп посмотрел на Уильямса:

– Вам не приходило в голову, сержант, что французы захватили эту страну с севера и с востока?

– Вот как?

– Если мы двинем на север, то, скорее всего, попадем в плен. Или вы этого и хотите? Вчера вы, кажется, были готовы сдаться.

– Всегда можно избежать столкновения, сэр.

Уильямс, похоже, представлял себе марш как детскую игру в прятки.

Шарп повысил голос, чтобы его слышали все:

– Идем на юг, сержант. Сегодня дойдем до конца этой долины, переночуем и поворачиваем на юг. Снимаемся через час.

– Сэр...

– Я сказал, через час, сержант! Так что поторопитесь с похоронами капитана Мюррея. Если собираетесь мне перечить, можете выкопать могилу и для себя. Вам ясно?

Уильямс хотел огрызнуться, но съезжился под взглядом Шарпа. Наступил напряженный момент. Наконец сержант кивнул:

– Слушаюсь, сэр.

– Тогда приступайте.

Шарп отвернулся. Внутри у него все дрожало. Он отдавал приказы спокойным и властным голосом, хотя не был уве-

рен в том, что его послушают. Эти люди не привыкли подчиняться лейтенанту Шарпу. Они замерзли, находились далеко от дома, их окружали враги, и они были убеждены, что путь на север короче и безопаснее пути на юг. Их армия разбита, французы стремительно завоевывают Испанию. Стрелков охватил страх.

Шарп тоже боялся. Его власть над этими людьми держалась на волоске. Еще хуже, если они посчитают ее угрозой собственной жизни. Тогда более чем на всажженный в спину штык рассчитывать не придется. Его имя пополнит списки офицеров, павших при разгроме армии сэра Джона Мура. Семьи у него нет, и кончины этой никто не заметит. Он даже не знал, остались ли у него друзья.

Шарп понимал, что ему, пожалуй, следует обернуться и лишний раз посмотреть в глаза стрелкам мятежной роты, но его просто колотило от напряжения. Чувствуя, что не довел до конца важное дело, он вытащил подзорную трубу.

Лейтенант Шарп не был богатым человеком. Его обмундирование мало чем отличалось от одежды тех, кого он вел за собой, разве что на офицерских шароварах красовались серебряные пуговицы. Сапоги его были так же изорваны, рацион так же скуден, а оружие так же изношено, как у любого из стрелков. Но он обладал одной ценной и прекрасной вещью.

Это была подзорная труба: великолепный прибор, сработанный мастером Мэтью Бергом из Лондона и подаренный

сержанту Ричарду Шарпу генералом сэром Артуром Уэлсли. На медной пластинке имелась гравировка в память о сражении в Индии, в ходе которого Шарп, тогда еще рядовой, спас жизнь генералу. За этим поступком последовала полевая комиссия, которую сейчас, глядя в подзорную трубу, лейтенант Шарп проклинал последними словами. Решение комиссии выдернуло его из солдатских рядов, сделав бывших друзей врагами. А ведь было время, когда солдаты собирались у костра Ричарда Шарпа. Теперь это в прошлом.

Шарп разглядывал занесенную снегом долину. Накануне ему показалось, что где-то вддали вьется дымок человеческого жилья. Сейчас сквозь чистые линзы он без труда разглядел каменные домики и высокую арку колокольни. В нескольких часах марша находилась деревушка. Как бы бедно ни жили крестьяне, еда у них всегда припасена. Во дворе закопаны залитые воском горшки с фасолью и пшеницей, в дымоходе припрятано копченое мясо. Мысль о еде неожиданно овладела всем его существом.

Он навел трубу на резкость и принялся изучать сверкающую долину. В объективе мелькнуло дерево с сосульками. Пронеслось что-то черное, Шарп замер... Нет, всего лишь ворон, машущий крыльями на фоне белого склона. За вороном просматривалась бегущая вниз по холму цепочка человеческих следов.

Молодой лейтенант вздрогнул. Следы были свежие. Почему часовые не подняли тревогу? Он перевел трубу на неглу-

бокий овраг, где кончалась козлиная тропа, и увидел, что часовых нет. Он молча выругался. Бунт уже начался. Черт бы их побрал! Лейтенант захлопнул подзорную трубу, поднялся и обернулся.

В западных дверях развалившейся фермы стоял стрелок Харпер. Должно быть, подкрался, как кот, ибо Шарп ничего не услышал.

– Мы не идем на юг, – грубо заявил Харпер, похоже растерявшись оттого, что Шарп повернулся так резко.

– Мне наплевать на то, что вы решили. Немедленно собираться. Всем быть готовым к маршу.

– Нет.

Шарп положил трубу на подоконник рядом с ранцем, новым палахом и выдавшим виды ружьем. Теперь у лейтенанта был выбор. Он мог взывать к разуму, убеждать, уговаривать и просить, а мог употребить данную ему власть. Он слишком замерз и проголодался, чтобы действовать через убеждение. Поэтому он просто произнес:

– Стрелок, вы арестованы.

Харпер не обратил внимания на его слова:

– Мы не идем, сэр, и все.

– Сержант Уильямс! – крикнул Шарп в дверь.

Стрелки стояли полукругом у выкопанной в снегу неглубокой могилы. По их поведению было видно, что они поручили Харперу представлять свои интересы. Уильямс не пошевелился.

– Сержант Уильямс!

– Он не двинется с места, сэр, – сказал Харпер. – Все предельно просто. Мы не идем на юг. Будем пробиваться на север, к побережью. Мы уже обсудили эту проблему и приняли решение. Вы можете идти с нами, а можете оставаться здесь. Нам все равно.

Шарп всеми силами старался скрыть страх, от которого колело кожу и крутило пустой желудок. Согласие идти на север означало бы примирение с бунтовщиками и окончательную потерю авторитета. Между тем, настаивая на юге, он призывал собственную гибель.

– Мы идем на юг.

– Вы меня не поняли, сэр.

– Напротив. Я все прекрасно понял. Вы решили идти на север, но боитесь, что я пойду на юг и доберусь до гарнизона в Лиссабоне. Там я доложу о вашем бунте и неповиновении. После чего я расстреляю вас на краю вашей могилы, Харпер.

– Вы не доберетесь до Лиссабона, сэр.

– Хочешь сказать, что тебя послали меня прикончить? Мертвый офицер не сообщит о бунте, правильно?

По выражению лица ирландца Шарп понял, что попал в точку. Харпер нервно переминался с ноги на ногу. Это был настоящий гигант, ростом шесть футов и четыре дюйма, на четыре дюйма выше лейтенанта. Массивное тело свидетельствовало о недюжинной силе. Стрелки, безусловно с радостью, поручили ему исполнить грязную работу. Пожалуй, ни

у кого другого на такое не хватило бы мужества. А может, национальная ненависть к англичанам превращала для Харпера все дело в удовольствие.

– Ну, – настойчиво повторил Шарп, – прав я или нет?

Харпер облизал губы и положил руку на медную рукоятку штыка:

– Вы можете пойти с нами, сэр.

Шарп выдержал паузу, после чего, словно подчиняясь неизбежности, устало кивнул и произнес:

– Похоже, у меня не остается выбора?

– Нет, сэр. – В голосе ирландца звучало явное облегчение по поводу того, что ему не придется убивать офицера.

– Возьми это. – Шарп показал на ранец и оружие.

Несколько обескураженный безапелляционным тоном приказа, Харпер тем не менее подошел и нагнулся за ранцем. В ту же секунду он понял, что его перехитрили. В последний момент он попытался увернуться, но было поздно. Лейтенант изо всех сил пнул его ногой в живот и тут же обрушил на шею ирландца страшный удар сцепленных в замок рук.

К изумлению Шарпа, Харпер не упал. Любой другой тут же потерял бы сознание, а гигант только потряс головой, как оглушенный кабан, и выпрямился. Офицер ударил его кулаком правой руки в живот, затем добавил левой. Шарпу казалось, что он лупит по тиковому дереву. Удары потрясли ирландца, однако вывести его из строя не могли. Зарывав, он бросился в атаку. Шарп увернулся, нанес еще один удар,

после чего голова его взорвалась от боли от бокового удара стрелка. Он ткнулся лицом в лицо Харпера, и в следующую секунду его ребра затрещали от чудовищного объятия. Лейтенант пнул противника сапогом в голень, но стальная хватка не ослабела. Кроме зубов, оружия не оставалось, и Шарп впился в щеку противника. От дикой боли тот распустил захват, отбросил офицера и размахнулся для удара.

Шарп оказался быстрее. Он вырос в трущобах, где с детства пришлось усваивать жестокие и безжалостные приемы. Он ударил Харпера в горло, после чего пнул в пах. После таких ударов люди выли от боли и обращались в бегство. Харпер лишь содрогнулся и вновь пошел вперед.

– Ублюдок! – прошипел Шарп, пригнулся, отпрыгнул назад и оттолкнулся от стены, используя толчок для нанесения серии ударов в корпус и голову противника.

Харпер не отступал. Он нанес ответный удар, в кровь разбив нос и губы Шарпа. Лейтенант отлетел на несколько шагов, споткнулся о камень и упал. Огромный сапог едва не разможил ему голову. Шарп увернулся от пинка, вскочил и вцепился в ремни Харпера. Резким рывком он вывел ирландца из равновесия и швырнул на стену. Харпер ударился о камень лицом. По левой щеке потекла кровь.

Шарп едва стоял на ногах. Ребра ныли, голова кружилась, лицо было в крови. Он видел сгрудившихся в дверях стрелков. Их лица выражали изумление, и Шарп понял, что никто не вмешается, чтобы помочь Харперу. Ирландец должен все

сделать сам.

Харпер сплюнул, посмотрел на Шарпа сквозь кровавую маску и вытащил штык.

– Только попробуй, ирландская сволочь, убью на месте.

Харпер молчал, и это было страшно.

– Подонок, – повторил Шарп и взглянул в сторону своего палаша.

Ирландец тут же переместился, отрезая путь к оружию, и двинулся вперед, выставив нож, как заправский боец. Затем сделал резкий выпад, от которого Шарп едва увернулся и чуть не упал. Харпер атаковал еще раз, резко и жестко, стараясь вывести офицера из равновесия.

Второй выпад Шарп уже ожидал и легко ушел в сторону. Лицо гиганта выражало растерянность и удивление. Харпер был сильнее и моложе Шарпа, но ему никогда не приходилось драться на таких скоростях. К тому же его никогда так не били. Удивление сменилось гримасой боли, когда Шарп ударил его кулаком в глаз. Теперь ирландец размахивал штыком, стараясь удержать противника на расстоянии. Шарп смело пошел вперед, встретил лезвие предплечьем и что есть силы ударил Харпера основанием ладони в нос. Не дав ирландцу опомниться, он ткнул ему пальцами в глаза и попытался выдавить их из глазниц. Харпер вывернулся, однако Шарпу удалось сбить его с ног. Рука лейтенанта горела, горячая кровь заливала рукав, но боли он не чувствовал. Кинувшись к упавшему противнику, он несколько раз изо всех

сил пнул его в ребра, потом всадил каблук в кисть Харпера и, поранив пальцы, выдернул штык. Из ртов дерущихся валил пар, штык был в крови, еще больше крови было на снегу, плавно опускавшемуся сквозь провалы в крыше на пол амбара.

Ирландец почувствовал, что ему приходит конец. Откатившись в сторону, он вскочил, подобрал камень и бросился в атаку. Едва Шарп взмахнул штыком, стрелок нанес страшный удар камнем по лезвию. От удара рука Шарпа онемела. Ему тоже не приходилось драться с человеком подобной силы. Он попытался было перехватить штык, но Харпер ударил его камнем в живот. Лейтенант отлетел к стене и захрипел от боли. Рука по-прежнему бездействовала.

До сего момента ирландец был безучастен, как мясник. Теперь его лицо приняло зверское выражение. Такие лица бывают у людей во время яростной атаки. Шарп понял, что если раньше Харпер без особого усердия исполнял порученное дело, то теперь он завелся по-настоящему. Впервые с начала драки ирландец заговорил. Гэльского языка Шарп не знал, но общий смысл сказанного понял без труда.

– Давай, ублюдок! – приговаривал Шарп, разминая онемевшую руку. – Ирландская свинья! Сволочь болотная! Ну, давай!

Разбитые губы Харпера растянулись в страшном оскале, обнажив залитые кровью зубы. Выкрикнув угрозу, он бросился вперед, и Шарп применил прием егеря. Перебросив

штык в другую руку, он сделал выпад.

Неожиданно весь мир взорвался.

Грохот оглушил Шарпа, а сноп пламени едва не ожег лицо. Лейтенант пригнулся, и в ту же секунду пуля выбила фонтан каменной крошки из стены здания.

Он подумал, что кто-то из стрелков решился помочь Харперу. С яростью загнанного в угол животного Шарп развернулся в сторону выстрела и увидел, что ирландец поражен не меньше его. Все еще сжимая в руке камень, Харпер растерянно смотрел на возникшего в восточной двери человека с пистолетом.

– А я думал, вы здесь, чтобы воевать с французами, – насмешливо и властно произнес незнакомец. – Или у англичан, как у крыс, принято драться между собой?

На говорившем был изодранный в клочья пурпурный мундир офицера испанской кавалерии. Обрамляющая воротник золотая лента почернела, а цепь, на которой висела шпага, покрылась ржавчиной. Высокие черные сапоги разорвались. С плеч свисал промокший плащ. Его люди, чей след видел в трубу Шарп, выстроились к востоку от фермы. Выглядели они не лучше, но, как успел отметить наметанным глазом лейтенант, при всех были палаши и карабины. Испанский офицер опустил руку с дымящимся короткоствольным пистолетом.

– Кто вы такие, черт побери? – прохрипел Шарп, все еще сжимая штык.

Он действительно напоминал загнанную в угол крысу – злобную, истекающую слюной и кровью.

– Меня зовут майор Блас Вивар, – произнес средних лет офицер с жестким лицом. И он, и его люди выглядели так, словно за последние дни им пришлось пройти через сущий ад. Тем не менее они не казались изможденными, а в голосе майора звучали насмешливые нотки. – А кто вы?

Прежде чем ответить, Шарп сплюнул густую кровавую жижу.

– Лейтенант Шарп, Девяносто пятый стрелковый полк.

– А он? – Вивар посмотрел на Харпера.

– Этот человек арестован. – Шарп бросил штык на землю и толкнул Харпера в грудь. – Выходи! Вон!

Он вытолкал ирландца из разрушенной фермы на улицу, где толпились в снегу остальные стрелки.

– Сержант Уильямс!

– Сэр? – Сержант в ужасе смотрел на их окровавленные лица.

– Стрелка Харпера под строгий арест!

Шарп последний раз толкнул Харпера, отчего тот упал на землю, и вернулся к насмешливому испанцу.

– Похоже, у вас проблемы, лейтенант?

Позор ситуации и ехидный тон майора окончательно доби́ли Шарпа.

– Это вас не касается.

– Сэр! – осуждающе произнес испанец.

– Не ваше дело, черт побери.

– Мы в Испании, лейтенант, – пожал плечами майор Ви-вар, – и то, что здесь происходит, касается меня больше, чем вас.

Английский язык майора был безупречен, но холодная вежливость отточенных фраз будила в Шарпе ослиное упрямство.

– Все, чего мы хотим, – Шарп вытер окровавленный рот рукавом зеленого мундира, – это убраться из вашей проклятой страны.

В глазах испанца сверкнул гнев.

– Полагаю, это лучший выход для всех нас, лейтенант. Может, вам помочь?

Как бы то ни было, у Шарпа появился союзник.

Глава третья

– Поражение, – произнес Блас Вивар, – убивает дисциплину. Армию можно научить всему: маршировать, сражаться, выполнять приказы, – при каждом слове испанец стряхивал на пол кухни мыльную пену с бритвы, – но, – майор многозначительно поднял лезвие, – поражение убивает все.

Шарп понимал, что испанец пытается тактично объяснить происшедшее на ферме. Конечно, весьма благородно с его стороны, но Шарп не был настроен на обмен любезностями, да и сказать в ответ было нечего.

– Эта ферма вообще несчастливая. – Вивар обернулся к осколку зеркала, которое закрепил на окошке. – И всегда была несчастливой. При деде там совершилось убийство. Естественно, из-за женщины. А при отце один человек покончил с собой. – Вивар обозначил бритвой крест и аккуратно выбрил ямку под челюстью. – Ферму облюбовали привидения. Ночью вы их увидите. Дурное место. Вам повезло, что я вас нашел. Хотите бритву?

– У меня есть своя.

Вивар протер лезвие, спрятал бритву вместе с осколком зеркала в кожаный футляр и задумчиво посмотрел на Шарпа, помешивающего варево из фасоли и свиных ушей, которым угостил их на ужин деревенский священник.

– Как вы считаете, – мягко спросил Вивар, – гонятся ли

драгуны за вашей армией после последнего поражения?

– Не знаю.

– Будем надеяться, что гонятся. – Вивар положил немного варева на свою тарелку. – Возможно, они посчитают, что и я присоединился к британскому отступлению.

– Возможно.

Шарп не мог понять, почему Вивара так волнуют французские драгуны под командованием егеря в красном мундире и человека в черной накидке. Майор дотошно расспрашивал Шарпа о всех подробностях сражения у моста. Больше всего испанца интересовало, в каком направлении отбыли французские всадники после боя, на что Шарп мог лишь предположительно ответить, что французы, скорее всего, погнались за армией сэра Джона Мура.

– В таком случае, лейтенант, – Вивар поднял кружку с вином, словно собирался произнести шутливый тост, – это лучшая новость за последние две недели.

– Почему они вас преследовали?

– Они гонятся за всеми, кто носит форму, – ответил Вивар. – Несколько дней назад совершенно случайно унюхали нас. Хочу удостовериться, что меня не подстерегают в соседней долине.

Вивар поведал Шарпу, что пробивался на запад, но потерял всех лошадей и многих солдат. Острая необходимость в еде и укрытии привела его в эту деревушку.

Крестьяне с радостью делились последним. Шарп обратил

внимание, как искренне жители деревушки встретили солдат майора Бласа Вивара. Некоторые даже пытались поцеловать ему руку, а прибежавший из дома священник велел женщинам достать припасенное на зиму. Столь же радушно отнеслись местные жители и к англичанам.

– Мой отец, – пояснил Вивар, – был здесь помещиком.

– Значит, вы тоже помещик?

– Я младший сын. Мой брат – граф. – При упоминании брата Вивар перекрестился, что Шарп принял за выражение почтения. – Я, разумеется, гидальго, так что эти люди называют меня дон Блас.

– Гидальго? – переспросил Шарп.

Вивар поразился невежеству лейтенанта, но ничем своего удивления не проявил.

– Гидальго, лейтенант, – это человек, который в состоянии проследить свой род до первых христиан Испании. Чистая кровь, без мавританской или еврейской примеси. Я – гидальго. – Произнесенные с простой гордостью слова произвели на лейтенанта большое впечатление. – Ваш отец тоже лорд?

– Я не знаю, кем был мой отец.

– Не знаете... – ошеломленно пробормотал испанец и, сообразив, что Шарп незаконнорожденный, переменял тему.

Было очевидно, что англичанин еще больше упал в его глазах.

Майор посмотрел в окно на угасающий день:

– Что вы планируете делать, лейтенант?

– Иду на юг. В Лиссабон.

– Попытайтесь найти английский корабль?

Испанец явно намекал на стремление англичан избежать боев, но Шарп проигнорировал иронию.

– Попытаюсь найти английский корабль, – подтвердил он.

– У вас есть карта?

– Нет.

Вивар отломил кусок хлеба и макнул его в соус.

– В этих горах нет дороги на юг.

– Ни одной?

– Ни одной, доступной зимой. Во всяком случае такой зимой, как эта. Вам придется идти на восток до Асторги или на запад до океана, прежде чем вы найдете дорогу на юг.

– Французы на востоке?

– Французы везде.

Вивар откинулся на спинку стула и посмотрел на Шарпа:

– Я иду на запад. Присоединяйтесь!

Шарп понимал, что шансов уцелеть в чужой земле у него не много. Он не имел карты, не говорил по-испански и весьма смутно разбирался в географии этой страны. В то же время у него не было особого желания вступать в союз с надменным испанцем, ставшим свидетелем его позора. Что может быть позорнее для офицера, чем драка с собственным подчиненным?

Шарп задумался.

– Или вы намерены сдаться в плен? – резко спросил Ви-

вар.

– Никогда! – так же резко ответил лейтенант.

Неожиданно твердый тон заставил испанца улыбнуться.

Вивар снова взглянул в окно:

– Снимаемся через час, лейтенант. Сегодня мы пересечем перевал, и делать это лучше ночью. – Он перевел взгляд на англичанина. – Согласны перейти под мое командование?

Выбора не было, и Шарп согласился.

Больше всего лейтенанта задело, как радостно и безоговорочно стрелки приняли командование Вивара. Вечером, пройдя парадом мимо крошечной церквушки, солдаты выслушали обращение испанского офицера. Вивар объяснил, что идти на север не умно, поскольку противник охраняет подходы ко всем гаваням на северном побережье. Пытаться догнать британскую армию тоже глупо, поскольку это означает идти по пятам французов, которые могут в любой момент развернуться и захватить их в плен. Остается единственный путь – на юг, но вначале надо продвинуться на запад.

Шарп наблюдал за лицами стрелков. Когда они усердно и согласно закивали испанцу, сердце его сжалось от обиды и ненависти.

Поэтому сегодня, продолжал Вивар, им предстоит пересечь дорогу, по которой двигаются основные силы французов. Скорее всего, ее не охраняют, однако стрелкам следует

быть готовыми к бою. Он уверен, что они будут воевать хорошо. Ведь они – знаменитые английские «зеленые куртки». Для него честь драться рядом с ними.

Шарп видел, что стрелки улыбались. Испанец говорил в непринужденной манере потомственного офицера, и на какое-то время Шарп возненавидел его тоже.

Стрелка Харпера в строю не было. По приказу Шарпа ирландцу стянули веревкой кисти рук и привязали к хвосту мула, которого майор экспроприировал у одного из крестьян. Мул тащил на себе огромный сундук, завернутый в промасленную ткань. Сундук охраняли четыре испанца. Они же, по молчаливому соглашению, сторожили арестованного.

– Он что, ирландец? – спросил Шарпа Вивар.

– Да.

– Мне нравятся ирландцы. Что вы намерены с ним делать?

– Не знаю.

Временами Шарпу хотелось просто пристрелить Харпера, но он понимал, что это обратит в ярость остальных стрелков. К тому же пойти против дисциплинарного устава и учинить самосуд было бы нарушением дисциплины столь же серьезным, как и проступок самого ирландца.

– Если его развязать, мы пойдем быстрее, не так ли? – спросил Вивар.

– А он убежит к французам?

– Дисциплина ваших людей меня не касается, – ответил испанец, давая понять, что Шарп развалил весь отряд.

Шарп сделал вид, что не заметил иронии. Он знал, что майор его презирает, поскольку до сего момента видел со стороны Шарпа лишь полную неспособность к руководству, еще более очевидную на фоне собственного беспрекословного авторитета. Вивар не только вызволил британских солдат с фермы, но и защитил их от собственного офицера.

Шарп стоял в стороне, когда отряд строился для марша. Впереди шли испанцы, за ними – мул с сундуком, замыкали шествие стрелки. Шарп понимал, что ему следует выступить перед солдатами, проверить готовность, сделать что-нибудь, подтверждающее его власть, но не мог заставить себя посмотреть в насмешливые глаза стрелков и потому отошел в сторону.

Майор Вивар опустился на колени перед священником, ожидая благословения. Позже он принял от священника небольшой предмет, разглядеть который Шарп не смог.

Ночь выдалась холодная. К вечеру слабый снег прекратился, небо на востоке очистилось от туч, высыпали яркие звезды. Ветер закручивал сухой снег в причудливые фигуры, скользящие над горной тропой, по которой брели, словно обреченные животные, солдаты. От пронизывающего ветра их лица защищали тряпки, ранцы до крови натерли спины, но энергия майора Вивара была неистощима. Он мотался из головы в хвост колонны, подбадривал людей на испанском и английском языке и кричал, что они лучшие в мире солдаты. Его энтузиазм был заразителен, и Ричард Шарп с завистью

отметил, что кавалеристы в красной форме боготворят своего офицера.

– Это галисийцы. – Вивар показал на своих всадников.

– Местные? – поинтересовался Шарп.

– Лучшие в Испании, – с откровенной гордостью произнес майор. – В Мадриде над нами смеются, считают деревенскими дураками. Но я предпочту вести в бой одного деревенского дурака, чем десять городских умников.

– Я из города, – мрачно произнес Шарп.

Вивар рассмеялся.

В полночь они пересекли ведущую к морю дорогу и увидели, что французы здесь уже прошли. Дорога была разбита колесами орудий. Вдоль обочин белыми горками лежали непогребенные тела. Противника не было видно, во всей долине не светилось ни единого огонька, солдаты были одни среди холода и снега.

Спустя час они вышли к реке. По берегам росли приземистые дубы. Вивар долго брел вдоль реки на восток, пока не нашел мелководье. Ледяная вода неслась над камнями и галькой, по которым можно было перейти на другой берег. Но прежде чем первый солдат ступил на камень, Вивар достал из ранца небольшой флакончик, открутил пробку и плеснул в реку немного жидкости.

– Теперь не опасно.

– А раньше было опасно? – заинтригованно спросил Шарп.

– Это святая вода, лейтенант. Ее дал мне деревенский священник.

Вивар посчитал объяснение исчерпывающим, но Шарп хотел знать больше.

– Духи воды, – совершенно серьезно пояснил испанец. – Они обитают во всех водоемах, лейтенант. Если их не отпугнуть, они могут увести нас с пути.

– Привидения? – изумленно спросил Шарп.

– Нет. Привидения обречены на вечные скитания; это несчастные души нарушивших при жизни Священное Писание. Духи воды никогда не были людьми. Духи воды, – майор пожал плечами, – это что-то вроде бобров или речных крыс. Одним словом, речные существа. У вас в Англии наверняка есть подобные.

– Я об этом не слышал.

Вивар смутился и осенил себя крестом:

– Вы готовы?

Благополучно избежав злых духов, Шарп пересек бурный поток и наблюдал за тем, как реку переходят стрелки. Они старались на него не смотреть. Сержант Уильямс, тащивший ранец раненого стрелка, ступил в глубокую яму, лишь бы не оказаться на берегу рядом с лейтенантом.

Мула перевели через поток, и Шарп отметил, как заботятся испанцы о сундуке в промасленной ткани. Не иначе, подумал лейтенант, в нем хранятся одежда и вещи майора.

Привязанный к хвосту Харпер плюнул в сторону своего

офицера. Шарп сделал вид, что не заметил.

– Теперь полезем вверх, – объявил Вивар с радостью, словно давно ждал, когда же путешествие станет труднее.

Солдаты начали подъем. Они пробирались по обледенелым камням, с деревьев на их головы сыпался снег, тропа становилась все круче и круче. Поднялся ветер, тучи вновь затянули небо.

Пошел мелкий снег. Ветер обжигал укутанные в тряпье лица. Солдаты стонали от боли и усилий, но Вивару каким-то образом удавалось вести их вперед.

– Вверх, вверх, ребята! Где не пройдет кавалерия, а? Давай-давай! Тут наверняка поблизости ангелы!.. Что с тобой, Маркос? Твой отец плясал бы на этом склоне, хотя он раза в два постарше тебя. Или хотите, чтобы англичане подумали, будто испанцы – слабаки? Позор! Вверх!

К рассвету они добрались до седловины. Вивар привел измученных солдат к закиданной лавровыми ветками пещере.

– Здесь я убил медведя, – гордо сообщил он Шарпу. – Мне было двенадцать лет, и отец послал меня на медведя одного.

Вивар отломил ветку и передал ее разводящему костер кавалеристу.

– Это было двадцать лет назад. – В его голосе прозвучало удивление по поводу того, что прошло так много лет.

Шарп отметил, что испанец его одногодок. Благодаря своему происхождению он уже дослужился до майора, в то время как вышедший из трущоб Шарп лишь волей случая стал

лейтенантом. Он всегда сомневался, что его повьсят в звании, а теперь, после того, что произошло со стрелками, не был уверен, что заслуживает повышения.

Вивар наблюдал, как сундук сняли с мула и отнесли ко входу в пещеру. Затем он присел рядом и осторожно погладил горбатую крышку. Шарп заметил, что испанец обращается с сундуком как со святыней. Вряд ли человек, прошедший через ледяной ад, станет так боготворить ящик с одеждой, подумал Шарп.

– Что в нем? – спросил он испанца.

– Бумаги, – ответил Вивар, глядя в светлеющее небо. – В современной войне не обойтись без бумаг, вы согласны?

По тону майора Шарп понял, что дальнейшие расспросы излишни.

Вивар снял треуголку и осторожно вытащил заложенную за подкладку недокурную сигару. Смущенный, что не может предложить сигару Шарпу, майор пожал плечами и высек пламя из трутницы. Острый запах табака терзал ноздри лейтенанта.

– Я приберегал ее, – сказал Вивар, – до тех пор, пока не окажусь близко от дома.

– Мы находимся близко от вашего дома?

Вивар обвел сигарой окрестности:

– Мой отец владел этими землями.

– Мы идем к вам?

– Вначале я выведу вас на безопасную дорогу на юг.

Заинтригованный, как все бедняки в присутствии богатей, Шарп поинтересовался:

– А у вас большой дом?

– Какой именно дом вы имеете в виду? – сухо спросил Вивар. – У меня их три, все большие. Есть заброшенный замок, есть поместье в Оренсе, есть дом в деревне. Все они принадлежат моему брату. Впрочем, Томас никогда не любил Галисию. Он предпочитает жить среди интриг и знати. С его согласия я называю эти дома моими.

– Вам везет, – вырвалось у Шарпа.

– Жить в большом доме? – Вивар покачал головой. – Ваш дом, может быть, выглядит скромнее, но, по крайней мере, вы имеете право назвать его своим. А мой находится на территории, захваченной французами. – Он посмотрел на сгорбившегося под мокрым снегом стрелка Харпера. – Точно так же как его дом находится в стране, захваченной англичанами.

Неожиданная враждебность неприятно удивила Шарпа, начавшего проникаться к испанцу уважением. Очевидно, Вивар и сам почувствовал, что перебрал, ибо тут же печально добавил:

– Поймите меня правильно. Мать моей жены была ирландка. Ее семья бежала в эти края, спасаясь от преследования.

– Вот как вы выучили язык!

– Да, учителя были хорошие. – Вивар затянулся сигарой.

Подтаявший от костра в пещере ком снега свалился с вер-
хушки камня. – Мой отец считал, что мы должны говорить
на языке врага. Даже странно, что мы с вами оказались союз-
никами, не правда ли? Меня с детства учили, что англичане
– варвары, враги истинной веры и Господа. И вот приходит-
ся убеждать себя, что мы с вами – друзья.

– По крайней мере, у нас общий враг, – сказал Шарп.

– Пожалуй, это лучше передает суть дела, – согласился
испанец.

Наступило неловкое молчание. Дым от сигары Вивара
растворялся в утреннем тумане. Не выдержав давящего мол-
чания, Шарп спросил, в каком из трех домов ждет майора
его супруга.

Вивар долго не отвечал, а когда наконец заговорил, голос
его был мрачен, как окружающий пейзаж:

– Моя жена умерла семь лет назад. Я находился на службе
во Флориде, когда ее унесла желтая лихорадка.

Как и большинство людей в такой ситуации, Шарп расте-
рялся.

– Простите, – неуклюже пробормотал он.

– Вместе с ней умерли, – печально добавил Вивар, – двое
моих малышей. Я надеялся, что мой сын тоже придет сю-
да убить своего первого медведя, но Господь распорядился
иначе.

Последовало еще более неловкое молчание.

– А вы, лейтенант? Вы женаты?

– Я не могу себе этого позволить.

– Тогда найдите состоятельную женщину, – с суровой прямотой сказал майор.

– Ни одна состоятельная женщина не согласится стать моей женой, – ответил Шарп и, увидев недоумение на лице Вивара, добавил: – Не в той семье я родился, майор. Моя мать была продажной женщиной. Вы называете таких шлюхами.

– Я знаю это слово, лейтенант. – Тон майора был ровен, но в нем слышалось презрение. – Я вам верю, – добавил испанец, помолчав.

Намек на то, что он мог и соврать, взбесил лейтенанта.

– Почему, черт побери, меня должно волновать, верите вы мне или нет?

– Совершенно не должно. – Вивар аккуратно спрятал остатки сигары и откинулся на сундук. – Вы подежурьте, а я часок посплю.

Испанец надвинул треуголку на глаза, и Шарп увидел приколотую к гербу испачканную веточку розмарина. Подобные веточки были у всех кавалеристов Вивара, и Шарп решил, что это полковая традиция.

Внизу зашевелился арестованный ирландец. Шарп очень надеялся, что холод принимает Харпера до костей, а полумантый нос под заледеневшим шарфом причиняет невыносимые страдания.

Словно почувствовав злобные мысли, Харпер поднял голову и посмотрел на офицера из-под побелевших от мороза

бровей. Перехватив его взгляд, Шарп понял, что, пока Харпер жив и ночи темные, ему нельзя расслабляться.

После рассвета сыпавшая с неба крупа превратилась в затяжной дождь. Дождь размыл сугробы, унес снег с деревьев, и сверкающий мир стал серым, промозглым и унылым. Сундук погрузили на мула, охрана выстроилась по бокам. Харпера, ненадолго запущенного в пещеру, снова привязали к хвосту.

Теперь идти предстояло вниз. В гигантском ущелье солдаты казались крошечными темными точками. Впереди простиралось еще более широкое и глубокое ущелье, пересекающее первое. В огромной котловине свирепствовал ветер.

– Мы пересечем это ущелье, – объяснял Вивар, – поднимемся на те горы, затем выйдем на путь пилигримов. Оттуда вы сможете пройти на запад, где пролегают дороги к побережью.

Прежде чем спуститься в ущелье, офицеры внимательно осмотрели его в подзорные трубы. Ничто не нарушало серой монотонности ландшафта.

– Что такое путь пилигримов? – спросил Шарп.

– Дорога в Сантьяго-де-Компостела. Слышали об этом месте?

– Никогда.

– А о святом Иакове слышали? – Неосведомленность Шарпа явно раздражала испанца.

– Предположим.

– Он был апостолом, лейтенант. Его похоронили в Сантьяго-де-Компостела. Он считается покровителем Испании. В старые времена тысячи и тысячи христиан стекались к его мощам. Не только испанцы, но приверженцы Христа со всего мира.

– В старые времена? – переспросил Шарп.

– Паломничество продолжается, хотя мир уже не тот, что прежде. Дьявол набирает силу, лейтенант.

Перебрались через ручей. Шарп обратил внимание, что на этот раз Вивар ничем не предостерегся от обитающих в воде духов. На его вопрос испанец ответил, что духи опасны только ночью.

Шарп усмехнулся:

– Я тысячи раз перебирался через реки ночью, и никогда ничего не случилось.

– Этого вы не знаете. Может быть, вы тысячу раз выбирали неверный путь. Слепому тяжело представить цвет!

Шарп уловил раздражение в голосе испанца, но решил не уступать:

– Неприятности могут произойти только с тем, кто верит в духов. А я в них не верю.

Вивар сплюнул вправо и влево, чтобы не навлечь беду:

– Знаете, как Вольтер назвал англичан?

Шарп никогда не слышал о Вольтере, однако офицерское звание обязывало скрывать невежество.

– Уверен, он нами восхищался.

Вивар презрительно хмыкнул:

– Вольтер говорил, что англичане – народ без Бога. Полагаю, он прав. Вы верите в Бога, лейтенант?

– Никогда над этим не задумывался.

– Почему же вы никогда не думали о Боге? – в ужасе воскликнул испанец.

– А почему, черт побери, я должен о Нем думать?

– Да хотя бы потому, что без Бога нет ничего. Ничего, ничего, ничего! – Страстность испанца граничила с яростью. – Ничего! – выкрикнул он еще раз.

Солдаты повернулись посмотреть, что могло вызвать такой взрыв эмоций.

Офицеры в неловком молчании брели по подтаявшему снегу. Дождь успел промыть в нем грязные желтые протоки. В двух милях справа лежала какая-то деревенька, но Вивар торопился и не хотел сворачивать. Они углубились в небольшой лесок, и Шарп удивился, что майор не выслал вперед разведку. Очевидно, испанец был уверен, что не встретит французов так далеко от главных дорог. Лейтенант решил не поднимать эту тему, поскольку отношения были и без того натянуты.

Они пересекли широкое ущелье и снова полезли в гору. Вивар выбирал знакомые с детства крутые и опасные тропы. Миновали гробницу, у которой Вивар перекрестился. Кавалеристы последовали его примеру; из зеленых курток

перекрестился лишь ирландец. Всего же стрелков оставалось пятьдесят человек – пятьдесят бузотеров, которые будут ненавидеть Шарпа за то, что случилось с Харпером.

Очевидно, это понимал и сержант Уильямс, ибо, поравнявшись с лейтенантом, он с овечьим выражением лица про-
бормотал:

– Харпс не виноват, сэр.

– В чем?

– В том, что произошло вчера, сэр.

Шарп понимал, что сержант хочет помириться, но пережитый позор не давал ему покоя, и он резко сказал:

– Другими словами, вы все сговорились?

– Да, сэр.

– Все до единого сговорились убить офицера?

Уильямс втянул голову в плечи:

– Все было совсем не так, сэр.

– Не вздумай мне объяснять, как все было, свинья! – взорвался Шарп. – Если это так, вы все заслуживаете порки, несмотря на то что ни у кого не хватило духу помочь Харперу.

Обвинение в трусости пришлось Уильямсу не по душе.

– Харпс настоял, чтобы никто не вмешивался, сэр. Он сказал, что между вами будет честная драка или вообще ничего не будет.

Шарп был слишком зол, чтобы оценить неожиданное благородство бунтовщика:

– Что мне теперь, молиться на него?

Он понимал, что неправильно обращался со стрелками, совершенно неправильно, однако понятия не имел, как следовало себя вести. Возможно, капитан Мюррей был прав. Офицером надо родиться, только происхождение дает ту легкость, с которой управляет людьми Вивар.

От обиды Шарп заорал на бредущих позади него стрелков:

– Не спотыкаться! Вы все-таки солдаты, будь оно проклято, а не церковные певчие! Поднимайте ноги! Шевелитесь!

Стрелки встрепенулись. Кто-то подал команду, и остальные подобрали ногу, сдвинули плечи и перешли на марш, какой под силу только легкой пехоте. Люди демонстрировали лейтенанту, что среди бойцов они по-прежнему лучшие. Они демонстрировали ему свое презрение.

Увидев столь разительную перемену, майор Вивар изумленно поднял брови. А когда зеленые куртки растолкали его кавалеристов и устремились вперед, расхохотался и велел им уgomониться и соблюдать порядок марша. Он все еще смеялся, когда его догнал Шарп.

– Лейтенант, вы ведете себя как сержант, – сказал Вивар.

– А я и был сержантом. Лучшим сержантом во всей проклятой Богом армии!

Испанец растерялся:

– Вы были сержантом?

– Полагаете, сын шлюхи мог пойти в офицеры? Я был сер-

жантом, а еще раньше рядовым.

Вивар смотрел на англичанина так, словно у того отросли рога:

– Не знал, что в вашей армии возможно выдвижение из солдат.

Гнев, который он испытывал по отношению к Шарпу час назад, сменился изумлением.

– Такое бывает редко. Люди вроде меня так и не становятся настоящими офицерами. За бестолковую храбрость нас производят в интенданты или инструкторы. Считается, что с этим мы справимся. Нам не доверяют командовать боем. – Шарп говорил с необычной горечью, словно решил излить душу опытному испанскому офицеру. – Они думают, что мы все равно сопьемся. Может, оно и так.

Вивара, однако, интересовало другое.

– Значит, вам приходилось много воевать?

– В Индии. А в прошлом году в Португалии.

Мнение Вивара о Шарпе менялось. До сих пор он считал англичанина застрявшим в лейтенантах стареющим неудачником, не способным купить или заслужить продвижение по службе. Теперь он понял, что Шарп и так продвинулся редким и недоступным для обычных людей способом.

– Вы любите воевать?

Хотя вопрос показался Шарпу странным, он постарался ответить на него как можно точнее:

– Ничего другого я не умею.

– В таком случае не сомневаюсь, что из вас получится отличный офицер, лейтенант. Предстоит немало сражений, прежде чем мы отправим Наполеона жариться в ад.

Они поднялись еще на одну милю, затем склон выровнялся. Теперь идти приходилось между гигантскими камнями, возвышающимися над дорогой. Проникшись симпатией к лейтенанту, Вивар рассказал, что здесь, среди орлиных гнезд, некогда произошла великая битва. По этой дороге шли мавры, а христиане устроили им засаду.

– Мы отбросили их назад, и вся дорога пропиталась кровью. – Вивар обвел взглядом скалы, словно в них еще звучали вопли гибнущих язычников. – Это произошло около девятисот лет назад. Каждый год жители деревни справляют мессу в честь великого события.

– Здесь есть деревня?

– До нее около мили. Там мы сможем отдохнуть.

Шарп отметил, какое замечательное место для засады этот глубокий каньон. Карабкающиеся по склону мавры не могли поднять голову, представляя собой идеальную мишень для стрел укрывшихся в камнях христиан.

– Почему вы решили, что французы нас не ждут? – Видя дружелюбие майора, Шарп задал давно тревожащий его вопрос. – Мы ведь не выслали пикеты.

– Потому что французы никогда не забирались так глубоко в Испанию, – доверительно сказал Вивар, – а если бы это произошло, местные жители отправили бы гонцов по всем

дорогам, чтобы нас предупредить. Да мы бы и сами учуяли французских лошадей. Французы всегда пренебрежительно относились к кавалерийским лошадям и загоняют их до такой степени, что язвы под седлом и на крупе начинают вонять за полмили. Придет время, – энергично добавил Вивар, – и они забьют до смерти последнего коня. Тогда мы поедем по их паршивой стране!

Очевидно, эта мысль подняла его настроение. Майор обернулся к солдатам и громко крикнул:

– Еще немного, и отдых!

В этот момент из ущелья, где попались в засаду мавры, французы открыли огонь.

Глава четвертая

Увидев, что Вивар кинулся вправо от дороги, Шарп прыгнул влево. Огромный палаш, к которому он так и не успел привыкнуть, лязгнул о камень. В следующую секунду Шарп сорвал с плеча ружье и выдернул тряпку, прикрывающую пороховую полку от дождя. Французская пуля взрыхлила снег в двух дюймах справа, еще одна с треском ударилась в камень над его головой. Сзади завопил раненый.

Драгуны. Чертовы драгуны, будь они прокляты. Зеленые мундиры с розовыми отворотами. Без лошадей. Спешившиеся драгуны с короткими карабинами. Шарп пытался разобраться в навалившемся шуме и хаосе. Впереди поднимались серые, как талый снег, дымки выстрелов. Французы перегородили дорогу невысокой каменной баррикадой в шестидесяти шагах за устьем ущелья. С такого расстояния карабины были не опасны, урон причиняли драгуны, засевшие в скалах над дорогой.

Шарп перекатился на спину. Пуля с треском ударила в камень, где только что была его голова. Драгуны расстреливали отряд в том самом месте, где девятьсот лет назад попали в засаду мавры. Кавалеристы Вивара рассеялись. Поправившись за камнями, они пытались отстреливаться. Вивар кричал, стараясь организовать атаку на баррикаду. Шарп инстинктивно почувствовал, что французы только того и ждут.

Недаром они соорудили завал не в самом устье ущелья, а за ним. Они заманивали отряд на плато, под длинные, прямые палаши кавалерии.

Шарп сознавал, что действует как обыкновенный стрелок, а не как офицер. Он нашел укрытие, выбрал мишень – но понятия не имеет, что происходит с его людьми!

Он выскочил из укрытия и побежал к середине ущелья. Растолкав сгрудившихся испанцев, Шарп увидел лежащего в луже крови мула. Животное хрипело и загребало ногами. Затем до лейтенанта дошло, что вокруг свистят пули и трещат выстрелы. Пули французов отскакивали от камней, отчего по всему ущелью стоял оглушительный треск.

На земле лежал стрелок. Струя крови изо рта окрасила снег вокруг его головы на добрый квадратный ярд. Англичане попрятались кто где мог и пытались вести огонь по засевшим среди камней драгунам. Шарп подумал, что французам следовало бы разместить больше людей на склонах, поскольку огонь не причинял попавшим в засаду особого вреда. Мысль оказалась такой неожиданной, что Шарп выпрямился и посмотрел вдаль.

Он был прав. На камнях едва хватало людей, чтобы прижать к земле их отряд. Уничтожение отводилось другим. Это вселяло надежду на спасение. По крайней мере, теперь Шарп знал, что ему следует делать. Он кинулся к середине дороги и принялся созывать солдат:

– Стрелки! Ко мне! Ко мне!

Никто из зеленых курток не пошевелился. Пуля ударила в снег позади Шарпа. Более привыкшие к палашам, чем к карабинам, драгуны целились высоко, что, в общем, мало утешало. Шарп снова выкрикнул команду, но стрелки предпочли не покидать укрытий. Тогда лейтенант вытащил первого попавшегося из-за камня:

– Вон туда! Бегом марш! Ждать меня в конце ущелья! – Он принялся расшевеливать остальных. – Встать! Бегом! – Шарп пинками поднимал укрывшихся среди камней стрелков. – Сержант Уильямс!

– Сэр? – Ответ прозвучал откуда-то издалека и снизу.

– Если мы здесь провозимся, нам конец! Стрелки! За мной!

Зеленые куртки последовали за лейтенантом. У Шарпа не было времени задуматься над иронией ситуации: люди, еще недавно пытавшиеся убить своего офицера, исполняли его приказы. Они почувствовали, что Шарп знает, что надо делать. Была и другая причина. Человек, которому они верили, выбыл из игры. Харпер по-прежнему был привязан к хвосту раненого мула.

– Быстрее! За мной!

Шарп пригнулся, когда над головой свистнула пуля, и повернул направо. Он вывел стрелков к самой горловине ущелья, где Вивар пытался выстроить в линию своих пеших кавалеристов. Когда-то, много лет назад, скала сорвалась вниз, оставив за собой полосу земли и каменной крошки. Несмот-

ря на крутизну склона, ставшего еще более опасным из-за растаявшего снега, здесь можно было забраться наверх. Шарп полез по склону, пользуясь ружьем как палкой. За ним двинулись его солдаты.

– Рассыпаться! – Шарп остановился на первом же ровном месте и бросил с плеч мешающий ранец. – Вверх, за мной!

Кое-кто из стрелков уже сообразил, что от них требуется. Они должны взять штурмом крутой и скользкий склон, на вершине которого засели в камнях французы. Солдаты засомневались и остановились в поисках укрытия.

– Вперед! – ревел Шарп. – Цепью, вверх! – Голос лейтенанта перекрывал грохот пальбы. – Вперед! Цепью! Вперед!

Стрелки полезли вверх. Они не верили Шарпу, но в бою привыкли беспрекословно подчиняться приказам.

Шарп понимал, что остаться в ущелье означает гибель. Единственный выход из ловушки – прорыв на одном из флангов. Будут жертвы, несравнимые, однако, с ужасом кровавой бойни на дороге.

Шарп слышал, как Вивар прокричал что-то на испанском, но не остановился. Он будет делать так, как считает правильным. Неожиданно его охватил необъяснимый восторг боя. Здесь, среди удушливого порохового дыма, он чувствовал себя дома. Так он прожил последние шестнадцать лет. Другие учились пахать землю или строгать доски; он же научился обращаться с ружьем и штуцером, палашом и штыком, научился атаковать неприятельский фланг и брать штурмом

укрепления. Он познал страх и научился обращать в свою пользу страх неприятеля.

Высоко вверху, четко вырисовываясь на фоне серых облаков, французский офицер перестраивал своих людей для отражения неожиданной атаки. Пешие драгуны, разместившиеся по гребню горы, должны были сдвинуться вправо, чтобы спасти фланг. Они засуетились, выстрелы с их стороны стали реже.

– Мне нужна огневая поддержка! – кричал Шарп, пробираясь наверх. – Огонь!

Сзади, как награда, затрещали ружья. Стрелки делали то, чему их учили: пока один совершал перебежку, второй стрелял. Теперь и французы, лихорадочно меняющие свои позиции, слышали вокруг себя свист пуль. Французы не любили штуцера, предпочитая быстро перезаряжающиеся гладкоствольные ружья, но в точности боя те значительно уступали винтовкам Бейкера, состоящим на вооружении английских стрелков.

Шарп услышал, как мимо прошла пуля. Стреляли, похоже, из штуцера, а не из ружья. Времени на страх не оставалось, хотя опасность погибнуть от руки своих была велика. По службе в Индии Шарп помнил много случаев, когда нелюбимого офицера убивали в спину.

– Быстрее! Быстрее! Влево!

Шарп рисковал. Он интуитивно чувствовал, что на скалах французы поставили мало драгун, ровно столько, чтобы при-

жать неприятеля стрельбой к камням. Сейчас он еще больше растягивал их линию.

Впереди между скалами мелькнуло усатое лицо, обрамленное нелепыми косицами. Лицо скрылось за облачком дыма, пуля ударила в снег, и Шарп вздрогнул. Сомнений быть не могло: пуля из винтовки Бейкера. До него неожиданно дошло, что перед ним те же самые драгуны, которые уничтожили у моста четыре роты Даннета. Сейчас они стреляют из трофейных английских ружей. Мысль о недавнем поражении придала Шарпу сил и злости.

Лейтенант повернулся к центру растянутой цепи противника и вытащил свой новый палаш. Ружье он оставил где-то на склоне. Офицерский палаш делал его мишенью для драгун. Но теперь он хотел, чтобы его видели свои.

После подъема ноги невыносимо болели, каждый шаг на скользком склоне давался с трудом. Ярость помогла ему взобраться наверх, а сейчас Шарпа сковал страх. Он настолько запыхался, что не мог уже выкрикивать команды. Неожиданно он понял, что погибнет. Погибнет, потому что даже драгун не промахнется с такого расстояния. И все-таки он продолжал лезть вверх. Следовало во что бы то ни стало подавить один из флангов засады, что дало бы возможность вырваться людям Вивара. Сердце Шарпа выскакивало из груди, мышцы горели, синяки ныли, и он думал, успеет ли почувствовать удар пули, которая его прикончит, или мертвое тело сразу полетит вниз, истекая кровью на грязь и талый

снег. По крайней мере, стрелки увидят, что он не трус. Он покажет этим ублюдкам, как погибают настоящие солдаты.

Снизу донесся залп испанских ружей, затрубила труба... Его это не касалось. Весь мир сжался до нескольких ярдов грязи и камней, – ярдов, которые необходимо преодолеть. Он видел, как пуля вцепилась в камень впереди, и понял, что кто-то из стрелков прикрывает его огнем. Он слышал, как зеленые куртки карабкаются за ним по склону, скользя и сквернословя. Шарп уже различал среди камней бледно-зеленые мундиры драгун. Прямо перед ним грохнул карабин и поднялось облако дыма. Лейтенант метнулся в сторону. Уши заложило. Некоторое время Шарп не мог сообразить, убит он или нет, потом левый сапог нашел твердую опору, и он из последних сил отчаянно кинулся вверх.

В него выстрелили сразу двое. Шарп дико завизжал. Это был крик ужаса, переходящий в яростный вой убийцы. Теперь Шарп ненавидел весь мир. Драгун с шомполом в руке испуганно попятился, и Шарп всадил ему между ребрами огромный палаш, подарок капитана Мюррея. На какой-то момент тело сдавило лезвие, но Шарп провернул и выдернул оружие. Капли крови полетели в лицо французскому офицеру, бегущему на Шарпа с палашом в руке. Француз сделал выпад, однако Шарп уклонился и ударил противника в лицо тяжелой гардой своего палаша. Хрустнула кость, кровь залила лицо офицера, и он упал на землю. Шарп размахнулся и еще раз ударил его гардой в лицо.

Мимо пробежал стрелок. Примкнутый к ружью штык был уже в крови. Еще один стрелок перескочил через камни, за которыми укрывались драгуны.

Перехватив палаш, Шарп пригвоздил француза к земле и огляделся. Внизу на склоне застыли две фигурки стрелков в зеленых куртках. Издалека они напоминали разодранных тряпичных кукол. Слева прогремел выстрел карабина. Ветер мгновенно снес облако дыма, перепуганный драгун развернулся и бросился бежать. Сержант Уильямс выстрелил ему в спину, после чего со страшным криком заколол штыком. Зеленые куртки, как стая волков, неслись по залитому кровью снегу. Их лица были перепачканы порохом, рты растянуты в диком крике. Не принимая боя, драгуны обратились в бегство.

Просвистело несколько пуль, выпущенных французами, засевшими на противоположном склоне ущелья. Один из стрелков дернулся, упал, попытался встать и захаркал кровью.

– Сержант Уильямс! Перестрелять этих ублюдков! – Шарп показал на противоположный склон. – Не давать им поднять голову!

– Слушаюсь, сэр!

Внизу снова затрубил горн, и Шарп подбежал к склону, который только что взял штурмом. Вивар выстроил своих людей для атаки на баррикаду, но французы это предвидели. Слева изготавливался к атаке эскадрон конных драгун.

– Ты! – Шарп схватил пробегающего мимо стрелка. – Ты тоже! И ты! Огонь по вон тем сволочам!

Стрелки открыли пальбу по кавалеристам.

– Целиться ниже! – заревел Шарп. – Ниже!

Лошадь упала на землю. Сраженный пулей всадник вылетел из седла. Шарп увидел валяющееся среди камней ружье, поднял его, зарядил и выстрелил вниз. Сержант Уильямс с дюжиной стрелков вели огонь по противоположному склону. Остальные стреляли по кавалерии. Опрокинуть атакующих они не могли, но им удалось сбить врага с темпа. Лошадь без седока крутилась в снегу, другая тащила за собой поперек линии атаки окровавленного хозяина.

Сообразив, что драгуны все равно изрубят редкую цепь испанцев, Вивар дал команду отступать в скалы. Французы тоже сообразили, что их атака обречена, и отозвали кавалерию. В скалах, без прикрытия сверху, всадники становились легкой мишенью для ружей противника.

Наступила патовая ситуация. Где-то ужасным, воющим голосом причитал раненый. Хромая лошадь хотела пристроиться к отступающему эскадрону, но упала. В снегу дымились ружейные пыжи. Шарп не знал, сколько прошло времени: два часа или две минуты. Только чувствовал, как холод, не ощущавшийся во время атаки, снова сковывает тело.

Гордый действиями стрелков, лейтенант сам себе улыбнулся. Все было сделано на невероятных скоростях, противник дрогнул, они перехватили инициативу.

Французы по-прежнему блокировали дорогу, но теперь стрелки Шарпа могли донимать огнем укрывшихся за невысокой баррикадой, что они и делали с радостью людей, мстящих за свой позор.

В ходе боя на горе в плен попали двое французов. Несчастных драгун затолкали в пещеру, которую охранял зверского вида стрелок. Шарп прикинул, что на каждом из склонов ущелья было не больше трех дюжин драгун. За баррикадой и в конной атаке он видел не более шестидесяти или семидесяти человек. Это означало, что перед ними располагался посланный наперехват небольшой отряд.

– Лейтенант! – крикнул снизу Вивар.

Испанца не было видно из-за нагромождения камней.

– Я слушаю, майор!

– Сможете поддержать меня огнем, когда я атакую заграждение?

– У вас ничего не выйдет!

Шарп понимал, что, если Вивар пойдет на заграждение, во фланг ему ударит кавалерия. Он уже видел, что делают с рассеянной пехотой конные драгуны, и боялся за касадорцев. Карабины никогда не были настоящим оружием драгун. Они полагались на мощь длинных прямых палашей и молили Бога, чтобы Он послал самоуверенных дураков под их смертоносные клинки.

– Англичанин! – прокричал Вивар.

– Я слушаю, майор.

– Мне плевать на ваше мнение. Поддержите меня огнем!

– Придурок, – проворчал Шарп и скомандовал: – Прижать противника к земле! Огонь!

Солдаты Вивара кинулись в атаку колонной по три. В первый раз они атаковали цепью, сейчас Вивар выстроил своих людей наподобие живого тарана, которым хотел пробить баррикаду на дороге. Пешие кавалеристы не шли, а бежали в атаку. С баррикады поднялся дымок, стрелки Шарпа тоже открыли огонь.

Конные драгуны числом до сорока человек увидели, что неприятель вышел на открытое место. Всадники пришпорили коней и рысью понеслись в атаку. Вивар не обращал на них внимания. Один из испанцев упал, его товарищи засуетились над телом и перестроились. Высоко и резко протрубил горн, майор остановил своих людей и развернул их в сторону кавалерии.

Теперь Шарп сообразил, что планирует испанец. По смелости его план граничил с идиотизмом. Не обращая внимания на засевших на баррикаде драгун, он решил обрушить весь огонь на кавалерию. Майор был уверен в том, что стрелки подавят баррикаду. Шарп пошел вдоль цепи стрелков, выкрикивая им цели.

Увидев, как кто-то из стрелков выстрелил поспешно и не целясь, Шарп пнул его в ногу:

– А ну целясь, дурень!

Шарп высматривал, не рассыпан ли рядом с солдатами по-

рох, – верный признак того, что они недосыпают его в ружье, дабы избежать сильной, как пинок мула, отдачи в плечо. Никто из стрелков, однако, не пользовался дешевой уловкой.

Двое солдат на правом фланге Вивара упали на землю. Кавалерия уже неслась во весь опор, из-под копыт летели комья грязного снега.

– Целиться! – прокричал Вивар с правого, самого близкого к баррикаде фланга. Он поднял палаш. – Ждать, еще ждать!

Ближе к дороге снежный покров был совсем тонким. Лошадиные копыта стучали по земле, занесенные клинки тускло блестели. Вновь протрубила труба, драгуны понеслись еще быстрее, кто-то уже выкрикнул боевой клич. Испанцы не выстроились в каре, полностью положившись на мощь ружейного залпа. Лишь самые дисциплинированные войска могли сохранять такой порядок при конной атаке.

– Огонь! – махнул палашом Вивар.

Прогремели испанские карабины. Лошади заметались. В окровавленный снег рухнуло несколько всадников. Кто-то страшно и дико визжал – Шарп не мог разобрать, человек это или лошадь. Затем вопли перекрыл боевой клич Вивара:

– Сантьяго! Сантьяго!

Галисийцы бросились в атаку. Они бежали к опрокинутой коннице.

– Господи Иисусе, – пробормотал стоящий рядом с Шарпом стрелок, – вот сумасшедшие!

Если это и было безумие, то замечательное. Стрелки Шарпа замороженно смотрели на испанцев, в то время как лейтенант метался вдоль цепи и, срывая голос, приказывал стрелять по баррикаде. Взглянув вниз, он увидел, что галисийцы побросали карабины и выхватили палаши. Они перепрыгивали через убитых лошадей и всаживали клинки в ошеломленных драгун. Некоторые хватали коней под уздцы и стаскивали всадников на землю.

Засевшие на баррикаде французы решили атаковать испанцев с фланга. Шарп закричал, предупреждая Вивара, но было ясно, что майор ничего не услышит.

Лейтенант развернулся:

– Сержант Уильямс! С этими людьми остаетесь здесь. Остальные – за мной! Вперед!

Стрелки понеслись вниз по склону. Их отчаянная атака должна была смять фланг драгун.

Увидев неприятеля, французы заметались и обратились в бегство. Солдаты Вивара брали пленных и отлавливали лишившихся всадников лошадей. Бой закончился. Попавший в засаду малочисленный отряд вырвал невозможную победу. Снег провонял кровью и дымом.

Неожиданно за спиной Шарпа, в дальнем конце каньона раздалась стрельба.

Вивар резко обернулся. Лицо его посерело.

– Лейтенант, – прохрипел он, указывая в даль ущелья.

Шарп, обернувшись, увидел, как сержант Уильямс пере-

нес огонь на другой конец ущелья, и понял, что оттуда идут в атаку драгуны, отрезавшие их отход. Не дождавшись панического отступления солдат Вивара и Шарпа, они решили напасть на врага сзади.

И были остановлены одним человеком. Стрелок Харпер залег за тушей мула и из брошенного кем-то ружья сдерживал продвижение французов. Освобождаясь от веревок, он глубоко порезал себе руки, но, несмотря на раны, быстро перезаряжал ружье и стрелял с поразительной точностью. Мастерство ирландца подтверждали мертвая французская лошадь и раненый драгун. Харпер выкрикивал гэльские угрозы и предлагал драгунам приблизиться. Стрелок дико взглянул на подбежавшего Шарпа и снова прильнул к ружью.

Шарп расположил стрелков на дороге:

– Целься!

Впереди французов скакал егерь в красной накидке и черной меховой шапке. Рядом с ним был высокий человек в черной бурке и белых сапогах.

– Огонь! – закричал Шарп.

Грянул залп дюжины ружей. Пули с воем отскакивали от камней, несколько кавалеристов полетели на землю. Всадник в красном и всадник в черном не пострадали. Шарпу показалось, что они смотрят на него. Раздавшийся с вершины горы залп заставил их повернуть коней в укрытие. Стрелки разразились презрительными возгласами, но Шарп резко их оборвал:

– Перезаряжай!

Французы ускакали. Со свисающих с камней сосуллек капала вода. Стонала раненая лошадь. В ущелье висел душливый пороховой дым. Одного из стрелков вырвало кровью; откашлявшись, он тяжело вздохнул. Кто-то плакал. Раненую лошадь прикончили выстрелом, грохот которого далеко разносло горное эхо.

За спиной Шарпа раздались шаги. Блас Вивар, минуя Шарпа, минуя стрелков, опустился на колени перед мулом и осторожно перерезал упряжь, которой был привязан к мертвому животному сундук. Выпрямившись, он посмотрел на Харпера и сказал:

– Ты спас его, мой друг.

– Спас что?

Было ясно, что ирландец понятия не имеет, как дорожил сундуком майор Вивар.

Испанец подошел к великану и поцеловал его в обе щеки. Кто-то из стрелков хмыкнул, но осекся, почувствовав торжественность момента.

– Ты спас его, – повторил Вивар со слезами на глазах. Затем он поднял сундук и пошел к своим солдатам.

Шарп побрел следом. Продрогшие и молчаливые стрелки собирались у дороги. Радость победы не чувствовалась. Далеко внизу за завалом, которым французы перегородили ущелье, поднимался в небо столб серого дыма. В том месте была деревушка, и в сером, как тряпье нищего, дыме скво-

зило зловоние насилия и смерти.

На окровавленную землю черным снегом опускался пепел.

Глава пятая

Жители деревни не смогли предупредить Вивара потому, что больше не было ни деревни, ни жителей. Очевидно, селение подожгли одновременно с началом боя в ущелье. Дома пылали всюду. Зато трупы основательно промерзли.

Деревенька была маленькой и бедной. Крестьяне разводили коз и овец, которых пасли на плоскогорье. Домики стояли в окружении карликовых дубов и каштанов. На небольших огородах выращивали картофель. Сами же домики представляли собой жалкие лачуги с неизменными кучами навоза у дверей. Люди делили жилье с животными; стрелки Шарпа привыкли к подобному в Англии, и ностальгические воспоминания омрачили день.

Если только можно было еще больше омрачить картину убитых детей и младенцев, изнасилованных женщин, распятых мужчин. Сержанта Уильямса, вложившего свою лепту в ужасы жестокого мира, стошнило. Один из касадорцев повернулся к пленному французу и, прежде чем Вивар успел вымолвить хоть слово, выпустил ему кишки. Только после этого испанец издал вопль ненависти.

Вивар проигнорировал и вопль, и убийство. Вместо этого он подошел к Шарпу и неуместным официальным тоном произнес:

– Не согласитесь ли вы... – Продолжить, однако, майор

не смог. Зловоние от сгоревших трупов было невыносимым. С трудом сглотнув слюну, он закончил: – Выставьте пикеты, лейтенант, хорошо?

– Да, сэр.

По крайней мере, стрелки не будут видеть тела убитых детей и обгоревшие внутренности. От всей деревни остались лишь церковные стены, сложенные из камня. Деревянная крыша церкви еще пылала, столб дыма высоко поднимался над ущельем.

Шарп разместил часовых среди деревьев.

– Зачем они это сделали, сэр? – спросил Шарпа стрелок Додд, тихий, спокойный человек.

Ответа лейтенант не знал.

Гэтейкер, мошенник и весельчак, невидящим взором уставился в пространство. Исайя Танг, загубивший хорошее образование джином, сморгнул, когда из деревни донесся леденящий душу крик. Сообразив, что кричал пленный француз, стрелок сплюнул, демонстрируя свое пренебрежение к происходящему.

Шарп шел дальше, расставляя часовых, пока не вышел один к огромным скалам, откуда ущелье просматривалось далеко на юг. Там он присел и посмотрел в огромное небо, обещавшее ухудшение погоды. Лейтенант до сих пор держал в руке палаш; теперь он машинально сунул его в железные ножны. Липкое от крови лезвие застряло на полпути, и лейтенант с удивлением заметил, что пуля сплющила стенки но-

жен.

– Сэр?

Перед Шарпом стоял растрепанный сержант Уильямс.

– Да, сержант?

– Мы потеряли четверых, сэр.

Шарп выругал себя за то, что первый не поинтересовался потерями.

– Кого?

Уильямс перечислил убитых, имена которых ничего не сказали Шарпу.

– Я думал, потери будут больше, – задумчиво произнес лейтенант.

– Симс ранен, сэр. И Кэмерон. Есть еще раненые, но эти самые тяжелые. – Сержанта трясло.

Шарп пытался собраться с мыслями, но воспоминание об убитых детях не отпускало. Ему не раз приходилось видеть мертвых детей. Только за последние недели отступления замерзли не меньше десятка ребятишек, однако ни один из них не был убит. Он видел, как детей бьют, пока не пойдет кровь, – и ни разу не был свидетелем детоубийства. Как французы могли такое сделать?

Обеспокоенный молчанием Шарпа, Уильямс пробормотал что-то насчет ручья, в котором стрелки могли бы наполнить фляги.

– Убедитесь вначале, что вода не отравлена, – кивнул Шарп.

– Конечно, сэр.

Шарп наконец взглянул на крепыша-сержанта:

– А стрелки молодцы. Настоящие молодцы.

– Спасибо, сэр, – с облегчением произнес Уильямс и тут же вздрогнул, услышав донесшийся из деревни нечеловеческий вопль. – Отлично сработали, – торопливо произнес сержант, словно стараясь отвлечь внимание от крика.

Шарп смотрел на юг, прикидывая, ждатель ли от таких туч дождя или снега. Он вдруг вспомнил егеря в красной накидке и человека в черной бурке. Откуда снова взялись эти двое? Очевидно, они знали о приближении Вивара. А вот английских стрелков враг в расчет не принял. Шарп вспомнил, как на вершине горы мимо него пробежал первый солдат. Стрелок бежал со штыком наперевес, и Шарп сообразил, что это еще один его прокол. Он не приказывал примкнуть штыки, стрелки сделали это сами.

– Стрелки воевали отлично, – повторил Шарп. – Передайте им это.

– Сэр? – неуверенно произнес Уильямс. – Мне кажется, будет лучше, если вы сами им это скажете.

– Я? – Шарп резко повернулся к сержанту.

– Они старались ради вас, сэр.

Шарп молчал, и Уильямс смутился еще больше:

– Мы все старались. И надеялись, что вы...

– Что я? – Вопрос прозвучал грубо, и Шарп это почувствовал. – Извините.

– Мы надеялись, что вы отпустите Харпса, сэр. Ребята его любят, а в армии всегда прощали провинившихся, если его товарищи хорошо сражались.

Злость на Харпера была слишком велика, чтобы немедленно удовлетворить просьбу.

– Я сам поблагодарю стрелков, сержант, – сказал Шарп и, помолчав, добавил: – Насчет Харпера я подумую.

– Хорошо, сэр. – В голосе сержанта Уильямса звучала благодарность. Лейтенант впервые говорил с ним по-человечески.

Шарп тоже это почувствовал и растерялся. Он нервничал, командуя стрелками, боялся их неповиновения и не признавал, что и они, в свою очередь, его боятся. Шарп знал, что он суровый человек; в то же время он всегда считал себя разумным и рассудительным. Взглянув на себя глазами Уильямса, он вдруг увидел весьма неприглядный образ: задиристый тип, унижающий собственных подчиненных. Именно таких офицеров он ненавидел больше всего в бытность свою солдатом. На лейтенанта нахлынуло ощущение вины за проступки, которые он совершил по отношению к стрелкам. Захотелось все исправить, но гордость не позволяла ему извиниться, и Шарп смущенно признался:

– Я не был уверен, что они полезут за мной на склон.

От изумления Уильямс закашлялся, после чего понимающе кивнул:

– Эти полезут, сэр. Здесь цвет батальона.

– Цвет? – Шарп не мог скрыть удивления.

– Пройдохи, понятное дело, – улыбнулся Уильямс. – Я к ним не отношусь. Я никогда не любил драться. Всегда надеялся, что сумею прожить чем-нибудь другим. – Сержант рассмеялся и добавил с восхищением: – Наши парни, сэр, настоящие дьяволы. Если подумать, в этом есть резон. Я наблюдал за стрелками, когда лягушатники атаковали мост. Так вот, некоторые были готовы сразу сдаться. Только не наши, сэр. Наши думали, как прорваться с боем. Вам достались крутые парни. За исключением меня. Мне просто везет. А этим только дай подраться, и они пойдут за вами куда угодно.

– Они пошли и за тобой, – сказал Шарп. – Я видел тебя на горе. Ты хорошо сражался.

Уильямс потрогал нашивки на правом рукаве:

– Мне было бы стыдно за мое звание, сэр, если бы я этого не сделал. На самом деле все зависело от вас. Штурмовать склон было чертовски опасно. Но как все получилось!

Шарп пожал плечами, хотя в глубине души был польщен. Он нуждался в одобрении. Может, он и не родился офицером, но, Бог свидетель, он родился солдатом. Сын шлюхи, лишенный Господа, и Господом проклятый солдат!

В деревне нашлись штыковые и совковые лопаты. В устье ущелья выкопали могилы для убитых французов.

Вивар и Шарп подошли к выдолбленным в мерзлой земле неглубоким ямам. Испанец остановился возле погибшего в

кавалерийской атаке драгуна. Одежды на убитом уже не было. Тело драгуна побелело, как снег, зато обрамленное косицами лицо стало коричневым от солнца и ветра.

– Как вы называете эти хвостики? – неожиданно спросил Вивар.

– Косицы.

– Это их отличительный знак, – мрачно произнес испанец. – Принадлежность к элите.

– Как розмарин на шапках ваших солдат?

– Нет, ничего общего! – Майор ответил так резко, что несколько минут офицеры молча смотрели на мертвого врага.

Почувствовав неловкость, Шарп нарушил молчание:

– Никогда бы не поверил, что пешие кавалеристы могут остановить конную атаку.

Похвала пришлась майору по душе.

– Я бы тоже никогда не поверил, что пехота сможет взять этот склон. Это было глупо с вашей стороны, очень глупо и гораздо смелее, чем я мог вообще предположить. Я вам благодарен.

Как всегда растерявшись от похвалы, Шарп пожал плечами:

– Это все стрелки.

– Полагаю, они стремились отличиться в ваших глазах, – сказал Вивар, стараясь ободрить Шарпа. Видя, что англичанин молчит, майор выразительно добавил: – Солдаты всегда

проявляют чудеса, когда знают, чего от них ждут. Сегодня вы показали, чего вы от них хотите, и они принесли победу.

Шарп пробормотал что-то насчет везения. Вивар пропустил его слова мимо ушей.

– Они шли за вами, лейтенант, потому что знали, чего вы от них ждете. Солдаты всегда должны знать, чего хочет офицер. Я установил для касадорцев три правила. Нельзя воровать, кроме тех случаев, когда не своровать – значит погибнуть; о лошадях заботиться прежде, чем о себе; и драться, как герои. Все. Три правила! Поставьте перед людьми твердые условия, и они пойдут за вами куда угодно.

Стоя на продуваемом всеми ветрами плато, Шарп понял, что майор Вивар делает ему подарок. Испанец предлагал ему ключ к успеху.

Шарп улыбнулся:

– Спасибо.

– Правила, – продолжал Вивар, не обращая внимания на благодарность англичанина, – делают из людей настоящих солдат, а не таких ублюдков. – Он пнул мертвого драгуна и содрогнулся. К могиле подтаскивали тела других убитых. – Я распорядюсь, чтобы кто-нибудь смастерил деревянные кресты.

Шарп в очередной раз поразился испанцу. Только что пнул голый труп врага – и собирается поставить на его могилу крест.

– Это не из уважения, лейтенант, – сказал Вивар, видя его

удивление.

– Нет?

– Я боюсь духов убитых. Кресты не позволят их грязным душам покинуть могилы. – Вивар плюнул на убитого. – Думаете, я дурак? Мне приходилось видеть потерянные души проклятых мертвецов, они похожи на миллионы свечей в ночном тумане. Их стенания куда страшнее, чем это. – Он кивнул в сторону деревни, откуда донесся душераздирающий вопль. – За убийство детей они заслужили худшего.

Шарп не мог возразить майору. У него до сих пор не укладывалось в голове, как может солдат убить ребенка.

– Почему они это сделали?

Вивар отошел от трупов к краю небольшого плато, откуда их атаквали конные драгуны.

– Поначалу французы были нашими союзниками. Черт бы побрал нашу доверчивость, мы сами их и пригласили. Они пришли, чтобы сражаться с нашими врагами, португальцами, а потом захотели остаться. Решили, что Испания ослабла, разложилась и не в состоянии за себя постоять. – Вивар замолчал, глядя в огромное ущелье. – Может быть, они и правы. Мы разложились. Только не народ, лейтенант. Об этом даже не думайте. Правительство. – Майор плюнул. – Французы нас презирают. Считают перезревшим плодом. Наша армия? – Вивар обреченно пожал плечами. – Люди не способны хорошо сражаться под плохим командованием. Но народ не испорчен. Эта земля не испорчена. – Он

топнул каблуком по снегу. – Это Испания, лейтенант, страна, любимая Богом, и Бог никогда ее не оставит. Как по-вашему, почему мы с вами сегодня победили?

Ответа на этот вопрос не требовалось, и Шарп промолчал.

Вивар смотрел вдаль. Над далекими горами темными пятнами обозначился дождь.

– Французы презирали нас, – вернулся он к прежней мысли. – Теперь они научились нас ненавидеть. Победа в Испании далась им нелегко. Здесь они познали горечь поражения. Мы заставили сдаться их армию под Беленом, а при осаде Сарагосы жители просто издевались над ними. Этого они нам не простят. Теперь французы наводнили нашу страну войсками. Поняли, что нас легче уничтожить, чем победить.

– Зачем они убили детей? – Шарпа преследовали картины зверски истерзанных детских трупов.

Вивар поморщился:

– Вы привыкли сражаться против людей в форме, лейтенант. Вы узнаете врага по синему мундиру с золотыми нашивками. Это хорошая мишень для ваших стрелков. Но французы не знают, кто их враг. Врагом может стать любой человек с ножом, поэтому они так нас боятся. И разжигают свою ненависть до невиданных пределов. Они хотят, чтобы и Испания их боялась. Боялась вот такого. – Он обвел рукой дымящиеся развалины деревушки. – Они боятся нас и хотят, чтобы мы боялись их еще больше. Может быть, им удастся этого добиться.

Пессимизм не вязался с обликом непреклонного Бласа Вивара.

– Вы в самом деле так думаете? – спросил Шарп.

– Я думаю, что люди всегда будут бояться смерти своих детей. – Голос Вивара, пережившего подобное горе, звучал скорбно. – И все же у французов ничего не выйдет. Сейчас испанцы оплакивают своих детей и ищут надежду. Но если им предоставить эту надежду, хоть крошечный лучик, они поднимутся на бой!

Последние слова майор прорычал, после чего виновато улыбнулся и посмотрел на Шарпа:

– Я хотел просить вас об одолжении.

– Разумеется.

– Ирландец Патрик Харпер... Отпустите его.

– Отпустить?

Шарп растерялся не от просьбы как таковой, а от резкой перемены в манерах Вивара. Непреклонный и полный гнева мгновение назад, испанец вдруг стал робок и вежлив.

– Я понимаю, – поспешно добавил Вивар, – ирландец совершил тяжкий проступок. Он заслуживает, чтобы его заповороли до полусмерти, а может, и большего, но он оказал мне неоценимую услугу.

Смущенный просительным тоном Вивара, Шарп пожал плечами:

– Разумеется.

– Я объясню ему, как нужно себя вести.

Шарп уже пришел к решению помиловать Харпера. Это следовало сделать хотя бы для того, чтобы доказать собственную рассудительность сержанту Уильямсу.

– Честно говоря, я его уже освободил, – признался майор Вивар, – но я должен был в любом случае заручиться вашим согласием. – Видя, что Шарп не протестует, майор улыбнулся и поднял с земли французскую каску. Потом сорвал чехол, которым был обшит медный корпус, чтобы блеск не выдал расположение драгуна. – Забавная игрушка, – презрительно заметил он, – хорошо будет смотреться после войны где-нибудь на лестнице.

Погнутая драгунская каска Шарпа не интересовала. До него дошло, что «неоценимая услуга» заключалась в том, что Харпер не дал французам захватить сундук. Он вспомнил, какой ужас исказил лицо испанца, когда ящик оказался под угрозой. На Шарпа снизошло озарение. Егерь преследовал Вивара, и эта погоня привела драгун к арьергарду английской армии. Они походя разбили четыре роты стрелков и понеслись дальше – но не за отступающей армией, а за сундуком.

– Что внутри, майор? – с вызовом спросил Шарп.

– Бумаги, я уже говорил, – равнодушно ответил Вивар, срывая с каски последнюю полоску материи.

– Французы пришли сюда за сундуком.

– Пленные показали, что пришли за едой. Уверен, они говорят правду, лейтенант. Перед лицом смерти люди редко

врут, а все они твердили одно и то же. Это фуражный отряд. – Вивар протер каску рукавом и протянул для осмотра Шарпу. – Обратите внимание на низкое качество работы. Как крепится ремешок...

– Они пришли за сундуком, не так ли? Они гнались за вами и знали, что вам надо пересечь горы?

Вивар нахмурился:

– Не нравится мне эта каска. Думаю, найду и получше, пока идет война.

– Это те же самые драгуны, которые напали на наш арьергард. Нам повезло, что они не прислали сюда весь полк, майор!

– Пленные показали, что сюда смогли добраться только те, у кого были хорошие лошади. Уверяю вас, им нужна еда и фураж. По словам пленных, деревни в предгорье разграблены дотла, поэтому им приходится забираться все выше.

– Что в сундуке, майор? – настойчиво повторил Шарп.

– Любопытство! – воскликнул Вивар и повернулся в сторону деревни. – Любопытство! – повторил он и, размахнувшись, далеко забросил медную каску. Сверкнув в небе, каска с грохотом покатилась по крутому каменистому склону. – Любопытство, лейтенант, – это английская болезнь, которая часто приводит к смерти. Избегайте ее!

К вечеру все догорело, кроме дома, где расположились солдаты Вивара. Они жарили на длинных палашах куски

конского мяса. Стрелки Шарпа жарили конину на шомполах. К общему облегчению, убитых селян похоронили. Пикеты были подтянуты к самому краю деревни. Часовые дрожали от пронизывающего ветра. С наступлением темноты дождь утих. К ночи ветер разогнал тучи; на талый снег упал бледный лунный свет, отчего пейзаж приобрел зловещий вид. Где-то в горах завыл волк.

Зеленые куртки стояли на посту первую половину ночи. Ближе к полуночи Шарп обошел деревню и перекинулся с каждым стрелком несколькими неуклюжими фразами. Разговор не клеился, стрелки не могли забыть то утро, когда стоворились убить своего офицера. Самые разговорчивые – Уэлшмэн и Дженкинс – поинтересовались, где находится армия сэра Джона Мура.

– Бог ее знает, – сказал Шарп. – Далеко.

– Она разбита, сэр?

– Может быть.

– Но ведь и Наполеон ушел? – В вопросе звучала надежда, словно отсутствие императора каким-то образом могло облегчить участь стрелков.

– Говорят, ушел.

По слухам, Наполеон действительно покинул Испанию, что не давало особого повода для оптимизма. Вражеские армии были разгромлены, добить Испанию и Португалию вполне могли и его маршалы, завоевавшие всю Европу.

Шарп миновал сторевшие дома. Подошва его правого са-

пога окончательно отвалилась, брюки болтались как на вешалке. Ножны он починил, зато форма годилась только для огородного пугала.

Лейтенант вышел к тому месту, где дорога круто поднималась вверх. Рядом протекал ручей, когда-то у большого камня деревенские женщины устраивали стирку. Здесь же размещался пост из трех человек.

– Что-нибудь видите?

– Ничего, сэр. Спокойно, как в высохшей пивной бочке.

Из тени поднялся гигант-ирландец. Мужчины уставились друг на друга, потом Харпер неуклюже стянул с головы кивер и отсалютовал:

– Простите, сэр.

– Ничего.

– Майор говорил со мной, да. Мы малость струхнули, понимаете, сэр, и...

– Я сказал, ничего!

Харпер кивнул. Сломанный нос распух, и Шарп понял, что прямым он уже никогда не будет.

Огромный ирландец улыбнулся:

– Если позволите мне так выразиться, сэр, удар у вас как у быка.

Шутка означала примирение, но память о драке на разрушенной ферме была слишком болезненной, и Шарп огрызнулся:

– Я снял тебя с чертовски острого крюка, стрелок Харпер.

Это вовсе не означает, что ты можешь молотить все, что придет в твою дурную голову. Надевай кивер и принимайся за дело.

Шарп развернулся и зашагал прочь, готовый мгновенно кинуться назад, если раздастся хоть один оскорбительный звук. У Харпера хватило ума промолчать. Лишь ветер свистел в ветвях деревьев и раздувал костер, унося искры высоко в небо.

Шарп приблизился к огню, надеясь высушить промокшую одежду. Ему показалось, что он опять поступил неправильно; шутку следовало принять. Ирландец хотел помириться, а он вновь закусил удила от гордыни.

– Вам надо поспать, сэр. – Пламя осветило сержанта Уильямса. – Я присмотрю за ребятами.

– Мне не уснуть.

– Понимаю. Как подумаешь о мертвых крошках, так сон и проходит.

– Да.

– Ублюдки, – сказал Уильямс. – Там была одна моложе, чем моя Мэри.

– А сколько твоей?

– Пять лет, сэр. Хорошенькая. Не в отца.

Шарп улыбнулся:

– Твоя жена не поехала за тобой в Испанию?

– Нет, сэр. Работает в пекарне у своего папаши. Не сильно он радовался, когда она вышла за солдата. Да и когда они рады?

– Это точно.

Сержант потянулся.

– Зато будет что рассказать, когда вернусь в Спайталфилдз. – Он помолчал, очевидно вспоминая дом. – Веселенькие истории.

– Например?

– Ну, например, как эти ублюдки забрались в такую глушь, чтобы пополнить запасы. Так ведь сказал майор?

– Да.

Французы добывали пропитание грабежами и воровством, но Уильямс, как и Шарп, не мог поверить, чтобы драгуны забрались в такую дыру, в то время как в долинах было полно соблазнительных местечек.

– Кстати, это они атаковали нас на дороге, – сказал Шарп.

В некотором смысле это сыграло на руку стрелкам, ибо французы, взявшие в качестве трофеев немало английских ружей, не смогли толком воспользоваться незнакомым оружием.

Сержант Уильямс кивнул:

– Сволочь в красной накидке, правильно?

– Да. И тип в черном.

– По-моему, им нужен ящик, который тащат с собой испанцы. – Уильямс понизил голос, словно его мог услышать кто-то из касадорцев: – В таких сундуках обычно возят бриллианты, верно? Думаю, здесь может оказаться королевское золотишко.

– Майор Вивар сказал, что в нем бумаги.

– Бумаги! – насмешливо повторил сержант Уильямс.

– Нас это не касается, – сказал Шарп. – Любопытство – опасная болезнь. Советую никого не расспрашивать. Майор не любит, когда лезут не в свои дела.

– Слушаюсь, сэр, – протянул Уильямс, разочарованный равнодушием лейтенанта.

Но Шарп лишь маскировал собственное недоверие. Спустя несколько минут после ничего не значащего разговора он пожелал сержанту спокойной ночи и медленно пошел в сторону церкви. Он усвоил эту бесшумную походку еще с детства, в лондонских трущобах, где, чтобы выжить, ребенок должен был воровать. Обойдя вокруг церкви, он замер у дверей. Кроме потрескивания костра и шума ветра, не доносилось ни звука. Шарп продолжал вслушиваться, надеясь уловить хоть единое колебание воздуха внутри каменного здания. Ничего. Он чувствовал запах обвалившихся и сгоревших бревен внутри церкви, но людей там не было. Ближайшие испанцы спали, завернувшись в плащи, в тридцати шагах от церкви.

Двери были распахнуты. Шарп скользнул внутрь и снова замер.

Святое место заливал лунный свет. Стены почернели от копоти, но люди Вивара уже расчистили от обгоревших бревен ведущие к алтарю ступеньки. На самой последней, черной, как стены церкви, стоял сундук.

Шарп ждал. Он оглядел всю церковь, стараясь уловить малейшее движение. Все было спокойно. В южной стене имелось небольшое черное окошко, единственное во всем здании. Через него ничего не было видно, и Шарп предположил, что оно выходит в чулан или глубокую нишу.

Лейтенант прошел между сторевшими бревнами. Некоторые еще тлели. Один раз отставшая подошва зацепилась за головешку, но это был единственный звук, который он произвел.

Приблизившись к ступенькам алтаря, Шарп опустился на корточки. На крышке сундука лежали свернутые агатовые четки, в лунном свете сияло крошечное распятие. Там, внутри, хранится то, что привело в эту замерзшую глушь французских солдат. Вивар утверждал, что это бумаги, но даже самый религиозный человек не станет охранять бумаги при помощи распятия.

Сундук был обшит промасленным чехлом. Во время боя в него попали две пули. Шарп просунул пальцы в пробитую ткань, нащупал застрявшие пули и гладкую поверхность дерева. Он прощупывал форму и положение засовов и замков под чехлом. Замки были старинные, такие за несколько секунд можно открыть штифтом от ружья.

Глядя на сундук, лейтенант покачивался с носка на пятку. Четыре стрелка отдали за него свои жизни, многим еще предстояло погибнуть, и это, решил Шарп, дает ему право выяснить, что находится внутри. Он понимал, что скрыть

взлом не удастся, но он и не собирался ничего красть.

Из кармана куртки он вытащил складной нож, которым пользовался во время еды. Вытащив лезвие, наклонился, чтобы разрезать чехол.

– Посмей прикоснуться, англичанин, и ты умрешь.

Шарп резко повернулся вправо. Из темного окошечка слышался щелчок взведенного пистолета.

– Майор?

– Из таких окон больные следят за мессой, лейтенант, – донесся из темноты голос Вивара. – Идеальное место для часового.

– Что здесь охранять?

– Бумаги, – холодно произнес Вивар. – Положите нож, лейтенант, и оставайтесь на месте.

Шарп повиновался. Спустя мгновение майор возник в дверях церкви:

– Больше так не делайте, лейтенант. Я убью любого, кто прикоснется к ящику.

Шарп чувствовал себя как пойманный сторожем мальчишка, тем не менее вызывающе бросил:

– Из-за бумаг?

– Из-за бумаг, – устало сказал Вивар и посмотрел на небо, по которому стремительно неслись серебристые облака. – Неподходящая для убийства ночь, лейтенант. Духи мертвых и без того разгулялись. Думаю, вам следует поспать. Утром предстоит долгий путь.

Шарп потупился и прошел мимо майора к дверям. На пороге он на секунду остановился, чтобы еще раз взглянуть на сундук. Вивар повернулся к нему спиной и опустил на колени перед своим загадочным ящиком.

Смущенный видом молящегося человека, Шарп замер.

– Да, лейтенант? – спросил майор, не оборачиваясь.

– Что сказали пленные про человека в красной накидке?

Про егеря, который их сюда привел?

– Ничего, лейтенант. – Голос испанца был полон терпения, словно он говорил с капризным ребенком. – Я не догадался их спросить.

– А человек в черном? Гражданский?

Вивар ответил не сразу:

– Знает ли волк клички гончих?

– Кто он, майор?

Тихонько щелкнули четки.

– Спокойной ночи, лейтенант.

Шарп понял, что не добьется ответа ни на один вопрос. Он прикрыл обгорелую дверь, улегся на холодную голую землю и стал слушать, как шумит ветер в полной привидений ночи. Где-то завыл волк, одна из пленных лошадей слабо заржала. В церкви молился человек.

Шарп уснул.

Глава шестая

Касадорцы и стрелки продолжали путь на запад. Опасаясь французских драгун, Вивар избегал легких дорог паломников и выбирал труднопроходимые горные тропы. Дорога, если ее можно было так назвать, вилась между скалами, пересекая взбухшие от талой воды и бесконечных дождей ручьи. Дожди окончательно размыли и без того скользкие тропы. Раненых и подхвативших лихорадку везли захваченные в бою французские лошади, но вести самих лошадей приходилось с величайшей осторожностью. К седлу одной из лошадей был приторочен сундук.

Французы не появлялись. Шарп ожидал увидеть силуэты драгун в первые же дни марша, однако егерь и его люди будто исчезли без следа. Обитатели редких горных сел уверяли Вивара, что не видели никаких французов. Некоторые вообще не знали, что идет война, и враждебно смотрели на говорящих на неведомом языке стрелков.

– Себя бы послушали, – смеялся Вивар, намекая на причудливый местный диалект.

Он объяснял крестьянам, что людей в изодранных зеленых куртках бояться не надо.

Спустя несколько дней, уверившись в том, что французы безнадежно отстали, Вивар спустился на петляющий между горами путь паломников: последовательность извилистых

троп, бегущих по глубоким ущельям. Главные тропы были вымощены камнями, и, хотя зимой все превратилось в сплошную грязь, по твердому покрытию шагалось значительно легче. Вдоль дороги, пролегающей через места, еще не узнавшие горестей войны, росли каштаны и вязы. Солдаты ели кукурузу, ржаной хлеб, картошку, каштаны и засоленное на зиму мясо. Как-то на ужин был даже свежий барашек.

Тем не менее, несмотря на обилие пищи и твердую дорогу, места были суровые. Однажды, пересекая мост через глубокий и темный ручей, Шарп увидел насаженные на колья три человеческих головы. Головы проторчали на кольях несколько месяцев, глаза, языки и мягкие места склевали птицы, оставшиеся лоскуты кожи почернели, как деготь.

– Rateros, – пояснил Вивар, – разбойники. Посчитали пилигримов легкой добычей.

– Многие ли совершают паломничество в Сантьяго-де-Компостела?

– Гораздо меньше, чем в былые времена. Прокаженные по-прежнему ходят на исцеление, но война, похоже, остановит и их. – Вивар кивнул в сторону черепов с длинными прямыми космами. – А этим господам придется опробовать свое искусство против французов.

Стрелки радовались хорошей дороге. Здесь было все, к чему они привыкли. Вивар закупил табака, который надлежало резать перед курением, и многие зеленые куртки переняли испанскую манеру курить табак, завернутый в бумагу,

вместо того чтобы набивать им глиняные трубки. В маленьких деревушках всегда было вдоволь крепкого сидра. Вивар поразился способности стрелков пить и еще более удивился, когда Шарп сказал ему, что многие пошли на военную службу исключительно ради трети пинты рома в день.

Рома не было, но благодаря сидру стрелки были счастливы и даже к своему офицеру относились с осторожной доброжелательностью. Зато Харпера приняли в свои ряды с нескрываемым восторгом, и Шарп в очередной раз убедился, что великан – признанный лидер среди солдат. Хотя стрелки любили и сержанта Уильямса, при принятии решений они инстинктивно полагались на Харпера. Шарп невесело отметил, что не он, а ирландец сплотил уцелевших из четырех рот стрелков в единое подразделение.

– Харпс порядочный человек, сэр. – Сержант Уильямс взял на себя миссию миротворца. – Он говорит, что был не прав.

Шарпа подобные заявления раздражали.

– Мне наплевать на то, что он говорит.

– А еще он говорит, что его в жизни так сильно не били.

– Не сомневаюсь, – сказал Шарп, прикидывая, стал бы так разговаривать Уильямс с другими офицерами. По всему выходило, что нет; похоже, Уильямс считает возможным подобную фамильярность, потому что знает: он тоже был сержантом. – Передай стрелку Харперу, – произнес лейтенант подчеркнуто сурово, – если тот еще раз нарушит дисципли-

ну, я его отделаю до потери памяти.

Уильямс захихикал:

– Он никогда больше не нарушит дисциплину, сэр. Майор Вивар с ним говорил, сэр. Одному Богу известно, что он ему сказал, только Харпс боится его как огня. – Сержант восхищенно покачал головой. – Майор крутой парень, сэр, и богатый тоже. В этом сундуке целое состояние.

– Там бумаги.

– Там бриллианты, сэр. – Уильямс обожал разглашать тайны. – Как я и думал. Майор рассказал Харпсу, сэр. Харпс говорит, что бриллианты принадлежат семье майора и, если мы доставим их в целости до Сантиагги, майор подкинет золотишка и нам!

– Глупости! – мрачно отрезал Шарп.

Его задело, что Вивар доверился не ему, а Харперу. Может быть, потому, что ирландец тоже католик? Кстати, с чего бы Вивар хранил фамильные ценности в церкви? И стали бы французы гоняться за золотом по зимним горам?

– Это старинные ценности. – Сержант Уильямс не обращал внимания на терзания лейтенанта. – Среди них есть ожерелье, сделанное из бриллиантов короны. Короны черного мавра, сэр. Был такой старый король, сэр. Язычник.

На стрелков явно снизошли ужас и благоговение. Теперь они готовы были сутками напролет маршировать под дождем по плохим дорогам; их страдания были освящены великой целью – доставить в сохранности сокровища древнего коро-

левства.

– Не верю ни единому слову, – сказал Шарп.

– Майор говорил, что вы не поверите, сэр, – почтительно произнес Уильямс.

– Харпер видел бриллианты?

– Это принесло бы несчастье, сэр, – с готовностью ответил сержант. – Если кто откроет сундук, не имея на то благословения всей семьи, его погубят злые духи. Вы понимаете, сэр?

– Еще бы, – ответил Шарп, но поколебать веру сержанта не могла никакая ирония.

Вечером над затопленным дождем полем Шарп увидел двух летящих с запада чаек. Это хоть и не означало близкого конца пути, но вселяло надежду. Море служило завершением важного этапа, больше не надо будет идти на запад, на побережье стрелки повернут на юг. Шарпу даже показалось, что промозглый ветер донес запах соли.

К вечеру отряд достиг небольшого города, выстроенного возле моста через глубокую и быструю речку. Над городом возвышались развалины давно заброшенной крепости. Алькальд, мэр города, заверил майора Вивара, что в ближайших пяти лье французов нет, и испанец решил разместиться на отдых.

– Выступаем с раннего утра, – предупредил он Шарпа. – Если погода не изменится, то к этому времени завтра будем в Сантьяго-де-Компостела.

– Откуда я поверну на юг.

– Откуда вы повернете на юг.

Алькальд предложил майору Вивару переночевать у него, касадорцам были отведены конюшни, а стрелки разместились в цистерцианском монастыре, известном гостеприимностью по отношению к паломникам. Там им предложили свежую свинину с бобами, хлеб и бурдюки с красным вином. Нашлись даже черные бутылки с ядреным бренди, который здесь называли *aguardiente*. Угощал здоровенный монах, шрамами и татуировкой больше похожий на бывалого солдата. Он же притащил мешок свежеиспеченного хлеба и, бестолково размахивая руками, изобразил, что это им на завтрашний поход. Шарп подумал, что после всех мучений от холода и бессонницы удастся наконец-то выспаться. Здесь он чувствовал себя в безопасности. С наслаждением отметив, что не надо проверять посты, лейтенант уснул.

Лишь для того, чтобы среди ночи проснуться.

Какой-то монах в белом капюшоне пробирался среди спящих стрелков, освещая их лица фонарем. Шарп, приподнявшись на локте, кашлянул. С улицы доносились скрип колес и стук копыт.

– Сеньор! Сеньор! – Увидев Шарпа, монах замахал руками.

Проклиная все на свете, Шарп схватил сапоги, оружие и побрел следом за монахом в освещенный свечами монастырский зал. Там, прижимая ко рту платок, словно опасаясь за-

разиться, стояла женщина невероятных размеров. Ростом с Шарпа, широкоплечая, как Харпер, и толстая, как винная бочка. На ней было множество накидок и шалей, отчего она казалась еще огромнее. Зато тонкогубое лицо с маленькими глазками обрамлял крошечный, ажурно вышитый чепчик. На назойливых монахов, о чем-то возбужденно ее просивших, незнакомка не обращала никакого внимания. Двери монастыря были распахнуты, в свете факелов Шарп разглядел экипаж.

При его появлении женщина засунула платочек в рукав.

– Вы английский офицер?

От изумления Шарп лишился дара речи. Гигантских размеров женщина с громоподобным голосом оказалась англичанкой.

– Ну? – прогудела она.

– Да, мадам.

– Не лучшее место для офицера, присягнувшего протестантскому королю. А теперь наденьте сапоги. Да побыстрее!

Женщина отмахнулась от гомонящих монахов, как племенная корова от назойливых мух.

– Назовите свое имя, – сказала она.

– Шарп, мадам. Лейтенант стрелкового полка Ричард Шарп.

– Найдите мне самого старшего английского офицера. И застегните мундир.

– Я старший офицер, мадам.

– Вы?

– Да, мадам.

– Тогда вам придется потрудиться. Уберите свои грязные руки!.. – Последняя фраза относилась к аббату, который, стремясь привлечь внимание англичанки, осторожно прикоснулся к одной из ее пышных накидок. – Дайте мне несколько человек! – обернулась она к Шарпу.

– Кто вы, мадам?

– Меня зовут миссис Паркер. Вы слышали об адмирале сэре Гайде Паркере?

– Конечно, мадам.

– Он был родственником моего мужа, прежде чем Господь призвал его к себе. – Обозначив таким образом свое превосходство над Шарпом, женщина опять перешла на ворчливый тон: – Вы можете побыстрее?

Натягивая сапоги, Шарп пытался сообразить, как среди ночи в испанском монастыре могла оказаться англичанка.

– Вам нужны люди, мадам?

Миссис Паркер взглянула на лейтенанта так, словно собиралась свернуть ему шею:

– Вы что, глухой? Или бестолковый? Не смей прикасаться ко мне папистскими руками! – (Аббат отлетел, словно ужаленный.) – Я буду ждать в экипаже, лейтенант. Торопитесь!

К великому облегчению монахов, миссис Паркер покинула монастырь.

Шарп пристегнул палаш, перекинул через плечо ружье и, не утруждая себя поисками людей, вышел на запруженную экипажами, повозками и всадниками улицу. Толпа паниковала, – казалось, все хотели бежать, но никто не знал куда.

Чувствуя неладное, Шарп подошел к экипажу миссис Паркер. Фонарь с колпаком освещал плюшевый интерьер и высокого худого человека, помогающего миссис Паркер устроиться поудобнее.

– Ну наконец-то! – Уместив огромное тело на кожаном диване, миссис Паркер нахмурилась. – Привели людей?

– Зачем они вам, мадам?

– Зачем? Вы слышали, Джордж? Офицер его величества встречает в папистской стране попавшую в беду беззащитную английскую леди, за которой гонятся французы, и начинает ее допрашивать! – Миссис Паркер наклонилась, заполнила собой весь дверной проем и крикнула: – Приведите солдат!

– Зачем? – рявкнул в ответ Шарп, ошеломив не привыкшую к возражениям миссис Паркер.

– Речь идет о Новом Завете, – произнес мужчина. Он пытался выглянуть из-за миссис Паркер и улыбнуться Шарпу. – Мое имя Паркер, Джордж Паркер. Я имею честь быть кузеном покойному адмиралу сэру Гайду Паркеру. – Последние слова прозвучали вымученно, – очевидно, все, чем мог похвастать Джордж Паркер, было его родство со знаменитым адмиралом. – Я и моя жена нуждаемся в вашей помощи.

– В этом городе спрятаны испанские переводы Нового Завета, – вмешалась миссис Паркер. – Мы требуем, чтобы ваши люди спасли их.

В устах миссис Паркер подобная речь звучала как примирение. Супруг миссис Паркер с готовностью кивнул.

– Вы хотите, чтобы мои стрелки спасли Новый Завет от испанцев? – пробормотал Шарп, окончательно запутавшись.

– От французов, идиот! – проревела из экипажа миссис Паркер.

– Они здесь?

– Вчера они взяли Сантьяго-де-Компостела, – печально проговорил мистер Паркер.

– Черт побери!

Ругательство возымело благодатный эффект, миссис Паркер замолчала. Ее супруг, видя растерянность Шарпа, наклонился вперед:

– Вы не слышали о событиях в Ла-Корунье?

Шарпу уже ничего не хотелось слышать.

– Нет, сэр.

– Там произошло сражение, лейтенант. Похоже, английской армии удалось отойти к морю, но ценой очень больших потерь. Говорят, убит сэр Джон Мур. Другими словами, эта часть Испании принадлежит французам.

– Проклятье!

– Нам сообщили, что вы здесь, как только мы приехали, – продолжал Джордж Паркер. – И вот мы просим вашей помо-

щи.

– Разумеется.

Шарп оглядел улицу. Теперь причина паники была ясна. Французы захватили портовые города северо-запада Испании. Англичане отступили, испанская армия рассеяна, и скоро наполеоновские войска повернут на юг, чтобы завершить дело.

– Как далеко отсюда Ла-Корунья?

– Одиннадцать лье? Двенадцать?

В отблеске фонаря лицо Джорджа Паркера казалось встревоженным и бледным. Немудрено, подумал Шарп. Французы находятся на расстоянии однодневного марша.

– Может, вы поторопитесь? – Миссис Паркер пришла в себя после богохульств Шарпа и агрессивно подалась вперед.

– Подождите, мадам.

Шарп побежал в монастырь:

– Сержант Уильямс! Сержант Уильямс!

Десять минут ушло на то, чтобы разбудить и вывести на улицу полусонных стрелков. При свете фонарей Шарп выстроил свой отряд. Дыхание стрелков обращалось в пар, а лейтенант уже почувствовал первые капли дождя. Добросердечные монахи принесли растерявшимся от шума и криков солдатам мешки с хлебом.

– Лейтенант, скорее!

От нетерпеливого ерзанья миссис Паркер спицы экипажа скрипели.

И тут стрелок Харпер оглушительно присвистнул, а остальные весело загудели. Шарп резко обернулся, чтобы сделать самое нежелательное открытие.

В карете находилась еще одна женщина. До сих пор ее не было видно из-за гигантской туши миссис Паркер. Девушка могла быть служанкой, подругой или дочерью, – во всяком случае, ничем на миссис Паркер она не походила. Шарп разглядел миловидное личико с яркими глазами, темные кудри и не сулящую ничего хорошего в окружении солдат улыбку.

– Провались ты... – пробормотал лейтенант.

Ожидая, пока майор Вивар выйдет из дома алькальда, где был срочно созван совет старейшин, Шарп отправил стрелков выручать тома Нового Завета, которые хранил для Джорджа Паркера городской книготорговец.

– Римская церковь не одобряет Новый Завет! Как вам это нравится? – Без супруги Джордж Паркер казался учтивым и печальным человеком. – Они хотят держать свой народ в невежестве. Архиепископ Севильи конфисковал и предал огню тысячу экземпляров Нового Завета. Вы можете в это поверить? Поэтому мы пошли на север. Я ожидал найти благодатную почву в Саламанке, но тамошний архиепископ пригрозил сделать подобное. Тогда мы отправились в Сантьяго, а по дороге спрятали драгоценные книги у этого доброго человека. – Паркер показал на дом книготорговца. – Допускаю, что кое-что он распродал в свою пользу, но я его не виню.

Отнюдь. К тому же человек, распространяющий запрещенное Римом Евангелие, совершает богоугодное дело. Вы согласны?

Шарп был слишком обескуражен всем происшедшим за ночь, чтобы хоть как-то выразить свое мнение. Он наблюдал, как солдаты вытащили из магазина очередную связку книг в черном переплете и уложили их в багажное отделение кареты.

– Вы распространяете Библии в Испании?

– Только с того времени, как между нашими странами был подписан договор, – ответил Паркер, словно теперь все должно было стать понятно. Видя на лице Шарпа недоумение, он пояснил: – Моя дорогая супруга и я являемся последователями покойного Джона Уэсли.

– Методиста?

– Именно так! – Паркер энергично закивал. – А после того как мой покойный кузен, адмирал, оказался столь великодушен, что помянул и меня в своем завещании, моя дорогая жена решила, что лучшим применением денег будет просвещение Южной Европы, до сих пор пребывающей в папских потемках. Договор о мире между Англией и Испанией мы посчитали Божьим знаком и направили сюда наши стопы.

– Успешно? – не удержался Шарп, хотя ответ был написан на скорбной физиономии Паркера.

– Увы, лейтенант, народ Испании закоренел в римской ереси. Но даже если единственная душа познает милость

Спасителя и протестантское благолепие, я посчитаю свою миссию выполненной. – Паркер помолчал. – А вы, лейтенант? Могу я поинтересоваться, познали ли вы Господа и Спасителя?

– Я стрелок, сэр, – твердо заявил Шарп, стремясь избежать протестантской атаки на свою, уже осажденную католицизмом, душу. – Наша религия – это смерть лягушатникам и прочим язычникам, не любящим короля Георга.

Воинственный ответ Шарпа заставил Паркера на время замолчать. Он уставился на заполнивших улицу беженцев, затем со вздохом произнес:

– Конечно, вы прежде всего солдат. Но я надеюсь, вы мне простите.

– Простить вам что, сэр?

– Мой кузен, покойный адмирал, тоже любил крепкие выражения. Я не хочу вас обидеть, лейтенант, однако моя жена и племянница не привыкли к языку военных... – Голос Паркера стих.

– Я приношу извинения, сэр. Постараюсь запомнить. – Шарп кивнул в сторону дома книготорговца, где временно укрылись миссис Паркер и девушка. – Значит, это ваша племянница? Похоже, она слишком молода, чтобы путешествовать по таким беспокойным местам.

Если Паркер и заподозрил, что Шарп выведывает у него информацию, то ничем не проявил своего недовольства.

– Луизе девятнадцать лет, лейтенант. К сожалению, бед-

няжка осталась сиротой. Моя супруга предложила ей должность компаньонки. Разумеется, мы и вообразить не могли, что военные действия примут такой оборот. Мы были уверены, что, если в Испании стоит английская армия, нам ничего не грозит.

– Может быть, Бог стал на время французом? – насмешливо бросил Шарп.

Паркер пропустил мимо ушей легкомысленное замечание. Он смотрел на поток беженцев, бредущих в темноте с узлами одежды. Дети плакали. Какая-то женщина тащила на веревке двух козлов. Мимо проковылял на костылях калека.

Паркер покачал головой:

– Люди очень боятся французов.

– Это настоящие ублюдки, сэр. Простите. – Шарп покраснел. – Вы были в Сантьяго-де-Компостела, когда они вошли в город?

– Их кавалерия ворвалась в северную часть города вчера вечером, что дало нам возможность вовремя уйти. Господь очень предусмотрителен.

– Вот уж точно, сэр. – Перед Шарпом, широко улыбаясь, вытянулся по стойке смирно сержант Уильямс. – Все святые книги погружены, сэр. Прикажете вести дам?

Шарп посмотрел на Паркера:

– Вы собираетесь ехать сегодня?

Вопрос застал Паркера врасплох.

– Мы сделаем так, как вы посчитаете нужным, лейтенант.

– Вам решать, сэр.

– Мне?

Было очевидно, что Джордж Паркер так же неуверен в себе, как и его кузен сэр Гайд, чья нерешительность едва не стоила боя при Копенгагене.

Шарп попытался объяснить ситуацию:

– Эта дорога, сэр, ведет на восток и на запад. И там и там французы. Полагаю, теперь, когда книги в безопасности, вам предстоит выбрать направление. По слухам, французы хорошо обращаются с мирными английскими путешественниками. Вас, безусловно, допросят, возможно, возникнут какие-нибудь неудобства, однако в конце концов вам разрешат ехать дальше на юг. Если не возражаете, я бы предложил Лиссабон, сэр. Я слышал, там до сих пор стоит небольшой английский гарнизон. Даже если он снялся, вы всегда можете найти британское торговое судно.

Паркер с тревогой посмотрел на офицера:

– А вы, лейтенант? Каковы ваши планы?

– Я вряд ли могу рассчитывать на милость французов, сэр. – Шарп улыбнулся. – Мы тоже идем на юг. Я надеялся на дорогу от Сантьяго-де-Компостела, но поскольку убл... поскольку французы уже там, придется сокращать путь через горы. – Шарп похлопал по грязному колесу огромного экипажа. – Такая штука там не пройдет, сэр, боюсь, вам придется испрашивать у французов разрешения пересечь их территорию.

Паркер долго качал головой:

– Уверяю вас, лейтенант, ни у меня, ни у моей супруги нет желания унижаться перед врагом, когда есть способ этого избежать. Мы пойдем на юг с вами. Более того, могу вас заверить, что из этого города к югу идет вполне приличная дорога. Вот там! – Он указал на мост. – На другой стороне реки.

От изумления Шарп на несколько секунд лишился дара речи.

– Отсюда есть дорога на юг?

– Абсолютно точно и достоверно. Иначе я бы не рискнул приехать сюда за Новым Заветом.

– А мне сказали... – Шарп сообразил, что нет никакого смысла пересказывать заверения Вивара по поводу отсутствия дороги. – Вы уверены, сэр?

– Я ездил по ней месяц назад. – Видя сомнения лейтенанта, Паркер добавил: – У меня есть карта. Хотите взглянуть?

Шарп проследовал за Паркером в дом книготорговца. Миссис Паркер смерила офицера подозрительным взглядом.

– Все книги в безопасности, дорогая, – робко пробормотал Паркер, – я подумал, что мы можем взглянуть на карту.

– Луиза, – прогудела миссис Паркер, – карту!

Девушка послушно подошла к кожаному чемодану и достала кипу бумаг. Шарп изо всех сил старался на нее не смотреть. Он уже успел заметить, как она тревожаще хороша. Высокая и стройная, с живым любопытным лицом и чистой ко-

жей. Такая девушка, подумал Шарп, заставит солдата ворочаться во сне, даже если она чертова методистка.

Луиза принесла карту. Джордж Паркер попытался представить племянницу:

– Луиза, дорогая, я еще не сказал лейтенанту...

– Луиза! – громко перебила его миссис Паркер, очевидно лучше сознающая опасность подобных знакомств. – Сядь рядом и слушай.

В наступившем молчании было слышно, как лейтенант развернул карту.

– Это не очень подробная карта, – смущенно забормотал Паркер, словно был лично виноват во всех погрешностях, – но я уверен, дорога на ней есть.

Он показал на тонкую черную полосу, мало что говорящую Шарпу. Лейтенант вглядывался в скверно отпечатанный листок и пытался сообразить, где они находятся.

– Дорога пересекает береговой путь здесь, к югу от Виллагарсиа, – продолжал Паркер. – Корабль можно найти в Понтеведра. Уверен, что королевский флот патрулирует побережье, и с Божьего благословения нам удастся найти рыбака, который согласится отвезти нас на один из кораблей.

Шарп почти не слушал, отслеживая по карте мучительный путь, который проделали его стрелки вместе с Виваром. Лейтенант не мог в точности обозначить пройденный маршрут, но одно было ясно: за последние дни они миновали по крайней мере две дороги на юг. Между тем Вивар без кон-

ца твердил Шарпу, что дорог на юг не существует и стрелки должны сопровождать его до Сантьяго-де-Компостела. Только там они смогут повернуть к Лиссабону. Испанец солгал.

Джордж Паркер принял мрачное выражение Шарпа за недоверие:

– Я гарантирую вам, что дорога есть.

Шарп неожиданно сообразил, что девушка смотрит на него.

– Значит, вы путешествовали по этой дороге месяц назад, сэр?

– Совершенно верно.

– И карета может проехать здесь зимой?

– Без труда.

– Вы что, собираетесь до утра обсуждать эту тему? – Миссис Паркер угрожающе поднялась. – Или британских солдат больше не волнует судьба британских женщин?

Шарп свернул карту и, не спрашивая разрешения, сунул ее в карман.

– Мы отправимся в путь, мадам, как только я улажу кое-какие дела в городе.

– Дела! – Миссис Паркер чуть не поперхнулась. – Интересно, какие дела могут быть важнее нашей безопасности, лейтенант?

Шарп распахнул дверь:

– Я вернусь самое позднее через четверть часа. Вы меня очень обяжете, мадам, если будете готовы через десять ми-

нут. Двое раненых поедут в вашей карете. – Он увидел, как в груди миссис Паркер закипает очередной протест. – На крышу погрузят ранцы стрелков. В противном случае, мадам, вам придется искать дорогу на юг без меня. – Шарп обозначил поклон. – Ваш слуга, мадам.

Шарп распахнул дверь прежде, чем миссис Паркер успела затеять очередное препирательство. И готов был поклясться, что слышал, как девушка тихонько рассмеялась.

Черт бы их взял! Черт! Черт! У него достаточно забот и без этой извечной солдатской проблемы.

– Хорошие новости! – приветствовал лейтенанта Вивар, едва тот появился в дверях дома алькальда. – Мое подкрепление находится в половине дневного марша. Лейтенант Давила нашел свежих лошадей и солдат. Я вам рассказывал о Давиле?

– Вы мне не рассказали о дороге, не так ли?

– О какой дороге?

– Вы утверждали, что, прежде чем повернуть на юг, надо идти на запад.

Шарп не хотел говорить так резко, но скрыть обиду не удалось. Он и его люди шли по бездорожью, по холоду, карабкались на скользкие склоны и форсировали ледяные ручьи, и все это зря! Они давно могли повернуть на юг. Сейчас они находились бы у португальской границы. А вместо этого оказались в нескольких часах от врага.

– Дорога! – Шарп припечатал к столу карту Джорджа Паркера. – Здесь указана дорога, Вивар! Дорога, будь она проклята! А еще две, будь они тоже прокляты, мы прошли мимо! Теперь чертовы французы находятся в одном дне пути. И вы мне лгали, черт бы вас взял!

– Я лгал вам? – теперь не на шутку разъярился Блас Вивар. – Да я спас ваши ничтожные жизни! Ваши люди не продержались бы без меня в Испании и недели! Вы или деретесь между собой, или напиваетесь как свиньи! Я протащил через всю страну шайку никчемных пьяниц, и вот благодарность! Да я плевать хотел на вашу карту!

С этими словами Вивар схватил драгоценную карту, но вместо того, чтобы на нее плюнуть, разорвал ее в клочья и швырнул в огонь.

Алькальд, священник и еще полдюжины пожилых и уважаемых людей взволнованно наблюдали за ссорой.

– Будьте вы прокляты! – Шарп обозлился, что не успел схватить карту.

– Я проклят?! – закричал Вивар. – Я сражаюсь за Испанию, лейтенант, а не убегаю от драки, как мальчишка. Но в Англии, кажется, принято по-другому? Первая неудача – и британцы бегут домой к мамочке. Отлично! Проваливайте! Только вы не застанете гарнизона в Лиссабоне, лейтенант. Они тоже убегут.

Шарп не обращал внимания на оскорбления. Он хотел получить ответ на терзавший его вопрос:

– Зачем ты вообще нас сюда притащил, ублюдок?

Вивар перегнулся через стол:

– Потому что впервые за вашу темную и невежественную жизнь, лейтенант, у вас был шанс помочь Испании. Послужить Господу. Сделать хоть что-то полезное! Вы – нация пиратов, варваров, язычников! Один Бог знает, зачем Он вообще создал на земле англичан, и я решил, что это ваш шанс отблагодарить Его за акт творения!

– Защищая ваш драгоценный сундук? – Шарп кивнул в сторону стоящего у стены ящика. – Без нас вы бы уже потеряли проклятый ящик, не так ли? А знаете почему, майор? Потому что ваши хваленые испанские армии ни к черту не годятся!

– Это ваши армии разбиты и бегут. Они хуже чем сброд. А теперь убирайтесь! Бегите!

– Надеюсь, проклятый сундук попадет к французам!

Шарп развернулся и в этот момент услышал звук извлекаемого из ножен клинка. Он с лязгом выхватил из залатанных ножен свой палаш.

– Basta!

Священник кинулся между разъяренными офицерами и принялся уговаривать Вивара, который бросал презрительные взгляды в сторону Шарпа. Не понимая, о чем идет речь, стрелок застыл с палашом в руке.

Неохотно подчинившись пожилому человеку, Вивар опустил оружие:

– Вы и одного дня без меня не продержитесь, лейтенант. Убирайтесь!

Демонстрируя свое презрение, Шарп плюнул на пол, после чего, все так же сжимая в руке палаш, вышел в ночь. Французы захватили север страны, надо было убегать.

Глава седьмая

В первый день марша отряд продвинулся значительно дальше, чем Шарп даже смел надеяться. Карета Паркеров была неповоротлива, зато колеса имели широкие ободья и легко катились по грязи и снегу. Испанский конюх умело управлял шестеркой лошадей. Помощь стрелков потребовалась всего дважды: один раз на скользком склоне, а второй раз, когда колесо соскочило в придорожную жижу. Шарп больше не видел молодую Луизу Паркер, тетушка держала кожаные шторы плотно прикрытыми.

Цена и размеры кареты потрясли Шарпа. Похоже, просветительская миссия в деньгах не нуждалась. Джордж Паркер предпочитал обществу супруги пешую прогулку. Он поведал лейтенанту, что все стало возможным благодаря наследству адмирала.

– Был ли адмирал религиозным человеком? – поинтересовался Шарп.

– Увы, нет. Скорее наоборот. Но он был богат. К тому же, – Паркера явно задели расспросы Шарпа о цене кареты, – я не считаю, что служение Господу должно страдать от нехватки средств. Вы согласны?

– Полностью, – весело кивнул Шарп. – Но почему Испания, сэр? По-моему, еретиков хватает и в Англии.

– Потому что Испания гибнет во тьме римского невеже-

ства, лейтенант. Вы знаете, какой это ужас? Я могу такое рассказать о поведении папских монахов, что кровь в жилах застынет! А известны ли вам здешние предрассудки?

– Имею представление. – Шарп обернулся посмотреть, как идет карета. По настоянию миссис Паркер раненых разместили на крыше. – Только доны не сильно приветствуют методизм, сэр, если мне позволено высказать мое мнение.

– Да, страна упрямцев, – мрачно согласился Паркер.

– А вот я помню офицера, – жизнерадостно продолжал Шарп, – которому удалось обратить в христианство язычников. Это был настоящий успех.

– Видите! – оживился мистер Паркер, услышав о примере Божьей милости. – Благодетельный был человек?

– Бешеный как собака. Из королевских ирландцев, у них у всех в голове тараканы.

– Как же он добился успеха?

– Объявил, что кто не покрестится, тому тут же разнесет башку. Очередь креститься стояла вокруг оружейки и до самого склада.

Мистер Паркер замолчал, погрузившись в печальные раздумья. Веселость Шарпа была напускной. Отношения со стрелками после его решения идти на юг самостоятельно снова испортились. Он убеждал себя, что угрюмость солдат объясняется недосыпанием, хотя понимал, что они мрачны оттого, что пришлось оставить майора Вивара. Вивару они безоговорочно верили, в то время как авторитет лейтенан-

та оставался под вопросом. Это больно задевало самолюбие офицера.

Подтвердил его печальные предположения сержант Уильямс, поравнявшийся с Шарпом, когда маленькая колонна вошла в яблоневый сад.

– Ребята хотели остаться с Виваром, сэр.

– Почему, ради всего святого?

– Из-за драгоценностей, сэр! Он собирался заплатить нам золотом, когда придет в Санта-агги.

– Не будь ты идиотом, сержант! Никогда бы он ничего не заплатил. В проклятом ящике, может, и лежат драгоценности, но мы были ему нужны только для охраны.

Шарп совершенно не сомневался в своей правоте. Стрелки почти удвоили немногочисленный отряд майора, между тем они служили Британии, а не проклятому ящику.

– К тому же мы бы все равно не дошли до Сантьяго. Город захватили чертовы лягушатники.

– Да, сэр, – с сомнением и горечью произнес Уильямс.

На ночь остановились в небольшом городишке. Знавший испанский язык Джордж Паркер договорился о ночлеге в гостинице. Паркеры сняли огромную комнату, стрелкам отвели место в конюшне.

Из еды оставался только подаренный монахами хлеб. Шарп понимал, что нужно срочно доставать пищу. В гостинице было и мясо, и вино, но владелец требовал денег. Лейтенант решил обратиться к Джорджу Паркеру. Миссионер,

смутившись, ответил, что финансами распоряжается супруга.

Освободившаяся от шарфов и накидок миссис Паркер раздулась от негодования:

– Вы сказали – деньги, мистер Шарп?

– Солдатам нужно мясо, мадам.

– Вы предлагаете мне взять вас на содержание?

– Вам все будет возвращено, мадам.

Шарп чувствовал на себе взгляд Луизы, но стремление соблюсти интересы своих людей удержало его от ответного взгляда. Он боялся разозлить тетушку.

Миссис Паркер подбросила на ладони кожаный кошелек:

– Это деньги Христа, лейтенант.

– Мы берем их в долг, мадам. К тому же мои люди не смогут вас защитить, если будут голодны.

Последний аргумент, высказанный в столь почтительной форме, возымел действие. Миссис Паркер вызвала хозяина гостиницы и обсудила с ним покупку горшка с козлиными костями, из которых, по ее словам, можно сварить прекрасный бульон.

Когда препирательства закончились и миссис Паркер потребовала расписку, Шарп не без известного колебания напомнил:

– И на вино, мадам.

Джордж Паркер возвел глаза к потолку, Луиза принялась подрезать фитили свечей, а миссис Паркер в ужасе устави-

лась на лейтенанта:

– Вино?

– Да, мадам.

– Ваши стрелки пьют?

– Им положено вино, мадам.

– Положено? – Интонация миссис Паркер не сулила ничего хорошего.

– Таков устав британской армии, мадам. Третью пинты крепкого или пинта вина в день.

– Каждому?

– Конечно, мадам.

– Только не тогда, когда они обеспечивают безопасность истинных христиан! – Миссис Паркер засунула кошелек в карман юбки. – Деньги нашего Господа и Спасителя не будут пущены на пьянку. Ваши люди обойдутся водой. Я и мой супруг не пьем ничего, кроме воды.

– Изредка пиво, – поспешил поправить жену Джордж Паркер.

Миссис Паркер сделала вид, что ничего не слышала:

– А теперь попрошу расписку, лейтенант.

Шарп послушно выписал расписку, после чего последовал за хозяином в большой зал, где отрезал четыре серебряные пуговицы с форменных шаровар. Этого хватило на пару бурдюков с вином, что означало по полной чашке на брата. Выпивка, равно как и котел с костями, была принята в угрюмом молчании, и, лишь когда Шарп объявил подъем в

четыре утра, послышался протестующий ропот. Обиженный новым проявлением недоброжелательности, Шарп резко заявил, что если кто желает стать французским пленником, может убираться прямо сейчас. Он жестом показал на двери конюшни, за которыми начинался промерзлый двор.

Никто не двинулся и не сказал ни слова. Шарп видел, как блестят в дальнем конце конюшни глаза Харпера, и в очередной раз отметил, что стрелки непроизвольно группируются вокруг огромного ирландца. Казалось, он больше всех сожалел о расставании с Виваром, хотя Шарп до сих пор не мог представить, чего они ожидали от службы испанцу.

– В четыре подъем, – повторил Шарп. – В пять выступаем.

Миссис Паркер обрадовалась новости еще меньше:

– Проснуться в четыре? По-вашему, человек может жить без сна, лейтенант?

– По-моему, мадам, есть смысл идти впереди французов. – Шарп поколебался, не желая обременять сварливую женщину очередной просьбой, но, сознавая, что не сможет вести отсчет времени в кромешной тьме, добавил: – Я хотел спросить, мадам, есть ли у вас часы или будильник?

– Вы хотите знать, который час, лейтенант? – переспросила миссис Паркер, выигрывая время, чтобы разозлиться для решительного отказа.

– Пожалуйста, мадам.

Луиза улыбнулась Шарпу из-за занавески, отделяющей альков. Заметив это, тетушка резко задернула занавеску.

– Вам, разумеется, придется спать за дверью. Вы слышите, лейтенант?

Шарп думал о часах, и неожиданный вопрос застал его врасплох.

– Простите, мадам?

– В этой комнате находятся беззащитные женщины, лейтенант. Британские женщины!

– Уверен, вам ничего не грозит. – Шарп показал на тяжелый засов.

– Вы имеете хоть малейшее представление о ваших обязанностях? – Миссис Паркер дала волю гневу. – Неудивительно, что вы застряли в самом низу служебной лестницы.

– Мадам, я...

– Не перебивайте! Мы не потерпим здесь казарменного обращения, лейтенант! Паписты в таверне уже накачались как животные, видели? А известно ли вам, к каким ужасным последствиям ведет употребление крепких напитков? Позвольте напомнить, что мистер Паркер платит в Англии налоги, вы просто обязаны нас охранять.

Джордж Паркер, пытавшийся читать Священное Писание при свете низкой лампы, умоляюще посмотрел на Шарпа:

– Пожалуйста, лейтенант.

– Я буду спать снаружи, но мне нужны часы.

Довольная маленькой победой, миссис Паркер улыбнулась:

– Поскольку вы призваны нас охранять, лейтенант, вам

необходимо бодрствовать. Переворачивая песочные часы, вы не уснете. Джордж!

Джордж Паркер вытащил из чемодана и с виноватым видом передал Шарпу песочные часы. Миссис Паркер удовлетворенно кивнула:

– Они отстают на двадцать пять минут за десять часов, лейтенант, песок высыпается из колбы за час.

Царственным жестом миссис Паркер позволила Шарпу удалиться.

Выйдя из комнаты миссионеров, Шарп привалился к стене. Поставив песочные часы на подоконник, он наблюдал, как заструились первые песчинки.

Черт бы побрал эту бабу! Неудивительно, что в армии всячески препятствуют распространению методизма. Хотя, с другой стороны, роль телохранителя, пусть даже столь неприятного человека, как миссис Паркер, Шарпа устраивала. Это избавляло его от необходимости идти на конюшню, где стрелки вновь начали бы демонстрировать свое недовольство и пренебрежение. Было время, когда общество таких людей доставляло ему удовольствие. Став офицером, он лишился этого общения. Шарп чувствовал огромную, безнадежную усталость и всеми силами желал, чтобы проклятое путешествие наконец закончилось.

Пришлось оборвать еще одну пуговицу с шаровар, через которые уже виднелся шрам на бедре, и купить себе бурдюк вина. Лейтенант выпил его быстро и безрадостно, после че-

го подтянул скамейку поближе к двери Паркеров. Посетители таверны побаивались оборванного сурового иностранного солдата и старались держаться подальше.

Скамья оказалась напротив окошка, в которое были видны конюшни. Шарп не исключал возможности очередного бунта. Или стрелки попытаются ускользнуть под покровом темноты, чтобы снова присоединиться к своему любимому майору Вивару. Однако за исключением нескольких человек, вышедших во двор помочиться, все было спокойно. Спокойно, но не тихо. До лейтенанта доносился хохот стрелков, отчего собственное одиночество становилось окончательно невыносимым.

Постепенно смех утих. Таверна опустела, лишь два скотопромышленника жизнерадостно похрапывали у затухающего камина. Повар пристроился под разделочной доской.

Шарп почувствовал, как начинает болеть голова. Неожиданно ему захотелось увидеть Вивара. Уверенность и жизнерадостность испанца скрашивали трудности долгого похода. Теперь же ему казалось, что все вокруг рушится в бездну. Что, если британский гарнизон действительно ушел из Лиссабона? Что, если на рейде не будет английских кораблей? Неужели он обречен мотаться по Испании до тех пор, пока французы не возьмут его в плен? А если возьмут? Война неизбежно закончится французской победой, и французы начнут отсылать пленников по домам. В Англию вернется еще один офицер-неудачник, которому до конца дней своих

придется довольствоваться половиной жалованья.

Шарп перевернул часы и поставил очередную метку на побеленной известкой стене. На столе скототорговцев остался наполовину пустой бурдюк, и Шарп его утащил. Лейтенант влил отвратительную жидкость в рот, надеясь, что мерзкий вкус перебьет головную боль. Он знал, что это не поможет. Он знал, что утром все будет противно и гадко. То же, вне всякого сомнения, будут чувствовать и его солдаты.

Вспомнив их угрюмость, Шарп расстроился еще больше. Будь они прокляты. Будь проклят Уильямс. Будь проклят Харпер. Будь проклят Вивар. Будь проклят сэр Джон Мур, загубивший лучшую армию, когда-либо покидавшую пределы Британии. Будь проклята Испания, и будь прокляты эти сволочи Паркеры, и будь проклят этот холод, медленно выстуживающий таверну после того, как потух камин.

За его спиной отодвинули засов – с чрезвычайной осторожностью и аккуратностью. Затем, после долгой паузы, тяжелая дверь скрипнула и отворилась. Шарп увидел встревоженные глаза.

– Лейтенант?

– Мисс?

– Я вам кое-что принесла. – Луиза с величайшей предосторожностью закрыла за собой дверь и приблизилась к скамье. – Это заводные часы. Я поставила будильник на четыре.

– Благодарю вас. – Шарп взял тяжелые часы.

– Я должна извиниться, – торопливо произнесла Луиза.

– Нет...

– Я должна извиниться. Я уже привыкла извиняться за поведение тетушки. И я вас очень прошу, верните часы так, чтобы она не видела.

– Разумеется.

– Я подумала, что вам, вероятно, понравится это. – Девушка озорно улыбнулась и вытащила из-под накидки черную бутылку. К изумлению Шарпа, внутри оказался испанский коньяк. – Это дядюшки, – объяснила она, – но ему все равно запрещено пить. Он подумает, что тетушка нашла бутылку и выбросила ее.

– Спасибо.

Шарп глотнул обжигающей жидкости. Затем с неуклюжей учтивостью протер горлышко грязным рукавом и протянул бутылку Луизе.

– Нет, спасибо. – Девушка улыбнулась его неловкому жесту и присела на дальний краешек скамьи. Она все еще была одета в юбки, накидку и чепец.

– Ваш дядюшка пьет? – удивленно поинтересовался Шарп.

– А вы бы не пили, будь у вас такая жена? – Луиза улыбнулась, видя выражение лица Шарпа. – Поверьте, лейтенант, я поехала с тетей с единственной целью – посмотреть мир. Видеть ее не доставляет мне никакой радости.

– Ясно, – пробормотал Шарп, хотя на самом деле не понимал ничего и уж во всяком случае не мог сообразить, зачем

девушка пришла к нему среди ночи.

Он сознавал, что дело не в часах. В ее присутствии он смущался и молчал, но ему не хотелось, чтобы девушка уходила. Затухающий камин бросал на лицо англичанки красный отблеск. Она казалась прекрасной.

– Тетушка невыносимо груба, – продолжала извиняться Луиза. – Она не имела права так говорить о вашем звании.

Шарп пожал плечами:

– Для лейтенанта я действительно стар. Пять лет назад я был сержантом.

Луиза взглянула на него с новым интересом:

– Правда?

– Правда.

Она улыбнулась, и в сердце Шарпа впились стрелы желания.

– По-моему, вы – исключительный человек, лейтенант, хотя, должна вам сказать, тетушка считает вас неотесанным. Она без конца удивляется, как вы получили звание, и уверяет, что сэр Гайд никогда не допустил бы вас на корабль в качестве офицера.

Истерзанное самолюбие Шарпа едва не прорвалось в ругательстве, но он вовремя сообразил, что Луиза просто дразнится. К тому же дружелюбие девушки было очевидно. Именно дружелюбия не хватало Шарпу последние месяцы.

Ответ его прозвучал несуразно. Прирожденный офицер, мрачно подумал Шарп, знал бы, как реагировать на юмор

девушки. Он же задал дурацкий вопрос:

– Сэр Гайд был вашим отцом?

– Он приходился кузеном моему отцу. Весьма далеким кузеном, по правде говоря. Я слышала, что он был не из лучших флотоводцев. Считал Нельсона обыкновенным авантюристом. – Луиза замерла, встревоженная неожиданным шумом, но это было всего лишь треснувшее в камине полено. – Зато он был очень богат, – продолжала девушка, – и вся семья получила свою долю наследства.

– Значит, вы богаты? – не удержался Шарп.

– Я – нет, зато тетушка получила столько, что может баламутить весь мир. Вам и не вообразить, мистер Шарп, как тяжело распространять протестантизм в Испании.

– Вы пошли на это добровольно, мисс, – пожал плечами Шарп.

– Правда. А трудности – расплата за возможность посмотреть Гранаду и Севилью. – Глаза девушки вспыхнули, а может, в них отразился огонек тлеющих поленьев. – Мне бы хотелось увидеть больше!

– Вы возвращаетесь в Англию?

– Тетушка полагает, что так будет лучше. – Луиза заговорила подчеркнуто насмешливым голосом. – Испанцы, как выяснилось, не сильно тяготятся римскими оковами.

– А вы бы хотели остаться?

– Это невозможно. Молодые женщины, мистер Шарп, не свободны в принятии решений. Я должна вернуться в Года-

минг, где меня ждет мистер Баффорд.

Шарп улыбнулся ее тону:

– Мистер Баффорд?

– Чрезвычайно почтенный человек, – произнесла Луиза так, словно Шарп собрался доказывать обратное, – и, разумеется, методист. Производитель чернил. Подобный бизнес обеспечит будущей миссис Баффорд большой дом и скучную, но комфортабельную жизнь.

Шарпу никогда не приходилось говорить с такой образованной девушкой. К тому же он никогда не слышал, чтобы о состоятельных людях отзывались с осуждением. Ему всегда казалось, что люди должны быть благодарны за скучную и комфортабельную жизнь.

– Вы и есть будущая миссис Баффорд?

– Да.

– Но не хотите выходить замуж?

Луиза нахмурилась:

– А вы женаты?

– Я недостаточно богат, чтобы жениться.

– Других это не останавливает. Нет, мистер Шарп, я не хочу выходить за мистера Баффорда, что лишний раз свидетельствует о моем упрямстве. Я бы не стала тревожить вас среди ночи, чтобы поделиться своими ничтожными проблемами. Я хотела спросить, лейтенант: наше присутствие обременяет вас? То есть из-за нас вы можете попасть в плен?

Ответ был однозначен, но Шарп не мог сказать правду.

– Нет, мисс. Пока мы идем хорошим темпом, убр... французы нас не догонят.

– Если бы вы сказали правду, я бы потребовала, чтобы вы оставили нас убр... французам. – Луиза улыбнулась своей невыносимой озорной улыбкой.

– Я бы не оставил вас, мисс, – пробормотал Шарп, радуясь, что в темноте не видно, как он покраснел.

– Очень трудно хранить верность моей тетушке.

– Вот уж точно. – Шарп улыбнулся, и улыбка его перешла в смех.

Луиза прижала пальчик к его губам и поднялась:

– Благодарю вас, лейтенант. Надеюсь, вы не сердитесь, что мы к вам присоединились?

– Теперь нет, мисс.

Луиза прокралась к двери:

– Приятных снов, лейтенант.

– Вам тоже, мисс.

Шарп проследил, как она скользнула в дверь, и задержал дыхание, пока не услышал звука осторожно задвигаемого засова. Теперь ему точно не уснуть. Нежная, насмешливая улыбка перевернула все его мысли, желания и мечты. Ричард Шарп находился далеко от дома, его нагоняли враги, и самое худшее – он влюбился.

В четыре часа утра Шарп проснулся от мелодичного позвякивания серебряного будильника Луизы и принялся сту-

чать в дверь Паркеров, пока недовольный стон не известил о пробуждении семейства. Затем он отправился на конюшню и обнаружил, что стрелки за ночь не сбежали. Все были на месте, и все были пьяны. Купленные Шарпом бурдюки валялись на полу, кроме того, среди соломы лежало множество пустых бутылок – очевидно, подарок цистерцианских монахов.

Сержант Уильямс с трудом стоял на ногах.

– Ребята, сэр, – беспомощно пробубнил он, – они сильно расстроились.

– Почему ты не доложил о бренди?

– Вам, сэр? – Уильямс поразился подобной возможности.

– Черт побери! – Голова Шарпа раскалывалась, его мутило, но похмелье стрелков было куда более тяжелым. – Поднимай ублюдков!

Уильямс икнул. В тусклом свете фонаря было видно, что задача невыполнима. Тем не менее, опасаясь гнева Шарпа, сержант сделал несколько слабых попыток расшевелить ближайшего человека.

Шарп отшвырнул Уильямса в сторону. Он орал на стрелков. Он пинал их, тряс и бил в живот, после чего несчастных рвало на пол конюшни.

– Встать! Быстро! Встать!

Стрелки тупо шатались. Пьянство было извечной проблемой армии. В нее записывались, чтобы пить. Удержать солдат в войсках удавалось лишь дневной нормой рома. А люди

использовали каждую возможность, чтобы напиться до бесчувствия. Шарп, в бытность свою солдатом, вел себя точно так же. Теперь он был офицером, и его авторитет в очередной раз оказался подорван.

Он насыпал на полку ружья сухого пороха и взвел курок. Услышав знакомый звук, сержант Уильямс вздрогнул. Лейтенант нажал на курок, и конюшня наполнилась грохотом и дымом.

– Встать, ублюдки! Встать! Встать!

Шарп пинал стрелков снова и снова, его ярости не было предела. Он представлял, каким ничтожным предстанет перед глазами мисс Луизы Паркер.

В четверть шестого Шарп наконец выстроил своих людей на дороге. Мелкий дождь, похоже, зарядил на весь день. Карета Паркеров выехала со двора таверны, когда лейтенант проверял оружие и обмундирование. Он перенюхал все флаги и вылил оставшийся бренди на землю.

– Сержант Уильямс?

– Сэр?

– Идем быстрым маршем!

Быстрый марш означал невероятные физические усилия. Предчувствуя мучение, стрелки загудели.

– Молчать! – взревел Шарп. – Напра-во!

Небритые, с красными глазами и серыми лицами, солдаты неуклюже повернулись.

– Быстрый марш!

Отряд двинулся в сторону серого, безрадостного рассвета. Шарп задал настолько жесткий темп, что люди выбегали из строя, чтобы излить содержимое желудка в придорожную канаву. Лейтенант пинками загонял их обратно. В такие минуты Шарпу казалось, что он действительно ненавидит своих солдат. Теперь ему хотелось, чтобы они проявили неповиновение, чтобы он мог лишний раз сорвать злость на ублюдках. Он гнал их так быстро, что карета Паркеров отстала.

Шарп не обратил на это внимания. Наоборот, он все увеличивал и увеличивал темп, пока сержант Уильямс, чувствуя приближение бунта, не оказался рядом. Начинался крутой и извилистый спуск к реке, через которую был переброшен каменный мост.

– Люди больше не могут, сэр.

– Нажраться смогли? Так пусть пострадают, черт бы их взял!

На самого Уильямса было жалко смотреть. Бледный, запыхавшийся сержант еле переставлял ноги и в любой момент мог потерять сознание. Остальные были еще хуже.

– Простите, сэр, – с трудом выговорил Уильямс.

– Надо было оставить вас французам. Всех!

Чувствуя свою вину, Шарп злился еще больше. Он понимал, что это его недосмотр. Следовало проявить характер и проверить конюшню; он же спрятался от собственных солдат в гостинице. Вспомнились пьяные, оставленные на милость безжалостным французам в ходе отступления ар-

мии сэра Джона Мура. Угрожая подобной участью стрелкам, Шарп знал, что не оставит их. Теперь это дело чести. Он выведет свой отряд из-под удара. Пусть они его не поблагодарят, пусть возненавидят, но он протащит их через ад, если там будет проходить дорога к спасению. Вивар заявил, что это невозможно. Шарп это сделает.

– Простите, сэр. – Уильямс по-прежнему пытался его успокоить.

Шарп молчал. Он думал о том, насколько легче дались бы ему все мучения, будь в отряде сержант, способный держать дисциплину. Уильямс слишком боялся испортить с кем-нибудь отношения, между тем Шарп не видел никого, кому можно было доверить нашивки. Гэтейкер слишком хитер и озабочен мнением товарищей. Образованный Танг пьет больше остальных. Можно было бы назначить сержантом Парри Дженкинса, однако ему не хватает твердости. Хэгмэн ленив. Додд – человек спокойный, но медлительный и робкий. Оставался только Харпер, который, как понимал Шарп, ничем не поможет ненавистному офицеру. Выходило, что Шарпу никуда не деться от Уильямса, а роте никуда не деться от Шарпа.

У каменного моста лейтенант приказал остановиться. Зеленые куртки еле стояли на ногах. Карета тряслась по камням где-то за перевалом.

– Рота! – Громоподобный голос лейтенанта заставил некоторых стрелков вздрогнуть. – Оружие на землю!

Стрелки с облегчением уложили на землю тяжеленные ружья и принялись отстегивать штыки и ранцы. Шарп отделил тех, кто утром был трезв, остальным приказал снять шинели и сапоги.

Солдаты решили, что он спятил, но, привыкшие к офицерским причудам, поснимали одежду под мрачным взглядом лейтенанта. На вершине холма показался экипаж, и Шарп рявкнул на стрелков, чтобы они смотрели перед собой и не крутили головой.

– Я никому не разрешал напиваться, – ровным, беззлобным голосом сказал Шарп. – Надеюсь, что сейчас вам плохо.

Стрелки поняли, что гнев Шарпа миновал, некоторые заулыбались, показывая, что им действительно не сладко.

Шарп тоже широко улыбнулся:

– Хорошо. Теперь прыгайте в воду. Все.

Солдаты вытаращили глаза. Громыхание экипажа и визг тормозов становились громче.

Шарп зарядил ружье с проворством человека, получившего хорошую армейскую подготовку. Не веря своим глазам, стрелки смотрели, как он поднял к плечу медный приклад и навел ружье на первые ряды.

– Я сказал, прыгать в воду. Вперед!

Шарп взвел курок.

Солдаты кинулись в реку.

Высота насыпи под мостом достигала восьми футов, река, вспухшая от талых снегов и дождя, была глубиной фута че-

тыре. Шарп стоял на парапете и следил, чтобы каждый солдат окунулся в ледяную воду. Колеблющихся он подбадривал ружьем:

– Ты! А ну окунай чертову голову! Харпер! Ныряй, дружище, ныряй!

Трезвые, раненые и помилованный из уважения к званию сержант Уильямс избежали кары.

– Сержант! Построить людей на берегу! В три шеренги! Быстро!

Дрожащие стрелки повыскакивали из воды и построились в три шеренги. Карета остановилась, из дверей выглянул взволнованный Джордж Паркер:

– Лейтенант? Моя дорогая супруга очень переживала, что вы оставили нас позади...

Увидев мокрых, несчастных людей, Джордж Паркер осекся. Челюсть его отвисла.

– Это пьяницы. – Шарп говорил громко, чтобы солдаты могли его слышать. – Они нажрались как свиньи, они ни на что не годны, черт бы их всех побрал! Я выжимал из ублюдков проклятый спирт.

Паркер отчаянно замахал рукой, стараясь остановить богохульство, но Шарп отвернулся и скомандовал:

– Раздеваться!

Наступила пауза.

– Я сказал, раздеваться!

Солдаты разделись догола. Сорок обнаженных мужчин

дрожали под морозящим дождем.

Шарп подошел ближе:

– Мне наплевать, если вы все, к черту, сдохнете. – Слова лейтенанта произвели впечатление. – В любой момент – слышите вы, ублюдки? – на этой дороге могут показаться французы. – Шарп ткнул через плечо большим пальцем. – Я решил вас здесь оставить. Все равно вы ни на что не годны. Я думал, что вы стрелки. Я думал, что вы лучшие. Но мне приходилось видеть дерьмовые батальоны ополчения, которые были лучше вас! Я видел дерьмовых кавалеристов, которые больше походили на солдат! – Следующее оскорбление вытерпеть было тяжело, и все-таки Шарп решился. – Я видел паршивых методистов, которые оказались круче вас, ублюдков!

Миссис Паркер распахнула шторы, чтобы положить конец богохульствам, но, увидев голых мужчин, завизжала, и шторы закрылись.

Шарп смотрел на своих солдат. Они попали в беду, оказались далеко от дома и далеко от военных складов, с которых получали еду и одежду. Но они все равно оставались стрелками и подчинялись уставу.

Это слово напомнило Шарпу о майоре Виваре и его трех правилах. С маленькой поправкой они подойдут и стрелкам.

Шарп заговорил менее суровым голосом:

– С этого дня мы вводим три правила. Всего три правила. Нарушите хоть одно – и я вас с грязью смешаю. Ни один из

вас не имеет права что-либо украсть без моего разрешения. Ни один из вас не смеет напиться без моего разрешения. И все вы будете драться как черти, когда появится противник. Понятно?

Молчание.

– Я спросил, понятно? Громче! Громче! Громче!

Голые люди прокричали о своем согласии. Они вопили во все горло, лишь бы этот сумасшедший оставил их в покое. Теперь они окончательно протрезвели.

– Сержант Уильямс!

– Сэр?

– Надеть шинели! У вас два часа. Развести костры, высушить одежду. Потом строиться.

– Слушаюсь, сэр.

Карета застыла без движения, кучер-испанец равнодушно восседал на козлах. Только после того, как все стрелки надели шинели, распахнулась дверца и появилась разъяренная миссис Паркер.

– лейтенант!

Шарп уже знал, чего ожидать от подобного тона. Он круто обернулся:

– Вам придется помолчать, мадам!

– Я буду...

– Молчать, черт бы вас побрал!

Шарп пошел к карете, и миссис Паркер, опасаясь насилия, захлопнула дверцу.

Шарп, однако, направился к багажному отделению, откуда вытащил стопку Новых Заветов.

– Сержант Уильямс! Растопка для костров! – Он швырнул книги на лужайку.

Джордж Паркер решил, что весь мир сошел с ума, и хранил дипломатическое молчание.

Спустя два часа стрелки в благочестивом молчании двинулись к югу.

К полудню дождь утих. Дорога слилась с другой, более широкой и грязной, что значительно замедлило продвижение экипажа. Зато, как добрый знак, справа показалась полоска воды. Она была слишком широкой для реки и могла означать либо озеро, либо глубокий, наподобие шотландских, залив океана. Джордж Паркер предположил, что это затопленная долина, а значит, недалеко и море с патрульными английскими судами.

Эта мысль приободрила людей, так же как и места, по которым они следовали. Дорога пролегла через пастбища, иногда перемежающиеся рощами, каменными стенами и небольшими ручьями. Склоны были пологи, попадались богатые с виду фермы.

Шарп пытался припомнить порванную Виваром карту. Выходило, что они значительно южнее Сантьяго-де-Компостела. Покорный вид стрелков приглушил отчаяние прошедшей ночи. Радовала близость моря. Возможно, уже в следующем городке найдутся рыбаки, которые согласятся доста-

вить их на английский корабль.

Шагающий рядом с Шарпом Джордж Паркер жизнерадостно подтвердил:

– Даже если мы не найдем корабль в ближайшем городке, до Лиссабона нам идти не придется.

– Вы уверены?

– В Оронто обязательно будут английские корабли с вином. А до Оронто меньше недели.

Одна неделя до свободы! Шарп радовался как ребенок. Одна неделя быстрого марша в разваленных сапогах. Одна неделя, и больше не надо будет никому доказывать, что он способен продержаться без майора Вивара. Одна неделя дрессировки стрелков, превращения их в боеспособную единицу. Одна неделя с Луизой Паркер, а потом еще две на корабле, идущем на север навстречу бискайским ветрам.

В два часа пополудни Шарп приказал остановиться. Моря по-прежнему было не видно, хотя солоноватый запах уже ощущался среди хвойных деревьев, под которыми лошадям задали корм: сухую кукурузу и сено. Стрелки доели последний монастырский хлеб и без сил повалились на землю. Перед этим отряд пересек затопленную лужайку, где им несколько раз пришлось вытаскивать карету из грязи. Теперь дорога уходила вверх, по обе ее стороны тянулась замшелая ограда, а впереди, на расстоянии одной мили на юг, виднелась ферма.

Паркеры сидели на подстилках возле своей кареты. После

инцидента у моста миссис Паркер избегала смотреть на Шарпа, зато Луиза одарила его счастливым, лукавым взглядом, отчего лейтенант смутился, испугавшись, что стрелки придут к правильному и неизбежному выводу, что он влюбился. Чтобы не выдать своих чувств, Шарп решил проверить единственный пост, выставленный под соснами у дороги.

– Все в порядке?

– Да, сэр, – ответил Хэгмэн, самый старый из стрелков. Он был одним из немногих, не напившихся накануне до бесчувствия. Хэгмэн жевал табак и смотрел на горизонт на севере. – Снова пойдет дождь.

– Ты так думаешь?

– Я знаю.

Шарп присел на корточки. По низкому, неразличимому небу катились бесчисленные черные тучи.

– Почему ты пошел в армию?

Беззубый рот делал и без того уродливого Хэгмэна похожим на щелкунчика.

– Поймали на кармане, сэр. Магистрат велел выбирать: или тюрьма, или служба.

– Женат?

– Почему я и выбрал службу, сэр. – Хэгмэн рассмеялся и выплюнул желтую жижу в лужу. – Клятая была баба. Черноротая, что твой пес.

Шарп засмеялся, потом окаменел.

– Сэр! – негромко произнес Хэгмэн.

– Вижу.

Выкрикивая команды, лейтенант побежал к отряду. С севера, четко вырисовываясь на фоне темных облаков, двигалась кавалерия. Французы их догнали.

Глава восьмая

Место для боя было крайне неудачным. Кругом простирались поля – мечта кавалерии. Попадались полосы затопленной местности, в основном по краям дорог, огороженных каменными стенами, но Шарп понимал, что увести людей от поражения будет чрезвычайно трудно.

– Вы уверены, что это французы? – спросил Паркер.

Шарп не стал тратить время на ответ. Солдат, не способный по силуэту распознать противника, недостойн жизни.

– Пошел! Пошел! – Кучер, который не на шутку испугался гнева Шарпа, изо всех сил огрел лошадей.

Постромки натянулись, экипаж дернулся и покатил по дороге.

Стрелки выдергивали тряпки из ружейных замков. Шарп про себя вознес хвалу неведомому божеству, позаботившемуся о том, чтобы у отрезанного от армии отряда осталось много боеприпасов. Единственный шанс противостоять превосходящим силам противника заключался в сдерживании их атаки плотным ружейным огнем.

Шарп прикинул, что драгунам потребуется около десяти минут, чтобы добраться до сосновой рощи, где находились стрелки. Со всех сторон простиралась равнина, оставалась только ферма на юге. Если случится чудо и стрелки успеют добежать первыми, ферму можно оборонять как крепость.

Надо лишь уложиться в десять минут.

Шарп и двенадцать стрелков остались прикрывать отход.

Лейтенант выбрал Хэгмэна, ибо старый карманник виртуозно стрелял из ружья, и Харпера с его ближайшими друзьями, поскольку подозревал, что все они отличные драчуны.

– Надолго мы их не задержим, – объявил Шарп, – но какое-то время отыграем. И готовьтесь: когда придет время отступать, побежим как черти!

Харпер осенил себя крестом:

– Боже, храни Ирландию.

По топкой дороге, на которой час назад застряла карета, скакало около двухсот драгун.

Стрелки залегли между деревьями. С расстояния в полмили французы их не видели.

– Не шевелиться, – предупредил Шарп. – Целиться в лошадей.

Он бы предпочел дождаться, пока до всадников не останется ярдов двести, но это означало бы слишком близко подпустить конницу. Приходилось начинать стрельбу на пределе досягаемости ружей. Лейтенант надеялся, что залп вызовет панику и сумятицу, за счет чего стрелки выиграют время.

Невидимый в тени сосен, Шарп стоял в нескольких шагах позади своих людей. Он вытащил подзорную трубу и увидел бледно-зеленые мундиры с розовыми обшлагами. Труба приближала во много раз, драгуны подпрыгивали вверх и вниз, заполняя собой весь окуляр. Покачивались ножны,

карабины, ранцы. С такого расстояния лица драгун казались застывшими и устрашающими. Сзади к седлам были приторочены странные мешки, которые Шарп принял сначала за тюки фуражного сена. Французы остановились.

Шарп тихо выругался.

Он водил трубой слева направо. Драгуны пересекли затопленное место и вытянулись в неподвижную линию. Лошади опустили головы и пощипывали мокрую траву.

– Сэр, – позвал Хэгмэн, – посмотрите на дорогу. Видите сволочей?

Шарп резко перевел трубу к середине вражеской линии. Там, сверкая темно-золотыми эполетами и аксельбантами, появилась группа офицеров. В самом ее центре были егерь в щегольском красном ментике и гражданский в черной бурке и белых сапогах. Шарп поразился сверхъестественному чутью, ведущему этих людей по его следу.

Полковник вытащил свою трубу и, как показалось Шарпу, навел ее прямо на него. Лейтенант замер, стараясь не шевелиться, чтобы не блеснули предательские линзы. Он видел, как егерь сложил трубу и отдал приказ офицеру драгун, который тут же поскакал на запад.

Выполняя команду полковника, шестеро драгун снимали с передних луков седел тяжелые каски и надели их на головы. Понимая, что в роще может поджидать засада, егерь решил выслать пикет. Шарп терял преимущество внезапной атаки. Он сложил трубу и выругался, проклиная осторож-

ность француза.

Шестерых разведчиков убить не трудно, но остановит ли это драгун? А вдруг, оценив по залпу силу засады, они бросятся в атаку? Тогда вместо десяти минут у Шарпа будет всего пять, за которые стрелки не успеют добраться до южного склона.

Впрочем, солдатская служба научила его одному: лучше принять плохое решение, чем не принять никакого.

– Отходим! Быстро! Не высовываться!

Стрелки отползли назад, поднялись, когда их уже не было видно из-за деревьев, и побежали.

– Черт! – выругался Харпер.

На дороге, в каких-то двухстах ярдах, стояла застрявшая карета Паркеров – кучер в спешке налетел колесом на каменную ограду. Уильямс и его люди тщетно пытались сдвинуть экипаж с места.

– Выходите! – заревел Шарп. – Выходите из кареты!

В окошке показалась голова миссис Паркер.

– Толкайте! – кричала она. – Толкайте!

– Немедленно из кареты! – Шарп с трудом бежал по грязной и скользкой дороге. – Выходите!

Чтобы выручить карету, надо было подать лошадей назад; ушла бы масса времени.

Но миссис Паркер ни за что не хотела расставаться с комфортабельным экипажем. Она высунулась из окошка и, угрожающе размахивая зонтиком, орала на кучера:

– Хлещи сильнее, идиот! Сильнее!

Шарп распахнул дверцу экипажа:

– Выходить, быстро!

Миссис Паркер огрела его зонтиком, отчего заплесневелый кивер лейтенанта съехал ему на глаза. Шарп схватил миссис Паркер за руку и выдернул ее из кареты. Женщина шлепнулась в грязь и истошно завопила.

– Сержант Уильямс!

– Сэр?

– Двух человек снять ящики с крыши!

Внутри находился весь запас боеприпасов. Гэтейкер и Додд забрались наверх, перерезали веревки штыками и опустили ящики на руки ожидавших внизу стрелков. Джордж Паркер попытался заговорить с Шарпом, но лейтенант не стал выслушивать его бессвязное нервное бормотание:

– Вам придется бежать, сэр. – Шарп схватил миссионера за плечи и развернул в сторону каменной фермы и амбара. – Туда!

Глаза Луизы взволнованно блестели. Миссис Паркер наконец поднялась из грязи и, вне себя от потери багажа и кареты, кинулась к Шарпу.

– Хочешь погибнуть, глупая баба? – закричал лейтенант. – Вперед! Сержант Уильямс! Приказываю вам сопровождать женщин до фермы. Быстро!

Миссис Паркер завопила про чемодан, и дрожащий как лист Джордж Паркер вытащил его из кареты. Затем все се-

мейство вместе с кучером побежало вверх по дороге.

– Сэр? – обратился к Шарпу Харпер. – Перегородить дорогу? – Ирландец показал на карету.

Шарп удивился неожиданной инициативе стрелка и отметил ценность идеи. Если заблокировать дорогу, французам придется преодолевать каменные заграждения по обеим ее сторонам. На этом стрелки могли выиграть несколько минут.

– Если сумеем.

– Никаких проблем, сэр!

Харпер отстегнул постромки и оглобли, в то время как его товарищи перерезали поводья и упряжь. Ирландец стеганул освободившихся лошадей, и те поскакали наверх.

– Все направо, ребята! Надо перевернуть эту штуковину!

Стрелки кинулись к правой стороне кареты. Шарп ждал, когда из рощи покажется разъезд противника. Не удержавшись, он обернулся посмотреть, как командует солдатами Харпер.

Какое-то время карета не двигалась с места, потом ирландец напрягся и, как показалось Шарпу, один выдернул застрявший между камнями экипаж. Главная ось со скрежетом выскочила из щели, колеса закрутились в воздухе.

– Переворачивай! – на выдохе прорычал Харпер, и карета поднялась еще выше.

На какую-то секунду она зависла, угрожая грохнуться обратно и раздавить стрелков.

Шарп кинулся к зеленым курткам и подставил под тяже-

ленный экипаж свое плечо. Покачнувшись, карета с треском и грохотом завалилась набок. Изнутри посыпались чемоданы и подушки, тома испанского Нового Завета вывалились в грязь.

– Кавалерия, сэр! – крикнул Хэгмэн.

На опушке рощи показались шесть всадников.

Шарп вскинул винтовку и выстрелил, почти не целясь. Пуля пролетела мимо. Хэгмэн выстрелил на секунду позже. Одна из лошадей дернулась и заметалась. Драгуны развернули коней. Прогремели еще два выстрела, прежде чем вражеский разъезд скрылся в соснах.

– Бежим! – скомандовал Шарп.

Ноги скользили в грязи, по спине колотили ранцы, но стрелки неслись вверх по дороге. Над головой Шарпа просвистела выпущенная из карабина пуля. Он увидел, как двое стрелков впереди тащат миссис Паркер, и едва не расхохотался. Самое время посмеяться: посреди поля его настигает французская кавалерия.

Шарп догнал группу сержанта Уильямса. Миссис Паркер слишком запыхалась, чтобы кричать, но двигаться быстрее она не могла. Шарп огляделся в поисках Харпера:

– Тащи ее.

– Вы серьезно, сэр?

– Можешь нести на руках, если хочешь.

Ирландец принялся толкать миссис Паркер в спину. Луиза засмеялась, но Шарп прикрикнул на девушку, чтобы она

бежала быстрее. Сам же с остальными стрелками залег под прикрытием каменной ограды.

До Шарпа долетела переключка кавалерийских горнов. Разъезд передал, что натолкнулся на отступающего противника. Сейчас основной отряд перейдет на рысь. Драгуны заменят кивера на обтянутые материей каски. Шарп представлял, как из ножен выхватываются палаши и расстегиваются чехлы карабинов.

– Они пойдут через рощу. Как только появятся, даем залп и бежим! Целить туда, где дорога выходит из рощи, ребята.

Шарп надеялся задержать драгун хоть на минуту. Влепить залп в голову колонне, и пусть теряют время на замену лошадей.

Хэгмэн аккуратно перезаряжал штуцер. Он отложил в сторону заряженные некачественным порохом готовые патроны и засыпал отборный порох, хранившийся у каждого стрелка в специальном рожке. Пулю он завернул в промасленный кусочек кожи, который при выстреле подхватит вращательное движение с нарезов ствола. Завернутый в кожу комочек он забил в ствол, пока не почувствовал, что пуля уперлась в поле нарезка. Затем стрелок сыпанул горсточку свежего пороха на полку. Подобная система требовала времени, зато в результате можно было добиться невероятной точности. Прицелившись, Хэгмэн сплюнул под ноги желтую табачную струю и сказал:

– Поправка на ветер – один шаг влево.

На стену рядом с Шарпом упала капля дождя. Шарп молился, чтобы ливень подождал до первого залпа.

– Постарайтесь попасть с первого раза. Один залп – и мы бежим как черти.

– Сэр! – Занявший оборону в конце линии стрелок показал на край роши.

Прежде чем лейтенант успел вытащить трубу из защитного футляра, из-за деревьев вылетела шеренга всадников.

Этого он не ожидал. Шарп надеялся, что французы колонной пойдут по узкой просеке, они же растянулись влево и вправо и теперь шли кавалерийской цепью во всей ее красе и мощи.

– Огонь!

Залп получился слабым. Если бы стрелки сосредоточили огонь на голове колонны, дорога превратилась бы в кровавое месиво визжащих лошадей и истекающих кровью всадников. На цепь пули не возымели никакого воздействия. Лишь лошадь, угодившая под меткий выстрел Хэгмэна, споткнулась и повалилась на землю.

– Бежим! – скомандовал Шарп.

Стрелки неслись так, словно сам дьявол хватал их за пятки. Французы с гиканьем и свистом скакали по полю, будто охотники, почуявшие добычу.

Первая группа стрелков уже приближалась к ферме. Луи-за тащила за руку раненого Кэмерона и несла его ранец.

– Ублюдки справа! – крикнул Хэгмэн.

Шарп повернулся и увидел, что с восточной стороны, где почва была тверже, вырывается вперед отряд драгун. Французы неслись, как на скачках, ноздри их раздувались от предчувствия близкой победы. Чтобы проскочить провал в каменной ограде, им пришлось стянуться вместе и еще сильнее пришпорить коней. Шарп видел, как забурлила вода под копытами, когда всадники преодолевали заболоченный овраг. Потом он заметил невероятное: бока двух лошадей окрасились кровью, какой-то драгун описал палашом круг и вывалился из седла. Визжащая испуганная лошадь потащила его дальше. Только тогда до Шарпа донеслась ружейная пальба.

Харпер бросил миссис Паркер и сформировал линию обороны у внешней стены фермы. Его залп смешал вырвавшихся по восточному краю французов, подарив группе Шарпа несколько драгоценных секунд.

– Бежать! Бежать!

Стрелки закинули ружья за спину и бежали. Шарп слышал позади топот копыт, скрип седел и крики сержантов и офицеров. Над головой свистели пули, с фермы пытались прикрыть их огнем. Луиза остановилась и широко раскрыла глаза.

– Слева, сэр! – крикнул стрелок. – Слева!

С запада налетали драгуны, которым пришлось огибать баррикаду на дороге. Они заставили лошадей перепрыгнуть через каменную ограду. Один из них был убит прямо в прыжке, остальные летели вперед, и Шарп понял, что его от-

ряд в ловушке. Он выхватил палаш, принял боевую стойку и встретил первого француза.

– Давай! – закричал он. – Давай!

Драгунский офицер наклонился в седле и выставил палаш, чтобы вспороть Шарпу живот. Лейтенант опередил его на долю секунды. Сжимая палаш двумя руками, он размахнулся и изо всех сил рубанул лошадь по морде. Удар пришелся на зубы. Несчастное животное завертелось на месте, а Шарп кинулся вперед, прижался к лошадиному боку и попытался выдернуть драгуна из седла. Прием не удался, ударом притороченного к седлу тюка с сеном лейтенанта кинуло в грязь. Кивер отлетел далеко в сторону. Лошадь лягнула его в бедро и ускакала.

Шарп с трудом поднялся на ноги.

– Ложись! – заорал Харпер, и Шарп инстинктивно рухнул на землю.

Над головой прогремел очередной залп. Завизжала и повалилась в грязь лошадь. Копыто дергающегося в судорогах животного едва не проломило Шарпу череп.

– Бежать! – заревел Харпер.

Шарп успел разглядеть картину кровавой бойни на дороге. Дав несколько залпов по скопившимся в заторе драгунам, Харпер смешал их атаку.

Лейтенант вбежал в ворота. До спасения оставалось пересечь последнюю лужайку. Стрелки уже заскакивали в здание фермы, Шарп видел, как отлетают ставни под ударами при-

кладов.

– Сзади!

С левой стороны грохотали копыта. Зарывав от ярости, Шарп развернулся и ткнул палашом в морду лошади. Животное увернулось, но драгун оказался в невыгодном положении. Он хотел перегнуться через седло и рубануть Шарпа наискосок, однако лейтенант ушел от удара и всадил палаш в бедро француза. Лошадь унесла раненого седока.

Продолжали греметь ружейные выстрелы. Одна пуля пронеслась так близко, что Шарп почувствовал на лице дуновение ветра.

– Бежать! – снова крикнул Харпер.

Шарп кинулся вперед. Он добрался до фермы одновременно с последним стрелком. Харпер стоял у двери, готовясь задвинуть ее тяжелым комодом.

– Спасибо! – выдохнул Шарп, вваливаясь в дом.

Харпер не обратил на него внимания.

Через все здание фермы тянулся огромный коридор. Две двери вели в дом, две другие, расположенные по концам коридора, – наружу. Шарп распахнул дверь слева и попал в просторную кухню, где у камина сидели, съежившись от страха, мужчина и женщина. Над огнем висел на крюке кипящий котел, воняющий щелочью. Кучер Паркеров торопливо объяснял ситуацию, одновременно заряжая огромный пистолет. Луиза пыталась извлечь из изящного тесного ящичка небольшой пистолет с рукояткой из слоновой кости.

– Где ваша тетя? – спросил Шарп.

– Там. – Девушка показала на дверь в другом конце кухни.

– Зайдите туда!

– Но...

– Я сказал, зайдите туда!

Шарп захлопнул футляр с пистолетом и, несмотря на возмущение девушки, затолкал ее в буфетную, где среди каменных кувшинов сидели на корточках ее дядя и тетя.

Драгуны кружили возле амбара. Зеленые куртки продолжали стрелять. Попятилась лошадь, француз зажал раненую руку; затрубил горн.

Драгуны рассыпались. Они держались поблизости, укрывшись от огня за каменным амбаром. Шарп понимал, что спустя несколько секунд враг спешится и изрешетит ферму из ружей.

– Сколько здесь окон, сержант?

– Не знаю, сэр, – еле выдохнул Уильямс, еще не отдышавшийся после бега в гору.

Влетевшая в окно кухни пуля ударила в стропила.

– Не поднимать голову, черт вас дер! И стрелять в ответ!

На первом этаже было три помещения: большая кухня с окнами на юг и на север, буфетная без окон, где укрылись Паркеры, и огромный коровник в конце коридора, тоже без окон; в нем обитали две свиньи и дюжина перепуганных куриц. Из кухни на второй этаж вела лестница. Там была спальня. Широкая кровать и массивный комод свидетельствовали

об относительной зажиточности хозяев.

Шарп выставил стрелков у окон, затем приказал сержанту Уильямсу занять верхнюю комнату и пробить бойницы в восточной и западной стене.

– Пробейте выход на крышу.

– На крышу? – Уильямс растерянно посмотрел на мощные стропила и бревна, прикрывающие черепицу.

– Нам необходимо видеть, что происходит на востоке и на западе, – пояснил Шарп.

Не имея обзора, он был уязвим для неожиданной атаки.

Снова спустившись вниз, лейтенант приказал пробить бойницу рядом с трубой. Фермер наконец сообразил, что от него требуется, притащил кирку и принялся долбить выбеленную известью стену. Висящее на стене распятие подпрыгивало от мощных ударов.

– Ублюдки справа! – крикнул от окна Харпер.

Прогремело несколько ружей. Сделавшие выстрел зеленые куртки уступали место другим. Несколько пеших драгунов попытались ворваться на ферму, трое из них повалились в лужу. Двое спустя некоторое время поднялись и заковыляли назад, третий не шевелился. Шарп видел, как пузырится под дождем окрашенная кровью вода.

На некоторое время все затихло.

Никто из стрелков Шарпа не пострадал. Хозяйка испуганно предложила им колбасы.

Из буфетной на коленях выполз Джордж Паркер. Дождав-

шись, когда Шарп обратит на него внимание, он поинтересовался, что лейтенант планирует делать дальше.

Шарп ответил, что собирается ждать темноты.

– Но это же несколько часов! – испуганно сглотнул Паркер.

– Часов пять, не больше, сэр. – Шарп перезарядил ружье. – Если, конечно, Господь не остановит солнце.

Паркер пропустил мимо ушей еретическое замечание офицера:

– А потом?

– Будем прорываться. Чем позже, тем лучше. Важно застать ублюдков врасплох. Нескольких убьем, остальные, надеюсь, растеряются. – Шарп присыпал полку ружья порохом. – А здесь они нам ничего не сделают, если не будем высовываться.

– Но... – Пуля ударила в стену, и Паркер втянул голову в плечи. – Моя дорогая жена надеется, что вы выручите нашу карету.

– Вряд ли, сэр. – Шарп поднялся на колени, уловил движение за навозной кучей и выстрелил. Комната наполнилась дымом, на пол упал горящий пыж. – Нет времени, сэр.

Лейтенант присел на корточки, вытащил из ранца патрон и откусил пулю.

– А как же мои Заветы?

Шарп решил не говорить, что книги, когда он видел их в последний раз, валялись в испанской грязи. Он выплюнул

пулю в ствол ружья.

– Ваши Заветы, сэр, попали в руки наполеоновской армии.

Шарп примял пыж, порох и пулю в ружейном стволе. Во рту остался неприятный привкус селитры.

– Но...

Очередная пуля прервала Паркера. Она пробила свисающую с крючка сковородку, ударилась в котел и упала к ногам Шарпа. Лейтенант поднял ее и несколько раз подбросил, давая остыть.

Паркер озадаченно нахмурился.

– Поговаривают, что французы пользуются отравленными пулями, сэр.

Шарп говорил нарочито громко, чтобы стрелки, многие из которых верили подобным небылицам, могли его слышать. – Так вот, это неправда.

– Нет?

– Нет, сэр. – Шарп положил пулю в рот, улыбнулся и проглотил ее.

Видя выражение лица Паркера, стрелки расхохотались.

Шарп обернулся посмотреть, как продвигаются дела с бойницей. Стены фермы были невероятно толсты. Несмотря на то что хозяин уже углубился на целый фут, до просвета было еще далеко.

В заднее окно ударил залп карабинов. Неуязвимые для вражеского огня стрелки презрительно засмеялись. Седой

Паркер, однако, не разделял их восторга:

– Вы обречены, лейтенант!

– Ваше положение не лучше, сэр.

– Мы гражданские люди! Я не понимаю, почему мы должны погибать вместе с вами!

Огонь придал Джорджу Паркеру мужества – проповедник решил сдаться в плен.

Шарп подсыпал пороха на полку.

– Хотите выйти наружу, сэр?

– Надо выбросить белый флаг! – Паркер съежился после того, как очередная пуля срикошетила над его головой.

– Если вы настаиваете...

Закончить предложение не дал панический вопль сержанта Уильямса, вслед за которым прогремел оглушительный залп карабинов перед самым домом. Какой-то стрелок отлетел от окна с залитой кровью головой. Раздалось два ружейных выстрела, еще два донеслось сверху. В северном окне возник черный силуэт драгуна. Подкрававшиеся с невидимой стрелками стороны французы брали дом штурмом.

Шарп и несколько стрелков выстрелили, но драгуны успели прикрыться стульями, которыми были забаррикадированы окна. Тогда жена фермера с отчаянным воплем сорвала с крюка котел со щелочью и, с неожиданной для женщины силой, метнула его в нападавших. Кипящая щелочь произвела эффект пушечного ядра. Драгуны повывлетали наружу.

– Сэр!

В кухню вбежал Харпер. Из коридора доносился страшный треск: французы выламывали южную дверь, которую Харпер не успел укрепить так же хорошо, как северную.

Группа драгун, воспользовавшись тем, что стрелки бросили все силы на оборону окон, ворвалась в центральный коридор. Харпер выстрелил через дверь. Щепки полетели еще в двух местах – с другой стороны стреляли французы. Обе пули вонзились в стол.

Кухню заволокло пороховым дымом. Солдаты по очереди стреляли из окон, после чего лихорадочно перезаряжали штуцера. Кучер выстрелил в дверь из своего огромного пистолета и был вознагражден криком боли из коридора.

– Открывай! – скомандовал Шарп.

Харпер исполнил приказ. Растерявшийся француз с карабином в руках увидел перед лицом палаш Шарпа. Лейтенант пырнул его так сильно, что острие палаша со скрежетом вонзилось в противоположную стену. Харпер сорвал со стены топор и устремился вслед за лейтенантом, выкрикивая дикий боевой клич. Он обрушил топор на подвернувшегося драгуна, и пол в коридоре стал скользким от крови.

Шарп повернул и выдернул лезвие. Подскочивший драгун рубанул его по руке, и теплая кровь залила мундир. Лейтенант бросился на врага, прижал его к стене и несколько раз ударил гардой палаша в лицо. Рядом с его головой прогремел ружейный выстрел, еще один драгун отлетел от двери. Свиньи визжали от ужаса, какой-то француз полз по полу,

зажимая руками рану на животе. Раздался еще один ружейный выстрел, после чего Харпер прокричал, что драгуны отступили.

В коридор влетела пуля, несколько раз отскочила от стен и воткнулась в дальнюю дверь. Шарп ввалился в комнату, где содержалась скотина, и увидел деревянное корыто, которым можно было хоть как-то забаррикадироваться. Он выдернул корыто, и свиньи с визгом выскочили наружу.

– Везет же чертовым французам, – проворчал Харпер. – Свининка на ужин.

Бой затих. Дикая визг известил о кончине свиней, после чего моментально прекратилась ружейная пальба. Французы больше не показывались. Один стрелок был убит, еще один ранен.

Шарп подошел к лестнице:

– Сержант Уильямс?

Никто не ответил.

– Сержант Уильямс! Как бойницы?

Лейтенанту ответил стрелок Додд:

– Сержант убит, сэр. Получил пулю в глаз.

– Черт!

– Он вел наблюдение с крыши, сэр.

– Наблюдение не прекращать!

Уильямс мертв... Шарп опустился на пол рядом с лестницей и посмотрел на Патрика Харпера. Выбор напрашивался сам собой, никого другого не оставалось. Между тем Шарп

боялся, что огромный ирландец с презрением отвергнет его предложение. Поэтому решил облечь назначение в форму приказа.

– Харпер?

– Сэр?

– Вы назначаетесь сержантом!

– Ну уж нет, черт меня побери!

– Вы – сержант, Харпер!

– Нет, сэр! Не в этой проклятой армии. Нет.

– Черт тебя возьми! – выкрикнул Шарп, но стрелок отвернулся к окну.

Струйки дыма выдавали позицию драгун.

– Мистер Шарп? – Кто-то осторожно подергал лейтенанта за раненую руку. – Моя дорогая жена и я, – залепетал Джордж Паркер, – посоветовались и решили, что будет правильно, если вы переговорите с французским командованием... – Паркер наконец увидел кровь Шарпа на своих пальцах. – Только не подумайте, – добавил он торопливо, – что мы хотим покинуть вас в трудный момент, но...

– Я знаю, – перебил его Шарп. – Вы считаете, что мы обречены.

Шарп злился не из-за того, что Паркеры вдруг решили его покинуть. С их уходом он навсегда терял Луизу. Он мог бы оставить миссионеров еще на дороге. Он пригнал их сюда ради девушки. Теперь лейтенант понимал, что выбора нет. Женщины не смогут вынести всех тягот осады. Луиза долж-

на уйти.

На столе среди битой посуды лежал мертвый стрелок; с волос еще капала кровь. Рядом валялась марля. Несмотря на серый цвет, она вполне годилась на белый флаг переговоров. Шарп намотал марлю на лезвие палаша и побрел к окну. Стрелки расступились.

Шарп высунул палаш и принялся размахивать им из стороны в сторону, пока со стороны французов не донеслись крики. Выдержав паузу, Шарп выпрямился во весь рост.

– Чего ты хочешь, англичанин? – прокричал кто-то.

– Поговорить.

– Тогда выходи. Один.

Шарп снял марлю и вложил палаш в ножны. Затем вышел в коридор, переступил через убитого драгуна и отодвинул тяжелый комод от северной двери. Чувствуя себя голым и беззащитным, он вышел под дождь.

Говорить с человеком в красном ментике.

Глава девятая

В амбаре стоял удушливый запах крови, гноя и камфарного уксуса. Около дюжины раненых французов лежали на грубых соломенных подстилках у дальней стены. Рядом со сваленными в штабель щитами для забора офицеры соорудили командный пункт. Человек шесть стояли вокруг перевернутой винной бочки. Среди них был егерь в красном ментике. Он обратился к Шарпу на хорошем английском языке:

– Полковник Пьер д’Эклан. Имею честь быть егерем его величества Императорской гвардии.

Шарп едва заметно поклонился:

– Лейтенант королевских стрелков Ричард Шарп.

– Стрелки, говорите? В ваших устах это прозвучало гордо.

Д’Эклан был красив, высок, как Шарп, и хорошо сложен.

У него была квадратная челюсть и золотистые волосы.

– Выпьет ли стрелок вина?

На самодельном столе стояла фляга.

Шарп не мог понять, смеются над ним или оказывают честь.

– Благодарю вас, сэр.

Полковник отмахнулся от лейтенанта драгун и сам наполнил серебряные кубки. Он протянул вино Шарпу, на мгновение задержал руку и взгляделся в иссеченное шрамами лицо англичанина:

– Мы раньше встречались, лейтенант?

– У моста, сэр. Вы сломали мою саблю.

Д’Эклан оживился. Он передал кубок Шарпу и щелкнул пальцами, вспомнив подробности встречи:

– Вы парировали удар. Великолепная защита! Или удача?

– Наверное, удача, сэр.

– Удача должна сопутствовать военным. Но вам снова повезло – я не догнал вас на открытой местности. Как бы то ни было, лейтенант, я отдаю честь великолепной обороне стрелков. Жаль, что все закончилось таким образом.

Шарп допил вино, чтобы убить противный привкус пороха во рту.

– Еще не закончилось, сэр.

– Вот как? – Д’Эклан вежливо поднял бровь.

– Я пришел, сэр, обсудить судьбу нескольких гражданских лиц, оказавшихся с нами на ферме. Они хотят уйти. И рассчитывают на вашу доброту, сэр.

– Мою доброту? – Д’Эклан разразился оглушительным хохотом. – Я вам уже говорил, лейтенант, что являюсь егерем его величества Императорской гвардии. Подобного, не говоря о звании полковника, не добиваются добротой. Но я все равно польщен вашим комплиментом. Кто эти люди?

– Английские путешественники, сэр.

– А это их книги? – Д’Эклан показал на перепачканные тома Нового Завета.

Очевидно, французов мучило любопытство, откуда взя-

лась религиозная литература.

– Они миссионеры-методисты. Хотят спасти Испанию от папского влияния.

Д’Эклан внимательно посмотрел на Шарпа, пытаясь определить, шутит он или нет. Поняв, что лейтенант говорит серьезно, полковник снова расхохотался:

– С тем же успехом можно превращать тигров в коров!.. Да, весьма странная компания для стрелков. Вы можете дать слово, что у этих методистов нет оружия?

Шарп предпочел не вспоминать о маленьком пистолете Луизы:

– Да, сэр.

– Выпускайте их. Один Бог знает, что мы с ними сделаем, но стрелять в них мы не будем.

– Благодарю вас, сэр. – Шарп повернулся, чтобы уйти.

– Подождите, лейтенант. Я хотел с вами поговорить. – Заметив на лице Шарпа тревогу, д’Эклан добавил: – Не собираюсь удерживать вас против воли, лейтенант. Я уважаю условия переговоров.

Шарп подошел к двери амбара и крикнул, что Паркеры могут выходить. Он также предложил уйти трем находящимся на ферме испанцам, но никто из них не решился положиться на французское гостеприимство.

Первой из осажденной фермы вышла миссис Паркер. Она шлепала по грязи, угрожающе размахивая зонтом.

– Боже милосердный, – пробормотал за спиной Шарпа

д'Эклан, – почему вы не приняли ее на службу?

Джордж Паркер неуверенно шагнул под дождь, за ним показалась Луиза, и д'Эклан оценивающе кашлянул:

– Похоже, мы вам обязаны, лейтенант.

– Вы передумаете, сэр, когда познакомитесь с теткой.

– Я не собираюсь укладывать в постель тетку, – улыбнулся

д'Эклан и приказал капитану позаботиться о гражданских.

– Итак, лейтенант стрелков, что вы намерены делать дальше?

Шарп пропустил мимо ушей покровительственный тон и притворился, будто не понял вопроса:

– Сэр?

– Позвольте, я расскажу вам о ваших планах. – Красный ментик элегантно спадал с плеча высокого француза, прохаживающегося по амбару. – Вам удалось пробить амбразуры на втором этаже. Теперь я не смогу атаковать вас внезапно до наступления темноты. К тому же ночная атака рискованна, поскольку у вас достаточно дров, чтобы осветить подходы к зданию. – Он пристально посмотрел на лейтенанта, но лицо Шарпа оставалось бесстрастным. Д'Эклан наполнил кубки. – Полагаю, – продолжил егерь, – вы выдержите еще одну атаку. Вы также рассчитываете, что после этого я буду дожидаться рассвета. Часа в два-три ночи, когда мои люди будут менее всего боеспособны, вы предпримете вылазку. Скорее всего, попытаетесь прорваться на запад, где в ста шагах начинаются заросли кустарника. Там вы будете в относительной безопас-

ности. Оттуда козьими тропами двинете в горы. – Д’Эклан сделал несколько шагов и остановился, глядя на Шарпа. – Я прав?

Егерь был поразительно точен. Шарп не знал про кустарник, но он неизбежно разглядел бы его из бойницы на крыше.

– Ну?

– У меня были другие планы, – ответил Шарп.

– Вот как? – Егерь демонстрировал отменную вежливость.

– Я планировал взять ваших людей в плен и сделать с ними то, что они сделали с жителями испанской деревни.

– Изнасиловать? – Д’Эклан расхохотался. – Некоторым это может и понравиться, хотя большинство будут сопротивляться вашим скотским порывам. Впрочем, для Англии это скорее норма.

Шарп растерялся и решил промолчать. Ко всему прочему, ему было страшно неловко за свой вид. Мундир был разорван и выпачкан кровью, кивер он потерял, шаровары без серебряных пуговиц едва держались, через прорехи светилося голое тело. Дешевые сапоги окончательно развалились. Д’Эклан, напротив, был одет с иголки в плотно прилегающий красный долман с аксельбантами и золотыми пуговицами. На левое плечо был наброшен алый ментик – совершенно бесполезная часть одежды, чрезвычайно модная среди кавалеристов. На шее полковника красовалась золотая цепь. Пустые рукава ментика свисали до позолоченных но-

жен и цепочек, на которых крепилась сабля. Внутренняя поверхность темно-зеленых рейтуз была усилена на бедрах кожаными вставками, чтобы ткань не терлась о седло, с внешней стороны на рейтузах были красные вставки с золотыми пуговицами. Высокие сапоги были пошиты из мягкой черной кожи. Шарп прикинул, что такая форма стоит больше его годового жалованья.

Д'Эклан раскрыл портсигар и вытащил две сигары. Шарп не нашел причин отказаться от угощения. Офицеры по-дружески прикурили от трутницы, после чего, выпустив вверх клуб дыма, француз вздохнул:

– Полагаю, лейтенант, вам и вашим стрелкам следует сдать.

Шарп промолчал.

Д'Эклан пожал плечами:

– Я буду с вами честен, лейтенант... Шарп, вы сказали?

– Да, сэ.

– Буду с вами честен, лейтенант Шарп. Я не хочу, чтобы мои люди оставались здесь на ночь. Мы имеем честь представлять авангард нашей армии и, следовательно, постоянно подвергаем себя опасности. Испанские крестьяне временами нам сильно досаждают. Оставаясь здесь, я могу за ночь потерять несколько человек. Им перережут в темноте горло, а я не хочу, чтобы лучшая в мире кавалерия погибала столь ужасной и бесславной смертью. Поэтому я предлагаю вам сдать задолго до наступления темноты. Более того, ес-

ли вы не сделаете этого сейчас, я уже не приму сдачи. Я ясно выражаюсь?

Шарп был удивлен угрозой, но ничем этого не проявил:

– Я вас понимаю, сэр.

Несмотря на слова Шарпа, д'Эклан посчитал нужным добавить:

– Вы все умрете, лейтенант. Не так мучительно, как испанские крестьяне, но умрете. Завтра сюда подойдут основные силы, и я прикажу артиллеристам разнести несчастную ферму в клочья. Это послужит уроком для врагов Франции. Не стоит отнимать время у императора.

– Да, сэр.

Д'Эклан улыбнулся:

– Означают ли ваши слова согласие сдатьсья?

– Нет, сэр. Видите ли, я не верю в ваши пушки. Вы таскаете с собой тюки с сеном. – Шарп показал на пасущихся за открытой дверью амбара офицерских лошадей с притороченными к седлам тюками. – Если бы за вами действительно шла армия, сено везли бы на телегах. Вы всего-навсего патрулируете территорию, и, если мой отряд продержится достаточно долго, вы уйдете.

Полковник задумчиво посмотрел на Шарпа и пожал плечами:

– Я восхищен вашим мужеством, лейтенант. Но оно вам не поможет. На самом деле выбора у вас нет. Ваша армия разбита и спешит вернуться домой. Испанские армии раз-

громлены и рассеяны. Никто вас не выручит. Вы можете либо сдаться, либо проявить упрямство, что в вашем случае означает быть изрубленным в куски. – В голосе полковника уже не было веселых и добродушных ноток. Теперь он говорил совершенно серьезно. – Одно или другое, лейтенант. Вы все будете убиты, я об этом позабочусь.

Шарп понимал, что шансов выдержать осаду у него нет, однако гордость не позволяла в этом признаться.

– Мне нужно все обдумать, сэр.

– Другими словами, вы хотите потянуть время? – Егерь презрительно пожал плечами. – Это вам не поможет, лейтенант. Вы всерьез полагаете, что мы позволим майору Вивару уйти?

Шарп тупо уставился на француза.

– Мы знаем, что он с вами. Он и его драгоценный сундук.

– Он... – Шарп не знал, что сказать.

– Я не намерен упускать добычу. Император лично поручил мне доставить сундук в Париж, и я его не подведу. – Д'Эклан снисходительно улыбнулся. – Разумеется, если вы пришлете ко мне майора с его ящиком, я позволю вам уйти на юг. Вряд ли несколько оборванных стрелков представляют угрозу будущему империи.

– Майора со мной нет, – сказал Шарп.

– Лейтенант! – укоризненно воскликнул д'Эклан.

– Спросите у методистов! Я не видел Вивара уже два дня!

– Он лжет! – Из-за кучи щитов появился высокий человек

в черной бурке и белых сапогах. – Ты лжешь, англичанин!

– Заткни пасть, ублюдок! – взревел оскорбленный недоверием Шарп.

Полковник д'Эклан встал между разъяренными мужчинами. Не сводя глаз с Шарпа, он по-английски обратился к человеку в черной бурке:

– Похоже, дорогой граф, ваш брат преуспел в распространении ложных слухов.

– Он брат Вивара?

Изумлению Шарпа не было предела. Брат Вивара, так люто ненавидящего французов, находился в стане врага? И видел, как французы насилуют и убивают испанских детей и женщин?

Недоверие Шарпа было настолько очевидным, что д'Эклан посчитал официально заявить:

– Позвольте представить вам графа де Моуроморто, лейтенант. Он в самом деле брат майора Вивара. Вы должны понимать, что, вопреки распространяемой английскими газетами лжи, в Испании многие приветствуют французское присутствие. Эти люди исходят из того, что пришла пора избавиться от старых предрассудков и пережитков, которые так долго не давали жить стране. Граф – один из таких людей.

Граф пристально смотрел на англичанина. Шарп ответил ему враждебным взглядом:

– Значит, вы позволили этим ублюдкам убивать ваш на-

род?

Казалось, испанец сейчас набросится на лейтенанта. Он был выше Бласа Вивара, но теперь, с близкого расстояния, Шарп видел их сходство. У него была такая же драчливая челюсть и горящие глаза, с ненавистью вззирающие на Шарпа.

– Что вы знаете об Испании, лейтенант? – произнес граф. – О ее отчаянном положении? О жертвах, которые должен понести народ на пути к свободе?

– Что вы знаете о свободе? Вы – ничтожество и убийца!

– Довольно! – Д'Эклан вскинул руку. – Вы утверждаете, что майора Вивара с вами нет?

– Ни его, ни его проклятого сундука. Вас это, конечно, не интересует, но мы поссорились, и мне наплевать, придется ли еще раз свидеться. Однако он, похоже, удачно направил вас по ложному следу.

Гнев лейтенанта удивил д'Эклана.

– Так или иначе, след вывел на вас, лейтенант. И вы станете жертвой. Вы и ваши стрелки.

Полковнику явно нравилось это слово. Он знал гусар, улан, егерей, драгун и бомбардиров, он был знаком с саперами и кирасирами, гренадерами и фузилерами, но он никогда не слышал, чтобы солдат называли стрелками.

– С другой стороны, – продолжал д'Эклан, – если бы Вивар был с вами, вы бы все равно отрицали его присутствие, разве не так? Вы же взялись его охранять, что объясняет ваше участие в этом безнадежном сражении.

– Его здесь нет, – устало повторил Шарп. – Спросите у методистов.

– Я непременно расспрошу девушку, – весело произнес д'Эклан.

– Расспросите, – огрызнулся Шарп.

Он думал о том, насколько умен оказался Вивар, распространивший слух, что идет с ними на юг. Другими словами, принес их в жертву. Злости на майора Шарп не испытывал. Напротив, он против воли восхищался испанцем.

Шарп швырнул сигару в угол:

– Я ухожу.

д'Эклан кивнул:

– Даю вам десять минут все обдумать и сдать. Au revoir, лейтенант!

– Сам пошел!

Шарп вернулся на ферму. След вывел на него, значит его и убьют. Вот так Вивар отомстил за уход Шарпа. Лейтенант рассмеялся, поскольку больше ему ничего не оставалось. Кроме как драться.

– Чего хотела эта сволочь, сэр? – спросил Харпер.

– Он требует, чтобы мы сдались.

– Сволочь-то себе на уме.

– Если мы не сдадимся сейчас, позже они сдачу не примут.

– Похоже, ему надо торопиться. Бойтся ночи?

– Бойтся.

– Что будем делать, сэр?

– Пошлем его к черту. А тебя назначим сержантом.

Харпер скривился:

– Нет, сэр.

– Почему, черт побери?

Великан покачал головой:

– Я согласен руководить парнями во время боя, сэр. Капитан Мюррей всегда позволял мне это, и я буду это делать, хотите вы того или нет. Но не больше. Я не хочу быть у вас на побегушках и таскать нашивки.

– Но почему, ты можешь объяснить?

– А почему, черт побери, я должен соглашаться?

– Тогда объясни, почему ты спас мне жизнь там, на дороге? – Шарп махнул рукой в сторону склона, по которому он в панике бежал от драгун, а Харпер прикрывал его огнем.

Огромный ирландец смутился:

– В этом виноват майор Вивар, сэр.

– Объясни, черт побери!

– Вивар сказал мне, что, за исключением одного человека, вы лучший солдат из всех, с кем его сводила судьба. И до тех пор, пока языческая Англия воюет на стороне католической Испании, я должен хранить вашу жизнь.

– Лучший?

– За исключением одного человека.

– Кто же это?

– Я, сэр.

– Майор – лживый ублюдок, – сказал Шарп. Он понял, что следует принять предложение Харпера о поддержке во время боя. Без него будет совсем туго. – Ладно, если ты такой крутой солдат, будь оно проклято, расскажи, как мы выберемся из этой дыры.

– Может, и не выберемся, сэр. Но мы дадим сволочам такой бой, что в следующий раз они подумают, прежде чем связываться со стрелками.

За окном прогремел выстрел из карабина. Пуля ударила в стену кухни. Десять минут д’Эклана истекли, и бой вспыхнул с новой силой.

Из пробитой в крыше бойницы Шарп разглядел заросли, о которых говорил д’Эклан. К северу от них на лужайке паслись кони французов.

– Хэгмэн!

Старый карманник поднялся по лестнице:

– Сэр?

– Займи позицию и начинай отстреливать лошадей. Это немного отвлечет ублюдков.

Внизу хозяйка приготовила еду. Она раздала солдатам соленую макрель и мерланга, что лишний раз доказывало близость моря. Ее муж прорубил наконец бойницу, зарядил дробовик и произвел оглушительный выстрел.

Французы отвели лошадей дальше на север. Из амбара доносился аппетитный запах жареной свинины. Дождь было усилился, затем перестал. Огонь из карабинов не прекра-

щался ни на минуту, не причиняя, впрочем, особого ущерба. Один из стрелков получил ранение в мягкую ткань руки, завизжал, но был пристыжен насмешками товарищей.

Ближе к вечеру несколько драгунов попытались прорваться к дому через расположенный с северной стороны сад; врага легко остановили огнем. Переходя от окна к окну, Шарп пытался сообразить, какую дьявольскую хитрость задумал д'Эклан. А еще он размышлял о том, как распорядился выигранным временем майор Блас Вивар. Сундук оказался важнее, чем предполагал Шарп. Сам император велел его захватить. Шарп подумал, что ему никогда не узнать, что там внутри. Он либо погибнет, либо попадет в плен, а если удастся вырваться, уйдет на юг. Найдет идущий в Англию корабль, доберется до главных сил армии и... снова станет интендантом.

Сердце Шарпа болезненно сжалось. Он только сейчас осознал, до какой степени ненавидит свою должность.

– Сэр! – Стрелок был напуган. – Сэр!

Шарп метнулся к кухонному окошку:

– Огонь!

Французы двигались под прикрытием заборов для овец. Связав несколько секций, они смастерили тяжелый березовый щит, достаточно широкий, чтобы за ним могли укрыться полдюжины человек, и достаточно прочный, чтобы задержать ружейную пулю. Нелепые щиты ползли по двору, приближаясь к зданию фермы. Добравшись до дома, драгуны то-

порами и ломками выломают двери. Шарп выстрелил по неуклюжей конструкции, понимая, что только зря потратил пулю. Огонь карабинов усилился.

Лейтенант обежал вокруг стола и посмотрел в северное окно. Из сада тоже гремели выстрелы и поднимался пороховой дым. Отход был отрезан, но ничего другого не оставалось. Подскочив к лестнице, Шарп скомандовал:

– Всем вниз!

Он обернулся к Харперу:

– Испанцев возьмем с собой. Прорываемся на юг.

– Нас догонят.

– Лучше погибнуть на воздухе, чем в этой крысоловке.

Примкнуть штыки! – Шарп посмотрел на лестницу. – Быстрее!

– Сэр! – Невозмутимый Додд выглянул из бойницы в крыше и пришел в неопишное возбуждение. – Сэр!

Округу огласил новый горн.

Майор Блас Вивар вытащил палаш из ножен и высоко поднял его в воздух. Когда трубач взял самую пронзительную ноту, он резко опустил клинок.

Кавалерия рванула с места. У него была сотня клинков – все, что сумел собрать Давила в Оренте. Кони выбрались из оврага, выскочили на твердую почву и понеслись в атаку.

Галисиец в малиновом мундире опустил ниже пику с хлопающим на ветру флажком. Пешие драгуны в ужасе оберну-

лись.

– Сантьяго! Сантьяго! – кричал Вивар, растягивая последний слог боевого клича. За ним неслись верные касадорцы. Остатки элитной роты в красных мундирах были усилены солдатами в синем, которых привел с севера Давила. Комья грязи из-под копыт летели высоко в воздух. – Сантьяго!

Впереди был ров, из которого драгуны обстреливали ферму. Французы срочно разворачивались, пытаясь остановить ружейным огнем кавалерию. Пуля просвистела у самого лица Вивара.

– Сантьяго! – Майор перелетел через ров и рассек палашом голову драгуна.

Флагоносец налетел на француза и глубоко всадил ему в грудь пику с флажком. Затем вырвал оружие, издал боевой клич и получил пулю в шею. Подлетевший всадник перехватил пику и высоко вскинул окрашенный кровью флаг:

– Сантьяго!

Испанская кавалерия обрушилась на драгун, попытавшихся укрыться во дворе фермы. Клинки покраснели от крови. Перепуганные лошади крутились, скалили желтые зубы и лягались. От сабельных ударов стоял звон, как в кузнице. Один из испанцев упал с лошади, завизжал прибитый палашом к стене амбара француз. Щиты из овечьих заборов валялись в грязи.

В результате атаки все драгуны во дворе фермы были уничтожены, и резня перенеслась в ров. Трубач дал команду пе-

рестроиться. Какой-то драгун, едва держась на ногах после перенесенного кошмара, попытался достать палашом Вивара. Майор мастерски рубанул его по горлу.

– Стрелки! Стрелки! – кричал Вивар.

Из амбара выскочили французские офицеры, и Вивар направил своего коня прямо на них. За ним скакали его солдаты. Французы обратились в бегство. Касадорцы ворвались в амбар, ныряя под дверными перекрытиями. Изнутри слышались дикие крики. Появились конные драгуны, Вивар дал команду строиться в линию и отступать.

В этот момент из здания фермы начали выскакивать стрелки. Они радостно приветствовали испанцев, размахивая ружьями с примкнутыми штыками.

– На восток! – кричал Вивар, заглушая их приветствия. – На восток! – Он палашом показал направление отхода.

Стрелки побежали в сторону поросшего лесом оврага, где могли укрыться от конницы. Драгуны, сообразив, что намного превосходят Вивара численностью, перестраивались для атаки. Затрубил французский горн.

Вивар дождался контратаки. Он отступал, довольный, что французам придется тратить время на захват пустой фермы, пока он будет отходить к оврагу. Его люди вели огонь из седел. Шомпола, которыми они забивали пули, пристегивались к стволам при помощи петельного шарнира – таким образом, потеряться не могли.

Фермер, его жена и кучер бежали вместе с зелеными курт-

ками.

Последние касадорцы проскакали вниз по склону холма. Стрелки Шарпа заняли оборону на опушке леса и встретили преследователей плотным огнем. Французы поняли, что погоня обречена. В заросшем колючим кустарником лесу кавалеристы вынуждены держаться троп и просек, становясь легкой мишенью для ружей.

Осознав опасность, д'Эклан отозвал драгун. Несколько ослепленных яростью всадников не послушались приказа и на полном ходу нарвались на залп стрелков. Атака захлебнулась.

– Прекратить огонь! – скомандовал Шарп.

– Следуйте за нами! – прокричал с дальнего конца оврага майор Вивар.

– Сэр! – предостерегающе крикнул Харпер, и Шарп мгновенно обернулся.

Через поляну бежала Луиза Паркер. Правой рукой она поддерживала высоко задранную юбку, а в левой сжимала шляпку. Со стороны фермы донесся протестующий рык, – очевидно, опомнилась тетушка. Луиза перескочила через окровавленную лошадь. Один из драгун кинулся в погоню, но Хэгмэн уложил его с первого выстрела.

– Лейтенант! Лейтенант! – кричала Луиза.

– Боже милосердный! – рассмеялся Харпер, когда запыхавшаяся девушка влетела в лес и со всех ног кинулась к Шарпу, словно он один мог защитить ее от всех бед.

Она прижалась к нему, смеясь и плача, потом сделала шаг назад. Стрелки Шарпа радостно приветствовали бунт Луизы.

– лейтенант! – Вивар вернулся, чтобы поторопить стрелков. Увидев девушку, испанец опешил. – лейтенант?

На объяснения времени не оставалось. времени вообще не оставалось ни на что, кроме как на паническое бегство на восток, в противоположную от долгожданного моря сторону, назад, к тайнам, заключенным в сундуке Вивара.

Глава десятая

Они шли всю ночь, забираясь все глубже в пасть рожденного на ледниках ветра. Далеко за полночь Шарп увидел отблеск моря. Значительно ближе, прямо под ним, цепочка огней выдавала чей-то бивак.

– Французы, – негромко произнес Вивар.

– Которые поверили, что я сопровождаю вас на юг, – вызывающе сказал Шарп.

– Позже, позже, – ответил Вивар, как уже не раз отвечал на попытки Шарпа завести разговор о его странном поведении.

Стрелки шли, сгибаясь под тяжестью ранцев. Касадорцы вели лошадей под уздцы, стараясь сберечь силы животных для предстоящего перехода. Верхом ехали только раненные. Даже Луизу Паркер попросили идти пешком.

Посмотрев на девушку, Вивар нахмурился:

– Стоит оставить вас на два дня, как вы находите молодую англичанку.

Почувствовав осуждение в тоне майора, Шарп постарался ответить помягче:

– Она убежала от своей тети и дядюшки.

Вивар сплюнул в сторону далеких огней.

– Паркеры? Я о них наслышан. Называют себя миссионерами, а сами лезут в чужие дела. Говорят, епископ намеревался изгнать их из Сантьяго-де-Компостела, но французы

его опередили. Почему она от них сбежала?

– Думаю, ей нравятся приключения.

– Это мы ей предоставим, – мрачно сказал Вивар, – хотя я не считаю солдат подходящей компанией для девушки, пусть даже и протестантки.

– Хотите, чтобы я ее пристрелил? – едко поинтересовался

Шарп.

Вивар отвернулся и посмотрел на тропу.

– Я ее сам пристрелю, если начнутся проблемы. У нас важная миссия, и мы не можем рисковать.

– Какая миссия?

– Позже!

Отряд поднимался выше и выше. Внизу остались спасительные деревья, теперь лишь ветер свистел среди камней на поросшем травой склоне. Ночь выдалась темная, но кавалеристы знали дорогу. Они пересекли высокогорную долину, переправились через бурный ручей и снова полезли вверх.

– Я хочу найти спокойное место, – сказал Вивар, – где нас не потревожат французы. – Несколько минут он шел молча. – Значит, вы видели Томаса?

Шарп почувствовал, что майору стоило большого труда произнести вопрос ровным тоном. Он постарался ответить так же беззаботно:

– Так зовут вашего брата?

– Если его можно считать братом. Он предатель.

Горечь и обида Вивара прорвались наружу. Он не хотел

обсуждать графа Моуроморто, но избежать разговора было нельзя. Очевидно, Вивар посчитал, что холод и кромешная тьма – самые подходящие условия для подобной беседы.

– Каким он вам показался?

– Сердитым, – неожиданно ответил Шарп.

– Сердитым? Ему следовало сгореть со стыда! Он убежден, что единственный выход для Испании заключается в союзе с Францией. – Офицеры шли по гребню горы, и Вивару приходилось кричать, перекрывая шум ветра. – Мы называем таких afrancesados. Предатели уверовали во французские идеи. Томас всегда обожал все северное, но это еще никому не приносило счастья, лейтенант. Только разочарование. Он готов вырезать у Испании сердце и вложить вместо него французскую энциклопедию. Готов забыть Бога и поклоняться разуму, добродетели, равенству, свободе и прочей чепухе, из-за которой люди забыли, что хлеб подорожал в два раза, а слез и горя стало больше.

– Вы не верите в разум? – Шарп старался увести разговор от больной темы верности графа де Моуроморто.

– Разум – это математика мышления, не больше. Руководствуясь разумом, нельзя прожить жизнь. Математика, и тем более разум, не в состоянии объяснить Бога. А я верю в Бога! Вы неверующий человек.

– Нет, – скромно согласился Шарп.

– Но ваш атеизм лучше, чем гордыня Томаса. Он считал себя выше Бога, но клянусь вам, лейтенант, прежде чем

завершится этот год, я предам его Божьему суду.

– Возможно, французы думают иначе?

– Мне плевать на то, что они думают. Меня волнует только победа. Поэтому я и спас вас. Поэтому мы идем через эти горы. – Вивар замолчал, очевидно сберегая энергию для поднятия духа своих людей.

Луизу Паркер, истощенную сверх всяких сил, посадили на лошадь. Тропа уходила вверх. На рассвете, когда на безоблачном небе померкли ночные звезды, Шарп увидел, что они вышли к стоящей на вершине горы крепости.

Не к современному приземистому бастиону за покатыми земляными стенами, от которых ядра отскакивают высоко вверх и перелетают через рвы и рavelины. Перед ними возвышалась устрашающая старинная крепость. Строение было лишено всякого очарования. Оно ничем не походило на приют удалого феодала. Это была твердыня, способная удерживать врага до окончания самого времени.

Крепостью не пользовались более ста лет. Сюда было сложно завозить припасы и продовольствие, да и нужды в обороне не возникало. Холодным утром Блас Вивар привел своих людей под старые, покрытые мхом арки, на поросший сорной травой булыжный двор. Несколько человек под командованием сержанта несли в отсутствие основных сил караульную службу. После ночного холода запах кухни был приятен и сладостен. Кроме него, ничего не радовало: стены заросли сорняками, в главной башне поселились вороны и

летучие мыши, погрёба были затоплены, но восторгу майора не было предела.

– Первые Вивары построили эту крепость почти тысячу лет назад! Здесь был наш дом, лейтенант! Над этой башней развевался наш флаг, и мавры так и не смогли ее взять!

Он провел Шарпа на северный бастион, который, как гнездо гигантской хищной птицы, возвышался над долиной. Столетиями стражники в стальных шлемах следили, не блеснет ли вдали под лучом солнца языческий щит.

– Видите ту тропу? – Вивар показал на узкую темную щель, перерезавшую гору на севере. – Как-то раз граф де Муроморто удерживал эту дорогу в течение трех дней против мусульманских полчищ. Он забил ад их ничтожными душами. Говорят, на дне до сих пор находят ржавые наконечники стрел.

Шарп посмотрел на башню:

– Значит, замок принадлежит вашему брату?

Вивар посчитал вопрос вызовом своей гордости:

– Он опозорил нашу семью. Мой долг вернуть ей прежнее достоинство. С помощью Господа я это сделаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.